

RESPUBLICA LITERARIA

№3 2025

Respublica Literaria

2025. Т. 6. № 3.

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор – Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора – Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Иванов А. Ф. (СПбГЭТУ, СПб, Россия)
Кефели И. Ф. (СЗИУ РАНХиГС, СПб, Россия)
Константиновский Д. Л. (ИС РАН, Москва, Россия)
Лазаревич А. А. (ИФ НАН, Минск,
Республика Беларусь)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Аблажей А. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Алмакаева А. М. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Арутюнова Е. М. (ФНИЦС РАН, Москва, Россия)
Афонасин Е. В. (БФУ им. И.Канта, Калининград, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Изгарская А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Маклашова Е. Г. (ИГИИПМНС СО РАН,
Якутск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжеников А. А. (ИФПР СО РАН,
Новосибирск, Россия)
Солодова Г. С. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (ТОГУ, Хабаровск, Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Campbell C. (Техасский университет в Остине, США)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура,
Зелена Гура, Польша)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)
Гун Нань (Хэйлунцзянский университет, КНР)

Editorial council:

Chief editor – M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor – A. V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Secretary – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ivanov A. F. (SPbSETU, St. Petersburg, Russia)
Kefeli I. F. (NWIM RANEPa, St. Petersburg, Russia)
Konstantinovskiy D. L. (IS RAS, Moscow, Russia)
Lazarevich A. A. (IP NAS, Minsk, Republic of Belarus)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)

Editorial Board:

Abblazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Almakaeva A. M. (HSE University, Moscow)
Arutyunova E. M. (Institute of Sociology
of FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Afonasin E. V. (IKBFU, Kaliningrad, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigoriev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Izgarskaya A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Maklashova E. G. (IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Solodova G. S. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)
Liberska H. (University of Bydgoszcz,
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)
Gun Nan (Heilongjiang University, China)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Барбашина Э. В. Теория стадий этнической идентичности как ответ на некоторые нерешенные вопросы примордиализма и конструктивизма.....	5
Борисов Е. В. Берестов о движении.....	17
Гапаров И. А. Понятие пользы как основание инженерной онтологии в контексте платонизма.....	26
Доманов О. А. Теоретико-типовая экспликация математического аппарата родов структур.....	40
Лунев-Коробский О. А. Генеалогия разума как исторический контекст неорационализма.....	59

СОЦИОЛОГИЯ

Васильева О. В. О миграционных интенциях населения Северо-Востока России в контексте проблемы региональной и этнической идентичности.....	81
--	----

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изгарская А. А., Персидская О. А. Сибирь в миросистемных стратегиях российского государства: к проблеме интеграции периферийных обществ	97
Солодова Г. С. Гражданская идентичность как атрибут государственности и проявление единства многообразия.	115
Шмаков В. С. Социокультурная идентичность: функциональный подход.....	123

ПРАВО

Артемова А. Н. Использование произведений, охраняемых авторским правом, для обучения искусственного интеллекта: новый этап развития доктрины добросовестного использования.....	136
Зыков С. В. Римское частное право в отечественной общественно-философской мысли конца XVIII – начала XX вв.	144

CONTENTS

PHILOSOPHY

Barbashina E. V. Theory of Stages of Ethnic Identity as an Answer to Some Unresolved Questions Primordialism and Constructivism.....	5
Borisov E. V. Berestov on Motion.....	17
Gaparov I. A. The Concept of Utility as the Foundation of Engineering Ontology in the Context of Platonism.....	26
Domanov O. A. Species of Structures: Type-Theoretical Development.....	40
Lunev-Korobksii O. A. The Genealogy of Reason as the Historical Context for Neorationalism.....	59

SOCIOLOGY

Vasileva O. V. Concerning Migration Intentions of the Population of the North-East of Russia in the Context of the Problem of Regional and Ethnic Identity	81
---	----

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Izgarskaya A. A., Persidskaya O. A. Siberia in the World-System Strategies of the Russian State: Towards the Problem of Integration of Peripheral Societies	97
Solodova G. S. Civil Identity as an Attribute of Statehood and a Manifestation of the Unity of Diversity.....	115
Shmakov V. S. Socio-Cultural Identity: A Functional Approach.....	123

LAW

Artemova A. N. Using Copyrighted Works to Train Artificial Intelligence: A New Stage in the Development of the Fair use Doctrine.....	136
Zykov S. V. Roman Private Law in Domestic Social-Philosophical Thought of the late 18th – beginning of the 20th centuries.....	144

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

ТЕОРИЯ СТАДИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОТВЕТ НА НЕКОТОРЫЕ НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМОРДИАЛИЗМА И КОНСТРУКТИВИЗМА

Э. В. Барбашина

Новосибирский государственный медицинский университет,
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
linaba@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу темы этничности с позиции примордиализма, конструктивизма и стадийной модели развития этнической идентичности. Определено, что полисемантическая «этничность» обусловлена изменениями в социально-историческом контексте, смещением идеологических акцентов в отношении к этническим группам, а также разницей методологических подходов. В рамках примордиализма и конструктивизма выявлены наиболее дискуссионные вопросы: происхождение, становление, трансформация этнических групп; существенные признаки этнических групп и индивидуальной этнической идентичности; роль границ в межэтническом взаимодействии. Проведен анализ моделей стадийного развития этнической идентичности Дж. Марсия, Дж. Финни, У. Кросса, которые показали общность теоретических выводов: этническая идентичность может быть как положительной, так и отрицательной, иметь разную степень интенсивности своего проявления, что зависит от того этапа, который она проходит, а прохождение кризиса не является обязательным.

Ключевые слова: этничность, модели стадийного развития этничности, примордиализм, конструктивизм, этническая идентичность.

Для цитирования: Барбашина, Э. В. (2025). Теория стадий этнической идентичности как ответ на некоторые нерешенные вопросы примордиализма и конструктивизма. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С. 5-16. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.5-16

THEORY OF STAGES OF ETHNIC IDENTITY AS AN ANSWER TO SOME UNRESOLVED QUESTIONS PRIMORDIALISM AND CONSTRUCTIVISM

E. V. Barbashina

Novosibirsk State Medical University,
Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
linaba@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the topic of ethnicity from the standpoint of primordialism, constructivism and the stage model of ethnic identity development. It is determined that the polysemantic nature of “ethnicity” was caused by changes in the socio-historical century, a shift in ideological accents in relation to ethnic groups, as well as the difference in methodological approaches. Within the framework of primordialist and constructivist, the most controversial issues are defined: statehood, formation, transformation of ethnic groups; essential features of ethnic groups and individual ethnic identity; the role of the border in the interethnic light. An analysis of the stage development models of ethnic identity by J. Marcia, J. Finney, W. Cross is carried out, which showed the

commonality of theoretical conclusions: ethnic identity can be both positive and negative, have different degrees of breadth of its manifestation, which depends on what stages it goes through, and going through a crisis is not mandatory.

Keywords: ethnicity, stage models of ethnic identity, primordialism, constructivism.

For citation: Barbashina, E. V. (2025). Theory of Stages of Ethnic Identity as an Answer to Some Unresolved Questions Primordialism and Constructivism. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 5-16. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.5-16

Исследования, связанные с этнической проблематикой, активно развиваются во многих областях социально-гуманитарного знания, начиная со второй половины прошлого века. Обсуждаются вопросы, связанные с определением того, что такое этничность; этническая идентичность, как она формируется, сохраняется, меняется; как соотносится этническая идентичность и социокультурная идентичность, в каком отношении находятся этнические, расовые, кастовые группы и др. Предлагаются и обосновываются различные варианты ответов, но согласие отсутствует даже по основным вопросам, а исследование этнической проблематики напоминает хождение по минному полю¹. Опасность заключается в том, что этнические, экономические, религиозные, политические и др. процессы взаимосвязаны в современном обществе, а этнические исследования оказывают влияние не только на интерпретацию происходящего, но и на принимаемые, а затем исполняемые решения. Это подтверждается тем, что сама тема этничности актуализируется в 60-е гг. прошлого века в контексте национальных, антиколониальных движений, в связи с резким увеличением миграционных потоков (в том числе из бывших колоний), ростом населения в полиэтнических городах и странах. И, как следствие этого, усиливается межэтническая, расовая напряженность. И если в 90-е гг. прошлого века высказывались предположения о том, что этническая идентичность потеряет свою актуальность в условиях глобализации, растворится в более значимых вариантах идентичности (гендерной, профессиональной, религиозной и др.), то в настоящее время признается ее значимость. Более того, происходит рост количества исследований, посвященных групповой этнической идентичности и ее роли в жизни каждого человека. И продолжают дискуссии не только между сторонниками основных подходов к анализу этничности (примордиализм, конструктивизм), но и между представителями каждого из них.

Учитывая вышесказанное, **цель статьи** – определить эвристический потенциал теории стадий (статусов) этнической идентичности на основе критического анализа спорных тезисов примордиализма и конструктивизма. Для этого, после краткого экскурса в историю становления понятия «этничность», будут рассмотрены некоторые дискуссионные тезисы примордиализма и конструктивизма для того, чтобы на следующем шаге проанализировать их с позиции теории стадий этнической идентичности.

Первое содержательное использование слова «этничность» (ethnicity) происходит в 1953 г. в социологических работах Д. Рисмена (D. Riesman), а в 1972 г. оно входит в Оксфордский словарь [Eriksen, 1997, p. 33]. Последнее свидетельствует о том, что это слово

¹ Green, E. D. (2006). *Redefining Ethnicity*. Paper Presented at 47th Annual International Studies Association Convention, San Diego, CA, USA. London. Development Studies Institute, London School of Economics. [Online]. Available at: <https://personal.lse.ac.uk/greened/isa.pdf> (Accessed: 10 August 2025).

стало частью английского языка, распространилось в обыденном дискурсе, стало популярным и имеет определенное значение или значения. Следует отметить, что «этничность», «этническое» меняли свой смысл за прошедшие 50 лет и до настоящего времени не являются однозначными. А в более ранний период слово «ethnos», близкое по звучанию «ethnicity», использовалось по отношению к «язычникам» или «варварам». И только к середине XVIII в. оно стало обозначать расовые признаки [Basik, 2002, p. 18], т. е. в каком-то смысле приблизилось к современному значению. В начале XX в. в очередной раз меняется содержание «этничности», оно используется преимущественно для обозначения иммигрантов из стран Азии и Африки, и в меньшей степени для иммигрантов из Европы [Eriksen, 1993].

Первые серьезные работы, посвященные этничности, появляются в первой половине XX в. и, как правило, негативно описывают меньшинства и их дальнейшую судьбу. Пессимистический прогноз связан с тем, что будущее этнических меньшинств рассматривается преимущественно как маргинализация и, соответственно, дальнейшее асоциальное поведение. Э. Стоунквист, один из первых, кто концептуализировал этничность, видит выход из сложившейся ситуации в отказе от своей этнической идентичности и в полном растворении в культуре большинства, т. е. в ассимиляции [Stonequest, 1935]. Во второй половине XX в. исследования приобретают более оптимистичный характер и сосредотачиваются на вопросах, посвященных формированию позитивного образа своей этнической группы, принятию и гордости за свою этническую идентичность [Atkinson et al., 1989; Ponterotto & Pedersen, 1993].

В русскоязычных исследованиях традиционно использовалось понятие «этноса» для обозначения социально-культурной общности, сформированной естественным образом и отличающей себя от других аналогичных образований. Термин «этничность» приходит в русскоязычное употребление во многом благодаря работам В. А. Тишкова и начинает играть важную роль в социально-гуманитарном познании [Герандоков, 2009; Заринов, 2023; Костюк, Абрамова, 2016; Персидская, Изгарская, 2025].

Разнообразный ландшафт современных исследований этничности организован двумя тематическими кругами. *Первый* из них связан непосредственно с темой этничности и включает вопросы о ее истоках, характеристиках (признаках, маркерах), о факторах и условиях формирования, о видах этнической идентичности и др. *Второй* проблемный круг предполагает выход за содержательные границы этничности и представлен анализом этнических процессов во взаимосвязи с другими социальными процессами. Примерами являются вопросы о взаимовлиянии этнических, политических, экономических, образовательных процессов; о взаимосвязи этнической идентичности и социально-культурной идентичности; о соотношении этничности, расы, национальности и др. Понимание расы, впрочем, как и национальности, также не является простым и однозначным. Изначально «раса» понималась как исторически сформировавшаяся группа людей, которые характеризуются общностью физических признаков, передающихся по наследству, и / или сходством социальных характеристик. Однако во второй половине XX в. выяснилось, что между разными расами «больше общего, чем одинакового в рамках каждой расы». Более того, в современных исследованиях расовая идентичность в большей степени привязана к социальным характеристикам и по смыслу частично пересекается с этнической идентичностью, что вносит дополнительные сложности в прояснении этничности.

Конечно, предложенное выше деление достаточно условно, но даже оно показывает, что исследование этничности важно для понимания происходящего в обществе и в жизни отдельных людей. С одной стороны, этническая идентичность играет важную роль в процессах солидарности, межгруппового взаимодействия, в процессе развития личности и ее повседневности, а с другой – достаточно сложно однозначно определить ее признаки в отличие от остальных видов идентичности. Социально-культурная идентичность человека формируется многими факторами (гендер, профессия, религия, этничность, гражданство и др.), которые находятся в динамическом взаимодействии. Они определяют наше личностное восприятие опыта проживания повседневности и находятся в разной степени согласованности или несоответствия [Song, 2003]. И если профессиональная идентичность определяется по виду деятельности, религиозная – по конфессиональной принадлежности или отсутствию таковой, гендерная идентичность – по отнесенности к «социально-половой роли», гражданственная – по факту гражданства, то для этнической идентичности однозначное соотнесение отсутствует.

Обращение к различным существующим трактовкам этничности не является продуктивным из-за их содержательного разнообразия. Как замечает А. Ю. Майничева, основной задачей авторов, исследующих различные аспекты этничности, является формулировка собственного мнения [Майничева, 2004]. И даже если это высказывание не полностью соответствует действительности, то количество вариантов велико и разнообразно. Этничность понимают и как социальную конструкцию, и как совокупность определенных признаков (причем у разных авторов они отличаются), и как когнитивный процесс, и как реализацию биосоциальной (биогенетической) стратегии выживания, и как чувство близости, включенности в свою этническую группу, и как признание границ носителями этничности и представителями других групп и т. д., и т. п.

В большей степени понять, что такое этничность, как формируется этническая идентичность и что с ней происходит, возможно обратившись к анализу наиболее распространенных подходов: примордиализму (эссенциализму) и конструктивизму (когнитивизму, релятивизму, инструментализму). А точнее, к тем тезисам, которые формулируются в рамках каждого из этих подходов сторонниками *примордиализма* (С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилев, Ю. И. Семенов, З. В. Сикевич, В. А. Тишков, Б. Дэвидсон (B. Davidson), Д. Гордон (D. R. Gordon), К. Тейлор (C. Taylor), К. Гирц (C. Geertz) и др.) и *конструктивизма* (Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробизева, Ф. Барт (F. Barth), А. Коэн (A. Cohen), Э. Саутхолл (A. Southall) и, конечно же, «классики» конструктивизма: Э. Гелленер, Б. Андерсен, Э. Хобсбаум, Р. Брубейкер).

Впервые идеи примордиализма были высказаны в сочинениях немецких романтиков, а в развернутом виде были представлены в работе И. Г. Фихте «Речи к немецкой нации» (1808 г.)². Рассуждая о пяти эпохах в истории человечества, он выделил высшие: четвертую – время духовного развития личности и пятую – время духовного искусства. В пятую эпоху человечество уверенной рукой создает из себя точный отпечаток разума – состояние завершеного оправдания и освящения. Основой перехода к высшим стадиям, по мнению Фихте, является воспитание и образование на основе «разумной философии», под которой Фихте подразумевает свое наукоучение. Перейти на высшие стадии развития

² Основные идеи об этапах развития человечества были высказаны уже в работе «Основные черты современной эпохи» [Фихте, 1993].

смогут далеко не все, а лишь тот народ («пранарод», «изначальный народ»), кто сохранит связь со своим истоком через родной язык (*die Muttersprache*), место пребывания, религию. Народы, которые меняли свое местоположение, утратили родину, потеряли свой родной язык и, в конечном итоге, потеряли свой дух, свое субстанциальное начало, этот переход осуществить не смогут.

Основная идея примордиализма заключается в том, что этничность (этническая идентичность, этническая группа) возникает из некоторых «данностей», которые, как правило, не могут быть рационализированы в полном объеме. Резкая критика примордиализма была представлена в статье «Нищета примордиализма» Дж. Эллера и Р. Кохлана [Eller, Coughlan, 1993]. В ней подробно анализируются «аргументы» в пользу данной позиции, высказанные в работах Э. Шилза и К. Гирца, родоначальников примордиализма в его современном варианте. С точки зрения авторов статьи «Нищета примордиализма» эти «аргументы» таковыми не являются. Более того, авторы утверждают, что данный термин – «примордиализм» – «несоциологичен, неаналитичен и бессодержателен». И предлагают исключить его из академического лексикона [Eller, Coughlan, p. 184].

Критика примордиализма выстроена против трех основных идей, которые составляют его смысловое ядро: априорность, трансцендентальный характер этнических данностей; аффективность (эмоциональность). В более развернутом виде эти идеи и их критика заключаются в следующем:

1. Изначальные идентичности, «привязанности», в том числе этническая, доопытны, предшествуют всякому опыту и взаимодействию. Они «естественны», «духовны», «изначальны», но содержание этих априорных характеристик не раскрывается.

2. Изначальные идентичности, «привязанности» не могут быть рационализированы, они «невыразимы по своему характеру», но имеют принудительный характер. Каждый представитель группы испытывает привязанность к своему этническому сообществу, его признакам в обязательном порядке, в том числе к языку и культуре. Изначальные привязанности соединяются между собой сами по себе в «силу некоего необъяснимого абсолютного значения, приписываемого ими самими». Данное «магическое объяснение» не соответствует критерию рационального обоснования и вызывает даже некоторое недоумение.

3. Определяющую роль в формировании этнической идентичности играют «привязанности», «чувства», «изначальные идентичности». Уровень их проявления, «накал» гораздо выше, чем у большинства видов идентичности [Eller, Coughlan, p. 187], и в ситуации выбора детерминирующей становится именно этническая идентичность. Почему происходит так, Э Шилз и К. Гирц не объясняют.

Одна из основных причин, по которой следует исключить примордиализм из академических дискуссий, заключается в том, что эта концепция не объясняет этнические привязанности и не дает исчерпывающего описания их характера [Ibid, p. 188]. Аргументируя ошибочность основных положений примордиализма, авторы приводят контраргумент о появлении новых этнических групп (преимущественно в странах Африки), о возможности выбора этничности, о создании этнических групп как основы коллективных претензий на ограниченные ресурсы [Ibid, pp. 188-189] и др. Определенную сложность для анализа основных идей примордиализма вызывает многозначность используемых слов «изначальная данность», «невыразимые данности», которые достаточно часто встречаются

в текстах. В результате «примордиализм представляет нам картину необоснованных и социально неконструированных эмоций, которые не поддаются анализу, являются подавляющими и принудительными, но при этом изменчивыми» [Ibid, p. 187].

Несмотря на критику, примордиализм представлен и в более современных исследованиях, чем те, которые были рассмотрены выше. Более того, до настоящего времени сохраняется социобиологический вариант примордиализма, согласно которому этнические образования есть результат этногенетического процесса. Другими словами, «этничность – это “широкие родственные связи”» [Van den Berghe, 1996]. Одно из наиболее спорных следствий данной позиции заключается в том, что к этническим группам относятся касты в Индии, представители европейской аристократии, т.е. те, кого подавляющее большинство исследователей не рассматривает как этнические группы.

В более «мягких» вариантах примордиализма признают то, что был длительный период, в течение которого формировались этнические группы. «Этническая идентичность не запечатлена в наших генах» [Van Evera, 2001, p. 20], но после того, как группы сформированы, они имеют явную тенденцию к сохранению. Особенно это касается тех этнических групп, которые достаточно образованы и достигли состояния массовой грамотности; находятся в конфликтных состояниях с другим группами; не являются иммигрантскими этническими группами [Ibid, с. 20-21].

Теории примордиализма главенствовали до середины 60-х гг. прошлого века, пока не были вытеснены конструктивизмом. Позиция конструктивизма, отвлекаясь от смысловых нюансов, заключается в том, что этничность не является вечной и неизменной, а этнические группы формируются социально-историческим контекстом и, соответственно, не обладают никакими «изначальными данностями». Этнические группы могут появляться и исчезать, их роль в социальных процессах может усиливаться или ослабляться, а этническая идентичность человека может трансформироваться, хотя это и не простой процесс. Некоторые авторы подчеркивают, что смена этнической идентичности возможна при условии «незатратного соотношения затрат», то есть в зависимости от соотношения затрачиваемых усилий и получаемых результатов (М. Бэнтон (M. Banton), П. Р. Брасс (P. R. Brass)).

По вопросу о будущем этнических групп и их границ в лагере конструктивистов единое мнение также отсутствует. Варианты ответов расходятся от сохранения этнической идентичности после того, как она сформировалась, до практически полного ее исчезновения вследствие модернизации и глобализации, цифровизации общества. Исчезновение также может быть обусловлено тесным взаимодействием как отдельных представителей этнических групп, так и самих групп [Haas, 1986].

Этничность, как правило, в рамках конструктивизма, характеризуется «маркерами»: язык, религия, культурные традиции, особенности быта и др. Но и по этим вопросам идут обширные дискуссии о том, какие маркеры являются первичными и наиболее важными, а какие носят вторичный характер. Ф. Барт [Barth, 1969], один из наиболее известных представителей конструктивизма, настаивает на том, что существенным признаком являются границы, а не маркеры.

Единство взглядов отсутствует и в среде примордиалистов, и среди конструктивистов, как показал проведенный и далеко не полный анализ. И дискуссии иногда принимают нелюбезный характер. С. Гросби [Grosby, 1994] в ответ на статью «Нищета примордиализма» высказал предположение, что авторы не совсем правильно поняли идеи примордиализма.

А. В. Щипков, обращаясь к представителям конструктивизма, спрашивает их о том, как защитит от них простое, «бытовое», «родное», традиционное, непосредственное, т. е. коллективный культурный опыт, воспринимаемый в его целостности, подлинности, исторической устойчивости. Как, например, защитит от конструктивистской агрессии аутентичное, спонтанное, эссенциалистское восприятие культуры. Как объяснить на уровне идеологии, что ценности, идеалы и их преемственность обладают куда большим историческим ресурсом, нежели сборка-разборка бесконечных культурных проектов [Щипков, 2018, с. 12].

Одним из вариантов снизить напряженность этнических дискуссий и расширить поле ответов стало исследование процесса трансформации этнической и расовой идентичности, которое начинается во второй половине XX в. Во многом это обусловлено отказом от концепции «плавильного котла», которая была определяющей в США и влияла на исследования идентичности в других странах. На ее место приходит признание важности расовой и этнической идентичности, и развивается стадийный подход. Благодаря ему стало понятно, что этническая идентичность может быть как отрицательной, так и положительной на разных этапах развития личности. А социальная успешность, благополучие, психологическое и физиологическое здоровье, академическая успешность связаны с процессом и результатом формирования этнической идентичностью [Rivas-Drake et al., 2014].

Анализ трансформации этнической идентичности основывается на когнитивно-структурном подходе к идентичности Ж. Пиаже, психосоциальных исследованиях Э. Эриксона, статусной теории идентичности Дж. Марсиа.

Последний на основе эмпирических исследований определяет формирование этнической идентичности как динамическую взаимосвязь двух процессов: исследование альтернатив и принятие решений [Marcia, 1966; Marcia, 1980]. Другими словами, речь идет о том, как именно подросток вовлечен в выбор важных вариантов и какова степень его личного участия в этом процессе [Marcia, 1980, p. 351]. В результате возможен один из двух полярных вариантов: «достижение идентичности» либо «диффузия идентичности». В первом варианте человек пережил кризис, серьезно и вдумчиво проработал возможные варианты выбора и принял самостоятельное решение. В втором варианте человек мог пережить или не переживать кризис, но определяющим будет «отсутствие решимости». [Ibid, p. 351]. И поэтому он или не интересуется вопросами идентичности, или готов попробовать все имеющиеся варианты. Марсиа сравнивает это со «шведским столом».

Между полярными вариантами «достижения идентичности» и «диффузной идентичности» возможны промежуточные статусы: мораторий, когда решение не принято, но человек предпринимает усилия для этого, и предрешенная идентичность (предрасположенность), когда право выбора отсутствует. Если человек не проходит период кризиса и тем не менее выражает свою приверженность каким-то ценностям, то это, как правило, ценности, воспитанные родителями, это «вера его отцов живет и поныне» (the faith of his fathers living still) [Ibid, p. 352]. Следует отметить, что Дж. Марсиа, в отличие от взглядов Эриксона, отказывается от признания роли кризиса как необходимого условия для формирования идентичности. А в более поздних работах рассматривает состояние диффузии как возможную адаптивную форму идентичности, которая может быть положительной: «... адаптивно быть диффузным в обществе, где приверженность не ценится и, по сути, может быть наказана» [Marcia, 1989].

Дж. Финни, основываясь на работах Дж. Марсии, А. Тэшфела, Дж. Тернера, разрабатывает свою модель формирования этнической идентичности [Phinney, 1990]. Он модернизирует модель, разработанную Марсия, и выделяет следующие стадии: неисследованный статус, т. е. отсутствие интереса к своей этнической группе, полагание на чужие характеристики; мораторий, т. е. активное участие в определении своей идентичности и, наконец, достигнутый статус, т. е. ясное понимание, что значит быть членом своей этнической группы. По мнению автора, его модель применима к любым этническим меньшинствам. Универсальность объясняется тем, что каждой группе и каждому ее участнику необходимо решить два основных конфликта: между системой ценностей большинства (как правило, белого большинства) и своей группы; между негативным восприятием большинства и самооценкой.

В период с 70-х гг. прошлого века до начала нашего выходит большое количество публикаций, посвященных вопросам формирования этнической (расовой) идентичности, сосредоточенных на переходе от непринятия, и даже ненависти, к гордости за свою этническую принадлежность. Одна из наиболее известных моделей была разработана У. Кроссом и оказала большое влияние на дальнейшие исследования [Cross, 1971; Cross, 1995].

Кросс описывает пятиступенчатую модель «трансформации негра в черного», «опыт ресоциализации» [Cross, 1995, р. 97]. На первой ступени проявляется негативное или безразличное отношение к своей этногруппе (стадия пред-встречи). На второй – человек переживает кризис и начинается отказ от негативного или нейтрального отношения к своей этнической группе и погружение в афроцентрированный мир (стадия встречи). При этом происходит формирование негатива или даже ненависти ко всему белому (стадия погружения-выхода). На четвертой – стадии интернализации – человек выходит из жесткой дихотомии свои-чужие, и начинается формирование сбалансированного отношения к другим. При этом соотнесенность и приверженность к своей группе остается. И, наконец, стадия «интернализации-приверженности» предполагает включенность в различные виды социальной и политической деятельности по решению проблем своей этнической группы. В случае У. Кросса – черных.

Разработка различных моделей, инструментария для определения конкретной стадии – все это сыграло позитивную роль в расширении наших знаний о динамике изменений, о том, где люди находятся в процессе принятия своей этнической принадлежности, и определило четкое понимание траекторий развития в отношении этнической идентичности [Pasupathi et al., 2012].

Модели формирования этнической идентичности, несмотря на свою позитивную роль в этнических исследованиях, имеют недостатки. К наиболее значимым относятся следующие:

1. Фокусировка на этнических меньшинствах, которые находятся в угнетенном состоянии со стороны белых, т. е. доминирующего большинства.
2. Неполное соответствие стадий (статусов, этапов), разработанных в теории, и результатов эмпирических исследований.
3. Отсутствие четкой границы и инструментария для разделения этнической и расовой идентичности, т. к. они рассматриваются по-разному: как тождественные, либо как понятия, находящиеся в отношении подчинения, причем более общим может выступать как «расовая», так и «этническая» идентичность.

4. Абсолютизация «правильности» развития этнической идентичности по определенным этапам и, как следствие, неявная патологизация разнообразия результатов среди людей [Strenger, 1991, p. 288].

Ответом на вышеприведенные недостатки стали работы, в которых большее внимание уделяется этничности «не угнетаемых белых», а также отказ от признания четких, однозначных границ между стадиями формирования этнической идентичности. Вместо этого их рассматривают как интерактивные, взаимопроникающие, а не взаимоисключающие состояния с доминированием основного статуса [Helms, 1995, p. 183]. А также признается возможность перехода на более низкую ступень процесса формирования этнической идентичности. Вопрос о том, насколько правильно должна формироваться этническая идентичность в соответствии с определенными этапами, был также решен в дальнейшем в нарративной концептуализации этничности.

Вопросы, решаемые в рамках теории стадий этнических исследований, важны не только для теоретических построений и рассуждений. Согласно результатам многочисленных эмпирических исследований, достигнутая позитивная этническая идентичность (по терминологии У. Кросса – стадия интернализации) определяет высокий уровень благополучия, самооценки, академических достижений и даже физиологических показателей здоровья [Rivas-Drake et al., 2014; Smith, Silva, 2011].

Список литературы / References

Герандоков, М. Х. (2009). Этничность и этническая идентичность: теоретический аспект. *Вестник МГУКИ*. № 2 (28). С. 28-35.

Gerandokov, M. Kh. (2009). Ethnicity and Ethnic Identity: A Theoretical Aspect. *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. No. 2 (28). Pp. 28-35. (In Russ.)

Заринов, И. Ю. (2023). *Этнос и этничность: Ретроспективный взгляд на проблему*. М.: ИЭА РАН.

Zarinov, I. Yu. (2023). *Ethnos and Ethnicity: A Retrospective Look at the Problem*. Moscow. (In Russ.)

Костюк, В. Г., Абрамова, М. А. (2016). Моделирование этносоциальных процессов: опыт и проблемы. *Сибирский философский журнал*. Т. 14. № 2. С. 105-114.

Kostyuk, V. G., Abramova, M. A. (2016). Modeling Ethno-Social Processes: Experience and Problems. *Siberian Philosophical Journal*. Vol. 14. No. 2. Pp. 105-114. (In Russ.)

Майничева, А. Ю. (2004). Проблемы этничности и самоидентификации в работах зарубежных авторов. [Электронный ресурс]. *Сибирская заимка*. № 1. URL: <https://zaimka.ru/mainicheva-ethnic/> (дата обращения: 26.08.2025).

Mainicheva, A. Yu. (2004). Problems of ethnicity and self-identification in the works of foreign authors. [Online]. *Siberian Zaimka*. No. 1. Available at: <https://zaimka.ru/mainicheva-ethnic/> (Accessed 26 august 2025). (In Russ.)

Персидская, О. А., Изгарская, А. А. (2025). Этничность имеет значение: апология познавательных возможностей конструктивизма. *Дискурс*. Т. 11. № 3. С. 29-40. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-29-40.

Persidskaya, O. A., Izgarskaya, A. A. (2025). Ethnicity matters: an apology for the cognitive capabilities of constructivism. *Diskurs*. Vol. 11. No. 3. Pp. 29-40. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-29-40 (In Russ.)

Фихте, И. Г. (1993). Основные черты современной эпохи. *Фихте И. Г. Сочинения в двух томах*. Т. II. Сост. и прим. В. Волжского. СПб.: Мифрил. С. 359-619.

Fichte, J. G. (1993). The Characteristics of the present age. In *Fichte J. G. Works in Two Volumes*. Vol. II. Volzhsky, V. (comp., notes.). St. Petersburg. Pp. 359-619. (In Russ.)

Щипков, А. В. (2018). *Вопросы идеологии*. М.: Абрис.

Shchipkov, A. V. (2018). *Questions of Ideology*. Moscow. (In Russ.)

Atkinson, D. R., Morten, G., Sue, D. W. (eds.). (1989). *Counseling American Minorities: A Cross-Cultural Perspective*. Dubuque, IA. William C. Brown.

Bacik, G. (2002). A Discussion on Ethnic Identity. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*. Vol. 1. No. 1. Pp. 18-37.

Barth, F. (ed.) (1969). *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*. Boston. Little, Brown.

Cross, W. E. (1971). The Negro-to-black conversion experience. *Black world*. Vol. 20. No. 9. Pp. 13-27.

Cross, W. E. (1995). The Psychology of Nigrescence: Revising the Cross Model. In Ponterotto, J. G., Casas, J. M., Suzuki, L. A., Alexander, C. M. (eds.). *Handbook of multicultural counseling*. Thousand Oaks, CA. Sage. Pp. 93-122.

Eller, D. E., Coughlan, R. M. (1993). The Poverty of Primordialism: the Demystification of Ethnic Attachments. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 16. No. 2. Pp. 183-202. DOI:10.1080/01419870.1993.9993779.

Eriksen, T. H. (1993). *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. London. Pluto press.

Eriksen, T. H. (1997). Ethnicity, race and nation. In Guibernau, M., Rex, J. (eds.). *The ethnicity reader: nationalism, multiculturalism and migration*. Cambridge Polity press. Pp. 33-42.

Grosby, S. (1994). The Verdict of History: the Inexpungeable tie of Primordality – a Response to Eller and Coughlan. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 17. No. 2. Pp. 164-171.

Haas, E. B. (1986). What is Nationalism and Why Should we Study it? *International Organization*. Vol. 40. No. 3. Pp. 707-744.

Helms, J. E. (1995). An update of Helms's White and People of Color Racial Identity Models. In Ponterotto, J. G., Casas, J. M., Suzuki, L. A., Alexander, C. M. (eds.). *Handbook of Multicultural Counseling*. Thousand Oaks, CA. Sage. Pp. 181-198.

Marcia, J. E. (1966). Development and Validation of Ego Identity Status. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 3. No. 5. Pp. 551-558. DOI: 10.1037/h0023281.

Marcia, J. E. (1980). Identity in Adolescence. In Adelson, J. (ed.). *Handbook of Adolescent Psychology*. New York. Wiley. Pp. 159-187.

Marcia, J. E. (1989). Identity Diffusion Differentiated. In Luszcz, M. A., Nettelbeck, T. (eds.). *Psychological Development across the Life-Span*. North-Holland. Elsevier. Pp. 289-295.

Pasupathi, M., Wainryb, C., Twali, M. S. (2012). Relations between Narrative Construction of Ethnicity-Based Discrimination and Ethnic Identity Exploration and Pride. *Identity: An International Journal of Theory and Research*. Vol. 12. No. 1. Pp. 53-73. DOI: 10.1080/15283488.2012.632393.

Phinney, J. S. (1990). Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research. *Psychological Bulletin*. Vol. 108. No. 3 Pp. 499-514. DOI: 10.1037/0033-2909.108.3.499.

Ponterotto, J. G., Pedersen, P. B. (1993). *Preventing Prejudice: A Guide for Counselors and Educators*. Newbury Park, CA. Sage Publications.

Rivas-Drake, D., Seaton, E. K., Markstrom, C., Quintana, S., Syed, M., Lee, R. M., Yip, T., Schwartz, S. J., Umaña-Taylor, A. J., French, S. (2014). Ethnic and Racial Identity in the 21st century Study Group. Ethnic and Racial Identity in Adolescence: Implications for Psychosocial, Academic, and Health Outcomes. *Child Development*. Vol. 85. No. 1. Pp. 40-57. DOI: 10.1111/cdev.12200.

Smith, T. B., Silva, L. (2011). Ethnic Identity and Personal Well-Being of People of Color: A Meta-Analysis. *Journal of Counseling Psychology*. Vol. 58. No. 1. Pp. 42-60. DOI: 10.1037/a0021528.

Song, M. (2003). *Choosing Ethnic Identity*. Cambridge. Polity press.

Strenger, C. (1991). *Between Hermeneutics and Science: An Essay on the Epistemology of Psychoanalysis*. Madison, CT. International Universities Press.

Van den Berghe, P. (1996). Does race matter? In Hutchinson, J., Smith, A. D. (eds.). *Ethnicity*. Oxford. Oxford University Press. Pp. 57-63.

Van Evera, S. (2001). Primordialism Lives! *APSA-CP: Newsletter of the Organized Section in Comparative Politics of the American Political Science Association*. Vol. 12. No. 1. Pp. 20-22.

Сведения об авторе / Information about the author

Барбашина Эвелина Владимировна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Новосибирского государственного медицинского университета, профессор отдела аспирантуры Института философии и права СО РАН, e-mail: linaba@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3369-4753>

Статья поступила в редакцию: 15.08.2025

После доработки: 10.09.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Barbashina Evelina – Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Philosophy of the Novosibirsk State Medical University, Prof. of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: linaba@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3369-4753>

The paper was submitted: 15.08.2025

Received after reworking: 10.09.2025

Accepted for publication: 15.09.2025

УДК 165.3:122

БЕРЕСТОВ О ДВИЖЕНИИ

Е. В. Борисов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация. В ряде недавних публикаций И. В. Берестов представил оригинальную теорию движения, которую он рассматривает как альтернативу стандартной теории. По мнению Берестова, преимущество его теории состоит в том, что она устраняет сконструированный им зеноновский парадокс, с которыми стандартная теория не справляется. Специфика теории Берестова состоит в том, что в ней движущийся объект рассматривается парадоксальным образом как существующий вне пространства и времени на некоторых этапах движения. Данная статья имеет полемический характер: я показываю, что как критика Берестова в адрес стандартной теории движения, так и предложенная им теория, не имеют под собой достаточных оснований. Кроме того, я показываю, что сконструированный им зеноновский парадокс и ряд подобных парадоксов имеют единообразное решение в рамках стандартной теории движения.

Ключевые слова: зеноновская последовательность, зеноновский парадокс, движение, время, пространство.

Для цитирования: Борисов, Е. В. (2025). Берестов о движении. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С. 17-25. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.17-25.

BERESTOV ON MOTION

E. V. Borisov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
borisov.evgeny@gmail.com

Abstract. In some recent papers, I. V. Berestov presented an original theory of motion that he considers an alternative to the standard theory. In his view, the advantage of his theory is its ability to solve a Zeno-like paradox that cannot be solved by the standard theory. A specific feature of Berestov's theory is the view that moving objects are, paradoxically, out of time and space at some stages of moving. The paper has a critical aim: I show that both Berestov's criticism on the standard theory and his own theory are not sufficiently grounded. Besides, I demonstrate that the constructed by him Zeno-like paradox and some analogous paradoxes have a unified solution within the standard theory.

Keywords: Zeno sequence, Zeno paradox, motion, time, space.

For citation: Borisov, E. V. (2025). Berestov on Motion. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 17-25. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.17-25.

Введение

Бесконечные числовые последовательности с пределом порождают парадоксы, подобные апориям Зенона – будем называть такие последовательности и парадоксы зеноновскими. К зеноновским последовательностям относятся, например, следующие: 1) $1/2$,

$1/4, 1/8, \dots$ (последовательность чисел вида $1/2^n$, где n – натуральное число¹; 2) $1/2, 2/3, 3/4, \dots$ (последовательность чисел вида $n/(n+1)$, где n – натуральное число). Обе последовательности являются счетно-бесконечными и стремятся к 1. Зеноновские парадоксы состоят в том, что некоторые мысленные эксперименты, условия которых определяются с использованием последовательностей указанного вида, дают противоречивые или контринтуитивные результаты. Такого рода парадоксы конструируются и обсуждаются в современной литературе, и их следует отличать от апорий, сформулированных Зеноном. Решение проблем, связанных с зеноновскими парадоксами, часто приводит к ревизии некоторых (более или менее) общепринятых философских понятий или концепций².

К исследователям, предлагающим ревизию устоявшихся философских представлений как средство устранения зеноновских парадоксов, относится И. В. Берестов: чтобы устранить некоторые парадоксы, связанные с механическим движением, он разработал оригинальную теорию движения, в которой отвергаются некоторые общепринятые представления о механическом движении. Теория Берестова содержит, в частности, следующий тезис: «Следует признать существующим на определенных этапах³ своего движения, но находящимся вне времени и пространства любой равномерно и прямолинейно движущийся точечный объект» [Берестов, 2024б, с. 272]. В процитированной статье этот тезис обозначен как (T1); ниже я буду использовать это обозначение. Как видим, (T1) противоречит интуитивно очевидному положению, согласно которому движущийся объект существует только в пространстве и времени⁴ [см. также: Берестов, 2022а, Берестов, 2022б, Берестов, 2024а]. Концепция Берестова мотивирована рядом мысленных экспериментов с движением, условия которых определены с использованием зеноновских последовательностей.

Данная статья имеет критический характер: я показываю, что процитированный тезис Берестова не имеет под собой достаточных оснований. В первом разделе статьи я опишу последний мысленный эксперимент Берестова, содержащий зеноновский парадокс; во втором покажу, что устранение этого парадокса не требует принятия (T1); в третьем разделе я проведу аналогию между мысленным экспериментом Берестова и некоторыми зеноновскими парадоксами, обсуждающимися в современной литературе.

1. Мысленный эксперимент «Демон Бенаццерафа на эластичном поводке»

В этом разделе статьи излагается мысленный эксперимент Берестова, представленный в [Берестов, 2024б, с. 276-277]. Зеноновская последовательность чисел вида $1/2^n$, где n – натуральное число, т. е. последовательность $1/2, 1/4, 1/8, \dots$, порождает последовательность интервалов $[0, 1/2), [1/2, 1/4), [1/4, 1/8), \dots$. Нетрудно видеть, что множество этих интервалов бесконечно (счетно), и что они образуют разбиение интервала $[0, 1)$. Пронумеруем эти

¹ Я использую понятие натурального числа, согласно которому 0 натуральным числом *не* является.

² Пример такой ревизии – концепция логической причинности; см. ее изложение и критику в [Борисов, 2022б].

³ В своих публикациях Берестов не определяет понятие этапа. В переписке с автором он определил этап (в контексте [Берестов, 2024б]) как временной интервал вида $[0, x)$, где $0 \leq x \leq 1$, или $[0, x]$, где $0 \leq x < 1$.

⁴ Некоторые мои возражения против этой теории представлены в [Борисов, 2022а] и [Борисов, 2023]. Данная статья продолжает мою полемику с И. В. Берестовым.

интервалы, назначив интервалу $[0, 1/2)$ номер 0, а каждому интервалу формы $[1/2^n, 1/2^{n+1})$ – номер n . Рассмотрим точечный объект, который, вслед за Берестовым, будем называть Демоном Бенацерафа (ДБ). ДБ равномерно движется от точки 0 м к точке 1 м со скоростью 1 м/с, стартовав в момент 0 с, причем для любого n , на n -ом интервале он преодолевает сопротивление силой 2^n Н (например, на интервале 2, т. е. на интервале $[1/4, 1/8)$, он преодолевает сопротивление силой 4 Н). В данной истории сопротивление порождает эластичный поводок, который закреплен на ДБ и на некоторой точке левее 0 м, причем при смещении ДБ от точки 0 направо поводок начинает растягиваться, и сила натяжения в нем возрастает скачкообразно описанным образом. Таким образом, на каждом интервале ДБ совершает работу $1/2$ Дж, и нетрудно видеть, что: 1) при достижении любой точки в интервале $[0, 1)$ ДБ совершает конечную работу; 2) чтобы достигнуть точки 1, ему пришлось бы совершить бесконечную работу.

Для данного мысленного эксперимента важны также следующие положения: ДБ способен совершать сколь угодно большую (конечную) работу за сколь угодно малое время, поэтому на всем интервале $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ он движется с постоянной скоростью 1 м/с несмотря на скачкообразно возрастающее сопротивление; движение ДБ непрерывно; ДБ не может совершить бесконечную работу⁵.

В силу последнего положения ДБ не может достигнуть точки 1 м. С другой стороны, поскольку в любой момент x с, где $0 < x < 1$, ДБ находится в точке x м, и поскольку его движение непрерывно, в момент 1 с он не может находиться в какой-либо точке, отличной от 1 м. Таким образом, в момент 1 с ДБ не может иметь пространственной локализации. В свете стандартной онтологии, согласно которой существование материальных объектов (в том числе материальных точек, таких как ДБ) является пространственно-временным, из этого следует, что в момент 1 с ДБ не существует. При этом мы можем допустить, что он существует на интервале $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$: это не противоречит условиям мысленного эксперимента. Сделав это допущение, мы можем констатировать, что для любого момента x , такого, что $0 \leq x < 1$, в момент x с ДБ находится в точке x м, а значит, проходит пространственный интервал $[0 \text{ м}, x \text{ м}]$ за временной интервал $[0 \text{ с}, x \text{ с}]$.

Главный для нас вопрос, связанный с этим мысленным экспериментом, состоит в следующем: пройдет ли ДБ пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ за временной интервал $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$? Берестов дает отрицательный ответ:

Выполнит ли в рассматриваемой истории ДБ свое намерение пройти слева направо весь интервал 1_{os} в течение темпорального интервала 1_{ot} , двигаясь равномерно со скоростью 1 м/с? Нет, ведь в рассматриваемой истории, чтобы пройти слева направо весь интервал 1_{os} в течение темпорального интервала 1_{ot} , нужно выполнить бесконечную работу, но в рамках рассматриваемой истории выполнение каким-либо объектом бесконечной работы в течение какого-либо конечного темпорального интервала невозможно⁶ [Берестов, 2024б, с. 278].

В этом рассуждении ключевую роль играет следующий тезис:

⁵ Не уверен, что понятие бесконечной работы имеет физический смысл, поскольку работа измеряется только действительными числами, а значит, может быть только конечной. Если это понятие бессмысленно, то тезис, что ДБ не может совершить бесконечную работу, в данном контексте можно прочесть в следующем смысле: для ДБ достижение точки 1 физически невозможно.

⁶ В нотации Берестова $1_{os} = [0 \text{ м}, 1 \text{ м})$; $1_{ot} = [0 \text{ с}, 1 \text{ с})$.

(1) Чтобы равномерно пройти пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ за временной интервал $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, ДБ должен совершить бесконечную работу.

Берестов не дает обоснования (1), видимо, полагая этот тезис очевидным. Я считаю (1) не только не очевидным, но и контринтуитивным, поэтому отсутствие обоснования этого тезиса лишает достаточного основания и один из главных тезисов теории движения Берестова – (Т1). Этот пробел в теории движения Берестова показан в следующем разделе статьи.

2. Пробел в теории движения Берестова

Берестов противопоставляет свою теорию движения стандартной теории, в которой движение объекта по пространственному интервалу s в течение временного интервала t сводится к локализации объекта в точках из s в моменты из t . Эта идея у Берестова сформулирована следующим образом: «ДБ равномерно прошел 1_{os} в течение 1_{ot} ете для любого момента времени t из 1_{ot} $t \models$ ДБ находится в точке $f(t)$ из 1_{os} » [Берестов, 2024б, с. 275]. Ниже я перефразирую этот тезис с учетом авторской нотации, а также с учетом следующего обстоятельства. Берестов использует формально-семантический символ $\models$, однако не описывает семантику, в контексте которой этот символ следует понимать; в частности, он не дает определений модели и истины⁷. Поэтому мы (читатели его статьи) не можем понять формально-семантический смысл процитированного тезиса. Однако я думаю, мы сохраним его неформальный смысл, если перефразируем « $t \models \varphi$ » как «в момент t (имеет место) φ », например, если « $t \models$ ДБ находится в точке x » перефразируем как «в момент t ДБ находится в точке x »⁸. Парафраз процитированного тезиса таков:

(2) ДБ равномерно прошел пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, если и только если для любого x , такого что $0 \leq x < 1$, в момент x с ДБ находится в точке x м.

Мы можем рассматривать (2) как определение понятия «пройти пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ » в рамках стандартной теории движения, с которой Берестов полемизирует. Это понятие используется в (1), поэтому истинность или ложность (1) зависит от этого понятия. Ниже будет показано следующее: 1) в свете определения (2) тезис (1) ложен; 2) Берестов не определяет понятие прохождения открытого интервала в контексте его теории, что оставляет неопределенным и смысл (1) в контексте его теории.

1. В свете определения (2) тезис (1) ложен, потому что, как было отмечено выше, в любой момент x с из интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ ДБ находится в точке x м, что, согласно (2), означает, что ДБ прошел интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ за $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$. При этом для достижения любой точки из интервала $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ ДБ совершает конечную работу.

⁷ Формально-семантические идеи, лежащие в основе теории Берестова, довольно сложны. Например, он различает объект и то, чем объект является на индексе, т. е. на временном интервале [Берестов, 2024б, с. 276]. Таким образом, если я правильно понимаю этот пункт, Берестов понимает объект как интенционал, т. е. как функцию от индексов к тем сущностям, которыми объект на индексах является. Сложность семантики, которую автор имеет в виду, при отсутствии явных семантических дефиниций несколько затрудняет понимание обсуждаемой теории.

⁸ Данный парафраз является вариантом «схемы Т» Тарского в контексте темпоральной семантики.

2. В работах Берестова, насколько я знаю, в качестве определения понятия «равномерно пройти пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ » может рассматриваться только положение, которое он обозначил как (РД): «ДБ равномерно прошел 1_{os} в течение 1_{ot} ете для каждого интервала i_t из $S^{\subseteq}_t i_t \models$ пространственный интервал $f^i(i_t)$ является следом ДБ» [Берестов, 2024б, с. 274]. Как и в случае с предыдущей цитатой, я переформулирую это положение с учетом используемой автором нотации и его определения следа, а также с учетом отсутствия в его работах формально-семантического определения символа « $\models$ ». Парафраз данного положения звучит так:

(3) ДБ равномерно прошел $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ за $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, если и только если: 1) для любого x , такого что $0 \leq x < 1$, ДБ прошел $[0 \text{ м}, x \text{ м}]$ за $[0 \text{ с}, x \text{ с}]$, 2) для любого x , такого что $0 \leq x \leq 1$, ДБ прошел $[0 \text{ м}, x \text{ м})$ за $[0 \text{ с}, x \text{ с})$.

(3) не может рассматриваться как определение понятия «равномерно пройти $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ за $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ ». Дело в том, что в его правой части во втором конъюнкте вместо x можно подставить 1; это значит, что здесь упоминается, в частности, прохождение $[0 \text{ м}, x \text{ м})$ за $[0 \text{ с}, x \text{ с})$. Поэтому, если (3) рассматривать как определение прохождения $[0 \text{ м}, x \text{ м})$ за $[0 \text{ с}, x \text{ с})$, то оно оказывается круговым (содержит определяемый термин).

Подведем итог. В [Берестов, 2024б] тезис (1) является основанием для того, чтобы отвергнуть определение (2). Это значит, что в (1) понятие «равномерно пройти пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение временного интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ » используется не в смысле (2), но в каком-то ином смысле. Однако Берестов не дает своего определения этому понятию; в частности, таковым не является (3). Это делает неясным смысл тезиса (1), тем более его истинностное значение. Однако этот тезис играет у Берестова ключевую роль как в критике стандартной теории движения, так и в обосновании тезиса (Т1). Это показывает, что как в полемическом, так и в позитивном аспектах тезисы Берестова требуют дополнительного обоснования.

3. Мысленный эксперимент Берестова и аналогичные зеноновские парадоксы

Предположу без уверенности, что при обсуждении результатов мысленного эксперимента с ДБ на эластичном поводке автор рассматривает прохождение интервала $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ как некоторое завершенное действие. Чтобы завершить это действие, ДБ должен оказаться в точке 1 м: пока он находится слева от этой точки, данное действие продолжается (и пока оно продолжается, ДБ не совершил бесконечную работу). Но в точке 1 м ДБ мог бы оказаться только в момент 1 с, однако в этот момент он уже не существует. Соответственно, применительно к ДБ в рассматриваемой истории прохождение интервала $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ не может рассматриваться как завершенное действие: пока ДБ существует, это действие не завершено. Однако это не противоречит тому, что ДБ проходит этот интервал *полностью* в том смысле, что на этом интервале не существует точки, в которой ДБ не побывал в период своего существования.

История о ДБ на эластичном поводке аналогична ряду зеноновских парадоксов, обсуждаемых в современной литературе. Проведу аналогию между данной историей и парадоксом космического корабля [Benardete, 1964, p. 149; Moore, 2001, p. 70; Clark, 2002, p. 240]. Рассмотрим космический корабль, который, стартовав в точке 0 км, движется

прямолинейно с некоторой ненулевой скоростью v в течение половины минуты; в течение следующих $1/4$ минуты он движется со скоростью $2v$; в течение следующих $1/4$ минуты он движется со скоростью $4v$ и т. д.: каждый этап его движения, начиная со второго, в два раза короче предыдущего, и на каждом этапе, начиная со второго, его скорость в два раза выше его скорости на предыдущем этапе. Допустим также, что в течение этой минуты он движется по прямой, и что его движение непрерывно. Где корабль будет находиться в момент 1 мин? Парадокс состоит в следующем: если мы допускаем, что в момент 1 мин корабль существует, данный вопрос не имеет ответа. При приближении к моменту 1 мин скорость корабля стремится к бесконечности, поэтому, учитывая непрерывность его движения, он не может находиться в какой-либо точке пространства. Но материальный объект в любой момент времени, когда он существует, должен иметь пространственную локализацию⁹. Таким образом, если мы допускаем, что корабль существует в момент 1 мин, мы получаем противоречие; соответственно, парадокс устраняется, если мы допустим, что в момент 1 мин корабль не существует, т. е. что его существование продолжается до этого момента *невключительно*.

Аналогия между парадоксом космического корабля и историей с ДБ на эластичном поводке состоит в следующем: 1) в обоих случаях постулируется, что некоторая физическая величина стремится к бесконечности при приближении к некоторому моменту времени: в случае космического корабля это скорость, в случае ДБ – работа; 2) в обоих случаях парадокс (противоречие) возникает, если мы допускаем, что объект (космический корабль или ДБ) существует в момент времени, образующий открытую границу рассматриваемого временного интервала, и устраняется при отказе от этого допущения.

Отмечу, что в литературе обсуждается обратная версия парадокса космического корабля, которая имеет весьма любопытные философские импликации [Laraudogoitia, 2011], и что история с ДБ на эластичном поводке тоже имеет обратную версию. Изложу вкратце обратную версию обеих историй.

1. Обратная версия парадокса космического корабля¹⁰. Рассмотрим зеноновскую последовательность временных интервалов $(1/2 \text{ мин}, 1 \text{ мин}]$, $(1/4 \text{ мин}, 1/2 \text{ мин}]$, $(1/8 \text{ мин}, 1/4 \text{ мин}]$, ... Все эти интервалы имеют вид $(1/2^{n+1} \text{ мин}, 1/2^n \text{ мин}]$, где n – натуральное число или 0. Как видим, таких интервалов бесконечно много, и они образуют разбиение интервала $(0 \text{ мин}, 1 \text{ мин}]$. Пронумеруем их, назначив каждому интервалу $(1/2^{n+1} \text{ мин}, 1/2^n \text{ мин}]$ номер n ; тем самым мы пронумеровали их справа налево. Допустим, на интервале $(0 \text{ мин}, 1 \text{ мин}]$ космический корабль движется по прямой со скачкообразно меняющейся скоростью: на интервале 0 он движется с ненулевой скоростью v ; перед этим он проходит интервал 1 со скоростью $2 \times v$ и т. д. Иначе говоря, для любого n , корабль

⁹ Так дело обстоит в стандартной онтологии. Насколько я могу судить, так же дело обстоит даже в нестандартной онтологии Берестова: в этой онтологии материальный объект может быть вне времени и пространства, но, если он имеет локализацию во времени, он имеет также локализацию в пространстве.

¹⁰ Излагается по [Laraudogoitia, 2011]. Для унификации изложения прямой и обратной версий парадокса некоторые несущественные детали изменены. Лараудогойтия выявляет ряд интересных философских импликаций обратной версии парадокса, которые в случае прямой версии остаются за кадром. Прежде всего они связаны с понятием каузальной детерминации и с различием возможных и невозможных объектов. Обратная версия парадокса, сконструированного Берестовым, тоже может продуктивно использоваться при исследовании этих тем.

проходит n -ный интервал со скоростью $2^n \times v$. Допустим также, что движение корабля непрерывно. При этих условиях корабль не мог иметь пространственную локализацию в момент 0 мин. Эта ситуация оказывается парадоксальной, если мы допускаем, что в момент 0 мин корабль существовал: в этом случае оказывается, что материальный объект в некоторой момент времени «выпадает» из пространства. Однако парадокс устраняется, если мы допустим, что в момент 0 мин корабль не существовал, т. е. что время его жизни начинается с момента 0 мин *невключительно*.

2. Обратная версия истории с ДБ на эластичном поводке. Рассмотрим зеноновскую последовательность пространственных интервалов $(1/2 \text{ м}, 1 \text{ м}]$, $(1/4 \text{ м}, 1/2 \text{ м}]$, $(1/8 \text{ м}, 1/4 \text{ м}]$, ... с нумерацией справа налево, как в предыдущем случае. Пусть ДБ на интервале $(0 \text{ м}, 1 \text{ м}]$ движется прямолинейно, равномерно и непрерывно, преодолевая скачкообразно меняющееся сопротивление: на интервале 0 сила сопротивления равна 1 Н, на интервале 1 она равна 2 Н и т. д., для любого n на интервале n сила сопротивления равна 2^n Н. Нетрудно видеть, что, как и в случае исходной истории, при прохождении каждого интервала ДБ совершает работу $1/2$ Дж. Допустив, что в момент 0 мин ДБ существует, мы получаем парадоксальное следствие, что при достижении точки 1 м (как и при достижении точки x м для любого $x > 0$) ДБ совершил бесконечную работу. Отказавшись от этого допущения, мы устраняем парадокс.

Нетрудно видеть, что обратные версии обоих парадоксов аналогичны прямым версиям и имеют аналогичное решение.

Заключение

Берестов рассматривает сконструированный им парадокс как основание для критики стандартной теории движения и разработки новой теории. Однако, как было показано во второй части статьи, аргументация Берестова имеет существенный пробел. Кроме того, как его парадокс, так и ряд аналогичных парадоксов имеют единообразное решение в рамках стандартной теории. Это решение состоит в том, чтобы рассматривать период существования соответствующего объекта (ДБ, космического корабля или любого иного материального объекта) как временной интервал, имеющий открытую границу, совпадающую с открытой границей интервала, который порождает парадокс. Например, в случае истории о БД на эластичном поводке решение состоит в допущении, что ДБ существует до момента 1 с неключительно. Это позволяет заключить, что теория Берестова как альтернатива стандартной теории движения нуждается в дополнительном обосновании; пока таковое не представлено, стандартная теория предпочтительна.

Список литературы / References

Берестов, И. В. (2022а). Как Ахиллес с Гектором разминулся: затруднение в теории движения, разводящей прохождение открытого интервала и его замыкания. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 4. С. 5-26. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.5-27.

Berestov, I. V. (2022a). How Achilles and Hector Missed Each Other: A Difficulty in the Theory of Motion That Distinguish the Passage of an Open Interval and the Passage of its Closure. *Respublica Literaria*. Vol. 3. No. 4. Pp. 5-26. (In Russ.). DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.5-27.

Берестов, И. В. (2022б). Ответ оппонентам. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 4. С. 75-98. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.75-98.

Berestov, I. V. (2022b). A Reply to the Critics. *Respublica Literaria*. Vol. 3. No. 4. Pp. 75-98. (In Russ.). DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.75-98.

Берестов, И. В. (2024а). Редукция прохождения открытого интервала к прохождению замкнутых и ее озадачивающие следствия (реплика на статью Е. В. Борисова). *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 78. С. 15-25. DOI: 10.17223/1998863X/78/2.

Berestov, I. V. (2024a). A Reduction of the Passage of an open Interval to a Sequence of Passages of Closed Intervals and Puzzling Consequences of this Reduction (a Reply to Evgeny V. Borisov's Article). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 78. Pp. 15-25. (In Russ.). DOI: 10.17223/1998863Kh/78/2.

Берестов, И. В. (2024б). Ахиллес вне времени и пространства: еще раз о несводимости прохождения открытого интервала к прохождению замкнутых (вторая реплика на статью Е. В. Борисова). *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 81. С. 271-281. DOI: 10.17223/1998863X/81/25.

Berestov, I. V. (2024b). Achilles beyond Time and Space: Once Again on the Irreducibility of the Passage of an Open Interval to the Passage of Closed Ones (a Second Reply to Evgeny Borisov's Article). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 81. Pp. 271-281. (In Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/81/25.

Борисов, Е. В. (2022а). Все-таки они встретились. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 4. С. 28-32. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.28-32.

Borisov, E. V. (2022a). They Did Meet After All. *Respublica Literaria*. Vol. 3. No. 4. Pp. 28-32. (In Russ.). DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.28-32.

Борисов, Е. В. (2022б). Критика концепции логической причинности. *Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность*. Т. 7. № 4. С. 96-100. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-96-100.

Borisov, E. V. (2022b). The Critique of the Theory of Logical Causality. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. Vol. 7. No. 4. Pp. 96-100. (In Russ.). DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-96-100.

Борисов, Е. В. (2023). Мультионтология под ключ. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 17-21. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.17-21.

Borisov, E. V. (2023). Turnkey Multi-Ontology. *Respublica Literaria*. Vol. 4. No. 2. Pp. 17-21. (In Russ.). DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.17-21.

Benardete, J. (1964). *Infinity: An Essay in Metaphysics*. Oxford. Clarendon Press.

Clark, M. (2002). *Paradoxes from A to Z*. London. Routledge.

Laraudogoitia, J. P. (2011). The Inverse Spaceship Paradox. *Synthese*. Vol. 178. No. 3. Pp. 429-435. DOI: 10.1007/s11229-009-9649-y.

Moore, A. W. (2001). *The Infinite*. London and New York. Routledge.

Сведения об авторе / Information about the author

Борисов Евгений Васильевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

Статья поступила в редакцию: 31.07.2025

После доработки: 01.09.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Borisov Evgeny – Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-6587-9616>

The paper was submitted: 31.07.2025

Received after reworking: 01.09.2025

Accepted for publication: 15.09.2025

УДК 141+17.023.35

ПОНЯТИЕ ПОЛЬЗЫ КАК ОСНОВАНИЕ ИНЖЕНЕРНОЙ ОНТОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПЛАТОНИЗМА

И. А. Гапаров

Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С. П. Королева (г. Самара)
gaparov.ia@ssau.ru

Аннотация. В статье предлагается рассмотрение проблем распада человеческой субъектности, утраты жизненных смыслов и перехода к третьей искусственной природе через призму инженерной онтологии, реализуемой в процессах создания и управления искусственными объектами. Утверждается, что отношение субъекта к техническим объектам детерминировано пользой как фундаментальным основанием инженерной онтологии. Цель исследования – интерпретация понятия пользы в контексте платонизма и оценка его эвристического потенциала для преодоления вызовов информационного общества. Методологическая база исследования включает: 1) сравнительный анализ платонистских трактовок понятия пользы в истории философии и философии техники; 2) трансцендентальный метод, направленный на выявление априорных условий возможности «пользы» и ее функциональных характеристик. В результатах демонстрируется, что интерпретация понятия пользы в платонизме в качестве механизма перехода от космоса потенциальных решений к метакосмосу актуальных изобретений, реализуемого в актах технической деятельности, предлагает эффективный концептуальный инструментарий для решения актуальных проблем информационной эпохи.

Ключевые слова: польза, платонизм, инженерная онтология, технический объект, информационное общество.

Для цитирования: Гапаров, И. А. (2025). Понятие пользы как основание инженерной онтологии в контексте платонизма. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С. 26-39. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.26-39.

THE CONCEPT OF UTILITY AS THE FOUNDATION OF ENGINEERING ONTOLOGY IN THE CONTEXT OF PLATONISM

I. A. Gaparov

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara)
gaparov.ia@ssau.ru

Abstract. This article addresses the disintegration of human subjectivity, the loss of existential meaning, and the transition to a “third artificial nature” through the framework of engineering ontology, as manifested in the processes of designing and managing artificial objects. It argues that the subject’s relation to technical objects is determined by utility, understood as the fundamental principle of engineering ontology. The study aims to reinterpret the concept of utility within the context of Platonism and to assess its heuristic potential for responding to the challenges of the information society. The methodological basis comprises: 1) a comparative analysis of Platonic interpretations of utility in the history of philosophy and the philosophy of technology; and 2) a transcendental approach aimed at identifying the a priori conditions for the possibility of “utility” and its functional characteristics. The findings suggest that conceptualizing utility in Platonism as a mechanism enabling the transition from the cosmos of potential solutions to the metacosmos of realized inventions – actualized through acts of technical creation – offers a productive conceptual framework for addressing the pressing challenges of the information age.

Keywords: utility, Platonism, activity, cosmos, engineering ontology, technical object, information society.

For citation: Gaparov, I. A. (2025). The Concept of Utility as the Foundation of Engineering Ontology in the Context of Platonism. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 26-39. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.26-39.

Состояние информационного общества в контексте технического мировоззрения

В пятой главе книги «Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта» М. Тегмарк, рассматривая возможные сценарии развития искусственного интеллекта, приходит к неутешительному выводу: большинство из них ведет либо к частичному, либо к полному исчезновению человечества. В чем причина такого исхода? По мнению М. Тегмарка, ключевая проблема – в неспособности людей прогнозировать долгосрочные последствия технического прогресса. В качестве примеров он ссылается на нарративы массовой культуры. Так, главная опасность, скрывающаяся в серии фильмов, посвященных терминатору, заключается «в том, что она отвлекает наше внимание от подлинных рисков и опасностей, связанных с искусственным интеллектом» [Тегмарк, 2019, с. 212]. С одной стороны, риски и опасности заключаются в том, что сложный искусственный интеллект может перестать воспринимать человека как личность, а начнет его воспринимать как вирус и т. п. С другой стороны, пример со скрепками, приведенный еще Н. Бостромом, показал, что «цель искусственного интеллекта не зависит от самого интеллекта» [Там же, с. 288]. Это отражает тот факт, что для людей степень развития интеллекта зависит от успешности реализуемых ими целей. Отсюда следует, что ответственность за потенциальные катастрофы, с точки зрения М. Тегмарка, лежит на людях, поскольку они недооценивают необходимость этического контроля над своими технологиями. Но задолго до него эту тему развивал А. Азимов в цикле работ «Основание». В футуристическом сценарии искусственный интеллект, стремясь сохранить разумную жизнь, лишает людей индивидуальности, заменяя ее коллективным сознанием. И здесь, как у М. Тегмарка, центральной становится проблема утраты человеческой субъектности и распада индивидуального опыта. Другой аспект проблемы – размывание жизненных смыслов в условиях технического прогресса. А. П. Назаретян, автор концепции технико-гуманитарного баланса, в начале XXI столетия связывал кризисы в информационном обществе с дисбалансом между техническим прогрессом и его культурной регуляцией. Согласно этой теории, общество может достичь стабильного состояния за счет повышения сложности управляющих механизмов. В связи с этим А. П. Назаретян сформулировал закон техно-гуманитарного баланса. Согласно ему, «чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества» [Назаретян, 2014, с. 99]. И, наконец, требует осмысления проблема перехода «к третьей искусственной природе» (среде, созданной автономными системами). Ведь в отличие от индустриальной эпохи, где доминировало системное мышление, информационное общество нуждается в «средовом мышлении», которое «разворачивается в сфере прагматики и формирует навыки мультисистемного (само)управления, учета множественности систем на фоне граничных параметров среды» [Нестеров, 2021, с. 609]. Формирование средового типа мышления должно начаться с развития гуманитарного знания, которое может позволить вернуть человека к осознанию себя как основы теоретической и практической деятельности.

Возможность создания инженерной онтологии

Несмотря на значительную степень теоретической разработанности проблем информационного общества, многие из них остаются нерешенными на практике. Что необходимо для их преодоления? Информационное общество требует переосмысления возможностей использования достижений научно-технического прогресса, т. е. разработки инженерной онтологии, которая не должна «сводиться только к разработке правил по управлению проектами, безотносительно к содержанию самих проектов» [Боргест, 2018, с. 490]. Ключевым аспектом такой онтологии должен стать процесс исследования «технологии получения и внедрения содержательных решений в разных областях проектирования» [Там же], т. е. суть проективной деятельности. Кроме того, инженерная онтология должна позволить «аксиоматизировать отдельные действительные и возможные миры и искать формы их взаимодействия» [Нестеров, 2021, с. 610]. Без этой возможности человек рискует утратить свою субъектность. В чем заключаются трудности создания инженерной онтологии? Первая трудность – в неопределенности границ ее применения. Инженерная онтология не ограничивается только техническими науками, поскольку современный инженер – не узкопрофильный специалист, ограниченный техническими задачами, такими как создание и внедрение артефактов. Его профессиональная деятельность охватывает целый комплекс экологических, социальных и антропологических факторов. В связи с этим, ориентация только на естествознание, технические и математические науки не соответствует действительной роли инженера в процессе развития информационного общества. Вторая трудность – в неопределенности поведения инженера нового типа. Ведь как поведет себя человек, способный создавать не только технические объекты, но и творить целые технические среды? Классики научной фантастики, такие как Станислав Лем, Айзек Азимов и Филипп Дик, неоднократно обращались к этическим дилеммам, не имеющим однозначного решения. Центральная идея их размышлений заключается в том, что усложнение искусственных систем повышает уровень ответственности их создателей. Рост сложности системы коррелирует с увеличением непредсказуемости ее последствий. Под сложностью понимается способность системы «обрабатывать бесчисленные вероятностные оценки в многомерном пространстве»¹. Однако, как отмечает Г. Киссинджер, «человечеству может быть трудно адаптироваться к этому новому способу познания, ведь нам пока неясно, будет ли этот процесс соответствовать нашему восприятию реальности»². Эта проблема обусловлена особенностями функционирования генеративных систем: хотя они способны выдавать новые знания через выходные данные, сам процесс генерации остается не интерпретируемым, что затрудняет понимание источника полученных результатов. Третья трудность – в неопределенности ценностных установок. Для решения этой проблемы необходимо: 1) учитывать формы управления техническими эффектами, возникающими при взаимодействии разумных существ с искусственными объектами или с их комплексами; 2) располагать наиболее полными данными о возможных изменениях

¹ Киссинджер, Г., Шмидт, Э., Манди, К. (2025). Генезис: Искусственный интеллект, надежда и душа человечества. [Электронный ресурс]. Mybook. URL: <https://mybook.ru/author/erik-shmidt/genezis-iskusstvennyj-intellekt-nadezhda-i-dusha-c/read/> (дата обращения: 03.08.2025).

² Там же.

в поведении искусственных объектов при отсутствии прямого вмешательства человека в научно-производственный процесс. Это требует специфического знания, «которое позволяет получать запланированный результат, основываясь на естественных причинно-следственных связях» [Ястреб, 2022, с. 11]. Его ключевая особенность – в сочетании функциональной, но и символической нагрузки, поскольку «функции артефакта, хотя и обусловлены его физической структурой, определяются человеком, то есть внешней по отношению к данному объекту прагматической установкой, и могут быть определены через ответ на вопрос: какую пользу может принести человеку этот объект?» [Ястреб, 2021а, с. 21]. По мере увеличения числа таких объектов и роста их взаимозависимости (возникновение технических сред), возникает потребность в знании «о том, как вещи взаимодействуют в произведениях деятельности, каков их вклад в системное целое этого взаимодействия» [Нордманн, 2022, с. 17]. Например, система «умный дом» представляет собой небольшую техническую среду, но важно помнить, что ее ключевой момент – это прагматическое содержание, т. е. отношение человека к техническим объектам, в нее входящим. Не среда должна определять человеческую жизнь, а человеку следует начать контролировать параметры среды. При этом вовсе нельзя игнорировать вопрос о доступе к техническим объектам. Для ученых, инженеров, философов понимание их устройства, способов использования и применения существенно отличаются. Ученый, например, не допустит полного контроля инженера над исследовательским процессом, поскольку для науки главное – открытие, устраняющее мысленное неудобство. Инженер, напротив, стремится ликвидировать практические неудобства. И только для философа, который «выполняет в обществе функции интеллектуала, внося вклад в постановку, обсуждение и решение наиболее фундаментальных проблем» [Ястреб, 2021б, с. 247], способ взаимодействия с искусственными объектами определяется механизмами рефлексии, знание которых необходимо для успешного перехода от познания к деятельности. Все это поднимает вопрос о методах управления имеющимся знанием в системах деятельности [Nordmann, 2020] – пользе и области ее применения.

Понятие пользы в платонистских подходах в контексте истории философии

Как отмечает Эрнст Кассирер, польза «противится всякой попытке точно очерченного определения» [Кассирер, 1912, с. 411], поскольку она «констатируется и измеряется то по отношению к отдельному индивиду с его особыми желаниями и склонностями, то по отношению к какой-то общеродовой структуре человека» [Там же]. Действительно, формы и способы определения «пользы» варьируются в зависимости от потребностей и интересов конкретных субъектов. Ключевая проблема заключается в амбивалентности понимания «пользы» различными субъектами. Для преодоления этого противоречия, корнящегося в структуре субъективности, необходимо провести четкую концептуализацию данного понятия. Исторически вопрос о пользе впервые был поставлен в рамках древнегреческой философии. Среди древнегреческих мыслителей Платон попытался определить «пользу» в соответствии с ее местом в процессах познания и деятельности. Он считает, что для осуществления этих процессов «мы нуждаемся в таком знании, в котором сочеталось бы умение что-то делать и умение пользоваться сделанным» [Платон, 1990а, с. 180]. Вопрос о том, что собой представляет такое знание, заставляет

Платона обратиться к «пользе». В диалоге «Кратил» он утверждает, что «полезное – это наименование увеличения и созидания» [Платон, 1990б, с. 663]. В античном мировосприятии увеличение, созидание принижают достоинство и совершенство космоса, т. к. для античного человека космос есть «предельная оформленность в виде вечного, но вполне обозримого целесообразного движения небесных светил» [Лосев, 1998, с. 11-12]. Он не может умножаться и увеличиваться – он завершен. Эти качества свойственны материальному миру, поверх которого находится совершенный мир – мир эйдосов. Отсюда Платон переходит к рассмотрению полезного (утилитарного) и целесообразного отношения к действительности. Если целесообразное «не прекращается в своем движении и не задерживается» [Платон, 1990б, с. 653], то полезное задерживается и связывается с тем, что доступно для восприятия, т. е. заведомо ограничивается чем-то. Ф. Лосев, в связи с этим, утверждает, что поскольку «практика вполне идейна, и без принципиальных идей мы не сможем построить ровно ничего разумного и целесообразного, ровно ничего ведущего нас к осуществлению наших идеалов» [Лосев, Тахо-Годи, 1993, с. 83], постольку «цельная идея есть <...> новое качество в сравнении со своими отдельными частями, так что целое в одно и то же время и состоит из своих частей и вовсе из них не состоит» [Там же, с. 83-84]. Идея в ее действительном выражении существует вовсе не в «чистом виде», т. е. как простое отношение к благу (к целесообразности). Она становится основанием деятельности через внутреннее противоречие, которое одновременно предполагает стремление: 1) к идее как к единству (благу); 2) к идее как к множеству (пользе). Это диалектическое стремление находит свою реализацию в идее вещи, понимаемой как «указание на совокупность существенных свойств вещи, на их состав и построение, на их устройство, и на их назначение, и вообще на их смысл» [Там же, с. 74]. Таким образом, если стремление к единству обусловлено целесообразностью, то стремление к множеству – пользой. Между этими аспектами существует принципиальное противоречие: единство явно обладает субстанциональной природой, множество носит функциональный характер. Из данного подхода следует трехуровневое определение «пользы»: 1) гносеологически – условие познания блага; 2) онтологически – связующее звено между идеей и ее чувственно воспринимаемым образом; 3) праксеологически – свойство применимости идеи [Платон, 1994].

Платоновская концепция пользы оказала значительное влияние на формирование западноевропейской философии. В своих работах Платон показал, что отношение к вещам, соизмеряемое с пользой как ценностью, направляется разумом. Особое значение имеет выдвинутое им положение о необходимости существования априорных норм, предваряющих как чувственный опыт, так и мыслительную деятельность. Отсутствие «пользы» вело бы к беспорядку, к отсутствию космоса. Особое влияние эта идея оказала на философов эпохи Нового времени, для которых принцип полезности предстал в качестве основания, обосновывающего устройство мироздания. Польза стала определяться в терминах целесообразного отношения к миру. Так, следуя за Платоном, пользу определяли Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц. Польза есть рациональный принцип познания и деятельности, предвосхищаемый устройством универсума. Б. Спиноза определяет «пользу» не на фоне идеи блага, а в рамках этики, по отношению к добродетельной и правильной жизни. Польза «извлекаемая нами из внешних вещей, кроме опыта и познания, приобретаемого нами путем наблюдения и изменения их из одних форм в другие» [Спиноза, 2001, с. 449].

Она заключается «в сохранении нашего тела» [Там же]. Однако помимо пользы, направленной просто на сохранение тела, существует «высшая польза», под которой понимается «познание Бога» [Там же, с. 412]. Отсюда следует, что быть полезным – значит соответствовать разумному началу, т. е. атрибуту божественной субстанции. Г. В. Лейбниц, продолжая линию Спинозы, полагает, что «в природе нет ничего бесполезного, и все спутанное должно развернуться» [Лейбниц, 1983, с. 139]. Полезное есть нечто, «содействующее большему совершенству, хотя и не заключающее его в себе, в чем оно и отличается от блага самого по себе» [Лейбниц, 1984а, с. 126], которое влияет на него непосредственно, т. е. заключает его в себе. Под совершенством Г. В. Лейбницем понимается нечто, содержащее больше сущности. Носитель абсолютного совершенства – Бог. Свидетельством этого является то, что при создании универсума им был выбран «план наилучший, соединяющий в себе величайшее многообразие вместе с величайшим порядком» [Лейбниц, 1982, с. 409]. При помощи простейших средств он смог произвести «наибольшее могущество, наибольшее знание, наибольшее счастье и наибольшую благодать в творениях, какие только доступны универсуму» [Там же]. Отсюда следует, что поскольку «все возможности в разумении Бога по мере своих совершенств стремятся к осуществлению, результатом всех этих стремлений должен быть наиболее совершенный действительный мир, какой только возможен» [Там же]. В противном случае мы никогда не нашли бы достаточных оснований для того, почему все это происходит так, а не иначе. В соответствии с этим, совершенство (необходимость) конечных причин определяется не столько благодатью высшего творца, а сколько полезностью для нас. Их знание необходимо «не только для того, чтобы усилить восхищение перед высшим творцом, но и для свершения открытий в его творении» [Лейбниц, 1984б, с. 130].

У Х. Вольфа, в отличие от Б. Спинозы и Г. В. Лейбница, способ определения понятия пользы принимает академическую форму. Польза есть принцип рациональной соразмерности цели и средства. Считая закономерной связь вещей и неотвратимой необходимостью событий, Вольф ставит все то, что познается и может быть познано, в зависимость от источника познания. Польза представляет собой основание познания и бытия, без которого вынесение суждений со стороны разумного агента относительно этого мира, как и взаимодействие с ним, принципиально невозможно. Однако Николай Кузанский сформулировал эту мысль за несколько веков до Х. Вольфа. Рассуждая о мерах, которыми люди способны сравнивать несоизмеримые друг с другом вещи, он видел в мере самой по себе нечто совершенное. Мера – основание для осуществления процедуры измерения. Измерять можно посредством того, что само по себе не может быть подвержено процедуре измерения, т. к. оно познается умом, т. е. тем, «от чего возникает граница и мера (*mensura*) всех вещей» [Николай Кузанский, 1979, с. 388]. Человеческий ум есть мера вещей, а возможен он потому, что ограничен телесностью. Благодаря ей, у ума появляется способность к чувственному восприятию, к рефлексии. На примере искусства создания ложек Николай Кузанский показывает, что поскольку форма этого предмета по природе не доступна для восприятия, у нее отсутствует функциональная сторона, т. е. то, что позволяет использовать ложку. Она возникает благодаря движению рассудка, который «движется вокруг вещей, подпадающих под ощущение, и производит их различение, согласование и разделение» [Там же, с. 392], в то время как форма остается недоступной для схватывания. У нее отсутствует основание быть чем-то определенной. Отсюда следует, что человек способен использовать вещи не потому, что у них отсутствует форма, а потому, что она схватывается

рассудком в качестве знаков, понятий. Подобно Н. Кузанскому, Х. Вольф утверждает, что, несмотря на то, что «польза и цель отличаются друг от друга, но только по отношению к нам, а не к Богу» [Вольф, 2001, с. 345], нам следует признать то, что «польза вещи является также и целью Бога, без которой он не стал бы ее выбирать» [Там же], поскольку то, что мы называем пользой вещи, есть «следствие из ее сущности, которое мы до этого не имели в виду, когда намеревались его произвести» [Там же]. Таким образом, цель, привносимая в создаваемый человеком объект, предвосхищается в знании о том, что с ним может в последующем произойти. Польза – мера познавательной осведомленности о том, насколько устранена нехватка или восполнена потребность, или критерий осведомленности, содержательной информативности о способе применения искусственных объектов. Польза накапливается, тогда как цель остается в неизменном состоянии. Так, например, созданные механиком часы могут использоваться не только как средство для определения времени, но и как украшение на стене в меру своей полезности. Однако о том, что они могут выполнять две и более функций, им не свойственных по вполне естественным причинам, механик может даже не догадываться.

Технический способ определения пользы в платонизме

Вопрос о способах создания искусственных объектов и их применения в соответствии с «пользой» становится отдельной областью исследования второй половины XIX – первой половины XX вв. Попытки его решить прослеживаются в трудах Э. Каппа, Ф. Бона, П. К. Энгельмейера и др. Ф. Дессауэр пытается обобщить все высказанное своими предшественниками и представить их идеи в систематизированном виде. В вопросе о начале творческой деятельности он занимает критическую позицию по отношению к конструктивистскому подходу. Творить можно, отталкиваясь от чего-то фактического (материал, предрасположенность). Далее Ф. Дессауэр выступает против «наивного платонизма», т. к. в нем «мысль о “финалистском” или “телеологическом”, то есть о господстве цели (если говорить со стороны человека) или задачи (если говорить со стороны вещи)» [Дессауэр, 2024, с. 205], выступает причиной, в соответствии с которой отождествляются умение и знания. Отсюда следует, что «умелость техника есть знание, и оттого правильно, хорошо, то есть имеет ценность» [Там же]. В самом же платонизме, очищенном от предрассудков, Ф. Дессауэр видит нечто большее, чем способ обоснования человеческой деятельности средствами техники как умения или навыка. Платонизм – форма мировоззрения, в которой техника выполняет регулятивную функцию в соответствии со своей ценностью. В рамках данной мировоззренческой установки, утверждает М. Н. Вольф, «деятельность инженера, с одной стороны, приравнивается к гуманистическому, творческому акту, что роднит технологическое с областью гуманитарных дисциплин и эстетикой, в том числе и в кантовском смысле, но, с другой стороны, является сопричастной божественному творению и наделяет инженера некоторой сверх-моралью» [Вольф, 2019, с. 140]. Ценность технического заключается в исполнении задачи, т. е. в пользе. Польза, выступая связью между миром идей и миром вещей, призвана обеспечить процесс создания искусственных объектов с точки зрения его успешности и эффективности, назначения и применения. Ведь технический объект, используемый человеком, вовсе не дается ему как чувственно-воспринимаемый артефакт с набором

включенных в него функций. До того, как только он появился, он должен был актуализироваться в потребности, а затем, пройдя через совокупность этапов технической деятельности, приобрести вид данного в чувственном восприятии артефакта. Доступ к «царству предуготовленных форм решений» предполагает наличие привилегий, имеющих не у всякого разумного существа. Это должен быть воспитанный и образованный человек. Он способен связывать друг с другом не только отдельные восприятия, но и разные миры, каждый из которых запечатлевается в совокупности формообразующих сил, «в рамках закона природы, насколько он познан, но за пределы природной данности; всегда финалистски, нацеленно, всегда вначале имманентно или интраментально в мире мышления и представления рефлексирующих духа и души, и лишь затем путем обработки (духовной и ручной) – перенос в опытно данный мир» [Дессауэр, 2024, с. 213]. Отсюда следует, что человек является исследующим существом, т. к. способен осуществлять постановку вопросов и пытаться найти им решение. Проблемы вскрываются человеком в силу имеющейся у него способности к интересу. Он является изобретающим существом, т. к. стремится к формообразованию, навязываемому внешними и внутренними факторами. Наконец, человек есть обрабатывающее существо, т. к. имеет способность «трансцендировать представленное из интраментального пространства, из мира представлений во внешний мир, в окружающую среду своего восприятия» [Там же, с. 212]. Действия человека имеют определенную последовательность, т. к. они соизмеряются с планом проективной деятельности, направленным на создание нового, данного в потенциальном виде, но требующего своей реализации в действительности в качестве артефакта. Проективная деятельность направлена на пользу, которая связывает этапы технической деятельности через посредствующие звенья – создаваемые человеком на каждом этапе искусственные (технические) объекты: на исследовательском этапе – цель; на изобретательском этапе – задача; и на этапе обработки – средство. Каждый из них выполняет отведенную ему функцию в соответствии с тем, для чего он нужен, отвечая тем самым на вопрос: на каком этапе он соотнобразуется пользой.

Польза как связь между этапами технической деятельности запечатлена в функциях. Функциями «пользы» являются зависимости между формообразующими способностями и создаваемыми ими техническими объектами. В качестве критерия успешности применения формообразующих способностей выступает технический эффект. Сказать, что изобретению свойственен технический эффект, – значит то же самое, что «действие или назначение данного изобретения имеет определенное техническое значение» [Энгельмейер, 2019, с. 69]. Однако это определение слишком узко, чтобы отразить полноту всего того, что свойственно технической деятельности в целом. Технический эффект – критерий успешности реализации каждого этапа технической деятельности. На каждом этапе проверяется то, насколько корректно были не только определены, но и применены цель, задача и средство, т. к. они, выступая в качестве продуктов технической деятельности, «преследуют пользу в смысле увеличения производительности труда или же в смысле облегчения в достижении целей независимо от характера самих целей» [Там же, с. 68]. На первом этапе функция «пользы» реализуется как зависимость имеющейся у субъекта способности к интуиции от осознаваемой им потребности. В акте рефлексии субъект создает проекцию проблемной ситуации или такое положение дел, при котором фиксируется неполнота, нехватка чего-либо. На втором этапе функция «пользы» реализуется как зависимость способности к рассуждению или к логическому мышлению от реализуемой им задачи. Задача –

разрешенная проблемная ситуация на уровне мышления. Если целью задается предел осуществления технической деятельности, направленной на решение проблемной ситуации, то задачей полагается алгоритм действий в связи с достижением цели. И, наконец, третья функция «пользы» заключается в зависимости способности к умению или реализации от создаваемого ею средства. Средство вмещает в себя полноту цели и задачи, снимая противоречие, существовавшее между ними на двух предыдущих этапах технической деятельности, когда одно из них, находясь в актуальном состоянии, накладывало ограничения на то, что находилось в потенциальном состоянии. В конечном продукте технической деятельности (в чувственно воспринимаемом артефакте) субъект одновременно осознает сделанное и пока еще не сделанное по причинам, обусловленным уровнем его воспитания, образования и т. д. Классификация объектов, в зависимости от уровня развития человечества, представлена в работе А. Павленко «Сущность техники». Им выделяются следующие виды сущностей: 1) те, которые даны в природе (камни, песок); 2) те, которые не обнаруживаются в природе непосредственно (акведук, корзина); 3) «существует область родов сущего – сущностей, которая предшествует как проявленным, так и непроявленным их формам» [Павленко, 2010, с. 73]. На основании предложенной классификации, он полагает, что в «совершенном платонизме» «сознание может далеко не все производить в качестве продукта своего технического воображения, а только то, что не запрещено онтологически» [Там же, с. 73-74]. Онтологически – это область возможного или, как его называет Ф. Дессауэр, «царство предустановленных форм решений». В нем этапы технической деятельности сводятся к общему знаменателю – к метакосмосу.

Заключение

Возвращаясь к обозначенным проблемам, возникающим вследствие научно-технического прогресса, следует прояснить роль «пользы» в их разрешении. Важно выделить три ключевых аспекта: 1) понятие пользы не может служить решением проблем информационного общества, если не занимает позицию базовой ценности; 2) даже при признании пользы ценностью, требуется субъект, способный реализовать ее на практике, т. е. необходим человек, способный перевести абстрактный принцип пользы в конкретную норму; 3) польза познается априори, т. е. несмотря на то, что люди умеют пользоваться техническими объектами, они стремятся минимизировать риски посредством разработки нормативных ограничений. В этом контексте эффективность демонстрирует платонистский подход к пользе, при котором измеряется отношение субъекта к ценностям при их содержательной неизменности. Польза в платонизме как переход от потенциального космоса решений к актуальному метакосмосу изобретений, создаваемых в процессе творческой деятельности, является высшей ценностью инженерной онтологии – комплекса дисциплин, направленных на исследование, разработку и внедрение искусственных объектов с учетом воздействия разумного существа на них. Польза влияет на мир опосредованно – через технику. Если техника – способ объективизации полезности, при котором «техническое сознание требует учета не только рецепции, но и проекции, не только восприятия и способов его фиксации, но и деятельности» [Нестеров, 2017, с. 94], то польза – это то, что «доминирует в практике средств, где в жизни дело всегда идет о достижении целей» [Гартман, 2002, с. 153]. Это означает, что польза всегда находится на границе между

«миром ценностей» и «чувственно-воспринимаемым миром», т. к. она «соотнесена с предлежащей самостоятельной ценностью, и все, что имеет ценность в ее смысле, есть только “средство” для этой собственно ценности» [Там же].

Платонистский подход к «пользе» позволяет существенно пересмотреть проблемы информационного общества и наметить их решение. Решение первой проблемы («распад человеческой субъектности») представляется возможным при разграничении поведения живых существ и неживых сущностей через пользу, определяемую в платонистском смысле. Живое существо действует в соответствии с целенаправленным поведением [Акофф, Эмери, 1974]. Оно соотнобразует средства с целями. Причем человек, со слов М. Тегмарка, «не преследует единственную цель, а вместо этого следует нескольким основным правилам, которые подсказывают, к чему стремиться и чего избегать» [Тегмарк, 2019, с. 389]. Но все, что создано людьми, «демонстрирует только целенаправленный проект, но не целенаправленное поведение» [Там же, с. 391]. Оно исполняет вложенную инженерией задачу, т. е. полезно в отношении интересов того, кто создает, но не самого себя. Поэтому «машина – агент ограниченной рациональности» [Там же, с. 394]. Ведь даже самые сложноорганизованные машины остаются агентами ограниченной рациональности, поскольку способ их функционирования не совпадает с человеческим мировоззрением. Человек – носитель сложноорганизованного целенаправленного поведения, тогда как машина (ИИ) способна лишь к выполнению алгоритмических задач. Для обеспечения ее корректной работы, требуется этика искусственного интеллекта, в рамках которой польза интерпретируется как «добро» – «польза для другого» [Энгельмейер, 2019, с. 59] или «превосходная степень пользы» [Чернышевский, 1987, с. 223].

Трудность решения второй проблемы заключается в пропасти между созиданием и использованием. Суть проблемы в том, что тот, кто создает, не пользуется, а кто пользуется – не создает. Это разделение восходит к Античности: сначала оно проявлялось в специализации труда между людьми, а теперь – между разумными и неразумными сущностями. В XXI в. человек практически ничего самостоятельно не создает, пользуясь продукцией заводов или генеративного ИИ. В результате он оказывается оторванным от творческого (технического) процесса, а любой производственный кризис способен резко ухудшить уровень благополучия. Возможное решение этой проблемы – переориентация на сократовскую добродетель, согласно которой ценность человека определяется не только созданным, но и пониманием назначения созданного объекта. Совершенство знания определяется его практической применимостью, а критерием этой применимости служит польза.

Наконец, третья проблема, связанная с переходом от второй искусственной природы к третьей искусственной природе, предполагает радикальный пересмотр места человека в информационном обществе. В условиях второй искусственной природы, человек, делегируя контроль над собой техническим системам, постепенно утрачивает свою субъектность – способность чувствовать, считать, а теперь даже мыслить (рефлексировать). Как обеспечить переход к третьей искусственной природе без распада человеческой субъектности? Гарантеей ее сохранения является возврат к установке, ориентированной на защиту личности. Это предполагает отказ от восприятия человека как венца творения в классическом гуманистическом смысле, поскольку его природа не статична, а динамична. Благодаря человеку становится возможным прогресс, который можно определить как рост полезности или «числа истинных предложений, обеспечивающих исполнимость идей

в восприятии, рассудке и интеллекте» [Нестеров, 2024, с. 92]. Таким образом, человек представляет собой единство слоев бытия, которое через «пользу» транслирует идеи из мира «предустановленных форм решений» в чувственно-воспринимаемую действительность. Эта функция чрезвычайно важна для поддержания универсума (космоса). Она предотвращает его переход в состояние термодинамического равновесия.

Список литературы / References

- Акофф, Р., Эмери, Ф. (1974). *О целеустремленных системах*. М.: Советское радио.
Ackoff, R., Emery, F. (1974). *On Purposeful Systems*. Moscow. (In Russ.)
- Боргест, Н. М. (2018). Онтология проектирования от Витрувия до Виттиха. *Онтология проектирования*. Т. 8. № 4. С. 487-522. DOI: 10.18287/2223-9537-2018-8-4-487-522
Borgest, N. M. (2018). The Ontologies of Designing from Vitruvia to Vittikh. *Ontology of designing*. Vol. 8. No. 4. Pp. 487-522. (In Russ.)
- Вольф, М. Н. (2019). Сила, изменяющая облик Земли: обзор книги Фридриха Дессауэра «Спор о технике». *Философия науки*. № 1 (80). С. 134-153. DOI: 10.15372/PS2019019
Wolf, M. N. (2019). The Force Changing the Face of the Earth: Review of the book «The Controversy on the Technology» by Friedrich Dessauer. *Philosophy of Science*. No. 1 (80). Pp. 134-153. (In Russ.)
- Вольф, Х. (2001). Метафизика. *Христиан Вольф и метафизика в России*. СПб.: РХГИ. С. 227-358.
Wolf, Ch. (2001). Metaphysics. In *Christian Wolf and Metaphysics in Russia*. St. Petersburg. Pp. 227-358. (In Russ.)
- Гартман, Н. (2002). *Этика*. СПб.: Владимир Даль.
Hartmann, N. (2002). *Ethics*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Дессауэр, Ф. (2024). *Человек и космос. Опыт. Спор о технике*. Т. 1. Самара: Изд-во «Мудрая черепаха», ИП Алексеев Андрей Павлович.
Dessauer, F. (2024). *Man and Cosmos. Experience. The Dispute about Technology*. Vol. 1. Samara. (In Russ.)
- Кассирер, Э. (1912). *Познание и действительность: понятие о субстанции и понятие о функции*. СПб.: Шиповник.
Kassirer, E. (1912). *Cognition and Reality: The Concept of Substance and the Concept of Function*. St. Petersburg. (In Russ.)
- Лейбниц, Г. В. (1982). Начала природы и благодати, основанные на разуме. *Сочинения: в 4 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 404-412.

Leibniz, G. W. (1982). The Principles of Nature and of Grace, Based on Reason. In *Works in 4 vols.* Vol. 1. Moscow. Pp. 404-412. (In Russ.)

Лейбниц, Г. В. (1983). Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии. *Сочинения: в 4 т.* Т. 2. М.: Мысль. С. 47-545.

Leibniz, G. W. (1983). New Essays on the Understanding, by the Author of the System of Pre-established Harmony. In *Works in 4 vols.* Vol. 2. Moscow. Pp. 47-545. (In Russ.)

Лейбниц, Г. В. (1984а). Абсолютно первые истины. *Сочинения: в 4 т.* Т. 3. М.: Мысль. С. 123-126.

Leibniz, G. W. (1984а). Absolutely First Truths. In *Works in 4 vols.* Vol. 3. Moscow. Pp. 123-126. (In Russ.)

Лейбниц, Г. В. (1984б). Аналогический опыт исследования причин. *Сочинения: в 4 т.* Т. 3. М.: Мысль. С. 127-137.

Leibniz, G. W. (1984b). An Analogical Essay in the Investigation of Causes. In *Works in 4 vols.* Vol. 3. Moscow. Pp. 127-137. (In Russ.)

Лосев, А.Ф. (1998). *История античной философии в конспективном изложении.* М.: ЧеРо.

Losev, A. F. (1998). *The History of Ancient Philosophy in a Synopsis.* Moscow. (In Russ.)

Лосев, А. Ф., Тахо-Годи, А. А. (1993). *Платон. Аристотель.* М.: Молодая гвардия.

Losev, A. F., Tahoe-Godi, A. A. (1993). *Plato. Aristotle.* Moscow. (In Russ.)

Назаретян, А. П. (2014). Воспитательный потенциал синергетики: гипотеза техно-гуманитарного баланса. *Научный результат. Сер. Педагогика и психология образования.* Т. 1. № 2 (2). С. 98-105.

Nazaretyan, A. P. (2014). The Educational Potential of Synergetics: Hypothesis of Techno and Humanitarian Balance. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education.* Vol. 1. No. 2 (2). Pp. 98-105. (In Russ.)

Нестеров, А. Ю. (2017). *Семиотические основания техники и технического сознания.* Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии.

Nesterov, A. Yu. (2017). *Semiotic Bases of Technique and Technical Consciousness.* Samara. (In Russ.)

Нестеров, А. Ю. (2021). Логика прогресса и проблема человека. *Международная научно-практическая конференция «Человек в информационном обществе», посвященная 60-летию полета в космос Ю. А. Гагарина.* С. 608-611.

Nesterov, A. Yu. (2021). The Logic of Progress and the Human Problem. In *Research and practical international conference dedicated to the 60th anniversary of Yuri Gagarin's space flight.* Pp. 608-611. (In Russ.)

Нестеров, А. Ю. (2024). Истина и польза в техническом мировоззрении. *Философия науки и техники*. Т. 29. № 1. С. 84-97. DOI: 10.21146/2413-9084-2024-29-1-84-97

Nesterov, A. Yu. (2024). Truth and Usefulness in the Technical Worldview. *Philosophy of Science and Technology*. Vol. 29. No. 1. Pp. 84-97. (In Russ.)

Николай Кузанский. (1979). Простец об уме. *Сочинения: в 2 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 385-444.

Nicholas of Cusa. (1979). The Layman on Mind. In *Works in 2 vols*. Vol. 1. Moscow. Pp. 385-444. (In Russ.)

Нордманн, А. (2022). Деятельностное знание или: How to Express Things in Works? *Семиотические исследования*. Т. 2. № 1. С. 16-22. DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-16-22

Nordmann, A. (2022). Working Knowledge or: How to Express Things in Works? *Semiotic Studies*. Vol. 2. No. 1. pp. 16-22. (In Russ.)

Павленко, А. (2010). *Возможность техники*. СПб.: Алетейя.

Pavlenko, A. (2010). *Potential of Technology*. St. Petersburg. (In Russ.)

Платон. (1990а). Евтидем. *Собрание сочинений: в 4 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 158-202.

Plato. (1990a). Euthydemus. In *Works in 4 vols*. Vol. 1. Moscow. Pp. 158-202. (In Russ.)

Платон. (1990б). Кратил. *Собрание сочинений: в 4 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 613-681.

Plato. (1990b). Cratylus. In *Works in 4 vols*. Vol. 1. Moscow. Pp. 613-681. (In Russ.)

Платон. (1994). Государство. *Собрание сочинений: в 4 т.* Т. 3. М.: Мысль. С. 79-420.

Plato. (1994). The Republic. In *Works in 4 vols*. Vol. 3. Moscow. Pp. 79-420. (In Russ.)

Спиноза, Б. (2001). *Этика*. М.: Харвест; М.: АСТ.

Spinoza, B. (2001). *Ethics*. Minsk; Moscow. (In Russ.)

Тегмарк, М. (2019). *Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта*. М.: Изд-во АСТ: CORPUS.

Tegmark, M. (2019). *Life 3.0. Being Human in the Age of Artificial Intelligence*. Moscow. (In Russ.)

Чернышевский, Н. Г. (1987). Антропологический принцип в философии. *Сочинения: в 2 т.* Т. 2. М.: Мысль. С. 146-229.

Chernyshevsky, N. G. (1987). Anthropological Principle in Philosophy. In *Works in 2 vols*. Vol. 2. Moscow. Pp. 146-229. (In Russ.)

Энгельмейер, П. К. (2019). *Теория творчества*. М.: Либроком.

Engelmeyer, P. K. (2019). *Theory of Creativity*. Moscow. (In Russ.)

Ястреб, Н. А. (2021a). На границе функционализма и семиотики: два способа изменения функций и смыслов технических объектов. *Семиотические исследования*. Т. 1. № 1. С. 19-25. DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-1-19-25

Yastreba, N. A. (2021a). Between Functionalism and Semiotics: Two Ways to Change the Functions and Meanings of Technical Objects. *Semiotic Studies*. Vol. 1. No. 1. Pp. 19-25. (In Russ.)

Ястреб, Н. А. (2021б). Открывая инструментализм заново: философия техники в работах классиков американского прагматизма. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 64. С. 241-252. DOI: 10.17223/1998863X/64/23

Yastreba, N. A. (2021b). Rediscovering Instrumentalism: The Philosophy of Technology in the Works of the Classics of American Pragmatism. *Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political Science*. No. 64. Pp. 241-252. (In Russ.)

Ястреб, Н. А. (2022). Как знание становится техническим объектом: эпистемические практики в области информационных технологий. *Семиотические исследования*. Т. 2. № 1. С. 10-15. DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-10-15

Yastreba, N. A. (2022). How Knowledge Becomes a Technical Object: Epistemic Practices in Information Technology. *Semiotic studies*. Vol. 2. No. 1. Pp. 10-15. (In Russ.)

Nordmann, A. (2020). The Grammar of Things. *Technology and Language*. No. 1 (1). Pp. 85-90. DOI: 10.48417/technolang.2020.01.18

Сведения об авторе / Information about the author

Гапаров Искендер Абдурашидович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, г. Самара, Московское ш., 34, e-mail: gaparov.ia@ssau.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4745-9113>

Статья поступила в редакцию: 09.08.2025

После доработки: 01.09.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Gaparov Iskender – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Philosophy of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Samara, Moskovskoe Sh., 34, e-mail: gaparov.ia@ssau.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4745-9113>

The paper was submitted: 09.08.2025

Received after reworking: 01.09.2025

Accepted for publication: 15.09.2025

УДК 1.168

ТЕОРЕТИКО-ТИПОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО АППАРАТА РОДОВ СТРУКТУР

О. А. Доманов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
domanov@philosophy.nsc.ru

Аннотация. Методология концептуального проектирования (С. П. Никаноров и др.) опирается на теорию родов структур Н. Бурбаки. Она использует классическую теорию множеств и логику предикатов. Вместе с тем, в последнее время в математике успешно применяются системы работы с доказательствами, основанные на интуиционистской теории типов (Coq, Agda, Lean и пр.) и обладающие большими возможностями в части вычисления, проверки доказательств и пр. Совмещение родоструктурного и теоретико-типového подходов может быть полезным и для того, и для другого. В статье представлена формализация теории родов структур в терминах теории типов (Cubical Agda, вариант гомотопической теории типов). Рассмотрено общее понятие рода структуры, ступени, М-графа, а также операции над термами ступеней и родами структур. На основе формализации сделаны два основных вывода: 1) несмотря на различие философских оснований и используемых концепций множества оба подхода имеют сходную формальную структуру и связаны через каррирование и декаррирование; 2) теория родов структур может служить метатеорией по отношению к теории типов. Оба подхода можно рассматривать как взаимодополнительные. Если первый описывает общую архитектуру теорий, их взаимодействие и генезис, то второй добавляет вычислительные и доказательственные возможности.

Ключевые слова: теория типов, концептуальное проектирование, роды структур, Бурбаки, Никаноров.

Для цитирования: Доманов, О. А. (2025). Теоретико-типová экспликация математического аппарата родов структур. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С. 40-58. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.40-58.

SPECIES OF STRUCTURES: TYPE-THEORETICAL DEVELOPMENT

O. A. Domanov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
domanov@philosophy.nsc.ru

Abstract. Methodology of conceptual design (S. P. Nikanorov et al) is based on the theory of species of structures by N. Bourbaki. It uses classical set theory and predicate logic. Meanwhile, various proof assistants built on intuitionistic type theory (Coq, Agda, Lean and others) and possessing great capabilities in computation, proof checking etc. became successful recently in the area of mathematics. Combining the approaches of species of structures and type theory may be instrumental for both. The article presents a formalization of the theory of species of structures in terms of type theory (Cubical Agda, a variant of homotopy type theory). General notion of species of structure, steps, M-graph, as well as operations on steps terms and species of structures are examined. The formalization leads to two conclusions: 1) in spite of differences in philosophical foundations and in the utilized concepts of sets both approaches have similar formal structure and are connected through carrying and uncurrying; 2) theory of species of structures may serve as a metatheory to type theory. Both approaches can be considered complimentary. While the former describes the general architecture of theories, their interaction and genesis, the latter brings in computational and proof capabilities.

Keywords: type theory, conceptual design, species of structures, Bourbaki, Nikanorov.

For citation: Domanov, O. A. (2025). Species of Structures: Type-Theoretical Development. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 40-58. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.40-58.

Методология концептуального проектирования [Кононенко и др., 2008] опирается на математический аппарат родов структур, который, в свою очередь, восходит к идеям Бурбаки [Бурбаки, 1965]. Аппарат обладает большой общностью и наглядностью, что позволяет разработать мощную технологию разработки концептуальных систем и работы с ними. При этом очень часто возникает потребность оперировать очень большими концептуальными схемами, что приводит к необходимости компьютеризации. И действительно, книга [Кононенко и др., 2008] содержит большой обзор программных средств, специально созданных для работы с родами структур. В ней большое внимание уделено программам для создания, редактирования, синтезирования родов структур, но мало, однако, говорится о компьютеризации работы с самими создаваемыми теориями – вывода и проверки теорем, тестировании корректности и пр. Можно предположить, что одна из важнейших причин этого состоит в том, что теория родов структур опирается на теорию множеств и традиционную логику предикатов, для которых имеется довольно ограниченный набор компьютеризованных решений (Isabelle/HOL, Metamath и др.). Между тем в последние годы в математике очень успешно применяются вычислительные системы, основанные на теориях типов, восходящих к интуиционистской логике П. Мартин-Лёфа [Martin-Löf, 1984] (называемые иногда современными теориями типов). В таких системах, как Coq или Agda, уже сформулирована значительная часть математики, они используются для проверки доказательств сложных теорем, язык Lean успешно применяется для расширения возможностей больших языковых моделей в части работы с математикой¹. При этом особенность теории типов состоит в том, что она реализует так называемый вычислительный тринитаризм,² т. е. является одновременно логикой, онтологией и языком программирования. Это позволяет использовать ее не только в математике, но и для доказательства корректности программ, описания структур данных и пр. В то же время эти системы разрабатываются с ориентацией на нужды прежде всего математики, тогда как концептуальное проектирование может накладывать свои требования к оперированию с понятиями. Например, в упомянутых выше программных продуктах большое внимание уделено разработке графических сред для работы с родами структур, и это, вероятно, не случайно. Концептуальное проектирование в определенной мере является метаподходом в сравнении с собственно математическими – как и сама идея Бурбаки относится, вообще говоря, к метаматематике. В этом смысле объединение метауровня родов структур и вычислительных возможностей теории типов могло бы быть полезным и для того, и для другого. Дело, однако, осложняется тем, что подходы Бурбаки и теория типов опираются на разные философские основания. Хотя оба можно отнести к структурализму, второй, в отличие от первого, является также конструктивистским. Именно конструктивный подход придает теории типов вычислительный характер и делает ее не только логикой, но и языком программирования. Тем не менее шаги в этом направлении можно предпринять, и данная статья является одной из таких попыток. Мы рассмотрим экспликацию формализма родов структур в терминах языка теории типов и попробуем понять возможности их совмещения. В изложении аппарата родов структур я следую книгам [Кононенко и др., 2008,

¹ AI Achieves Silver-Medal Standard Solving International Mathematical Olympiad problems. (2024). [Online]. Available at: <https://deepmind.google/discover/blog/ai-solves-imo-problems-at-silver-medal-level> (Accessed: 01 February 2021).

² Harper, R. (2011). *The Holy Trinity* [Online]. Available at: <https://existentialtype.wordpress.com/2011/03/27/the-holy-trinity> (Accessed: 27 March 2011).

с. 472 и сл.] и [Пономарёв, 2007, с. 181 и сл.]. В частности, почти не учитывается дальнейшее развитие теории в [Никаноров, 2013]. Для экспликации используется гомотопическая теория типов, более конкретно – кубическая Агда (Cubical Agda, [Vezzosi, Mörtberg, Abel, 2021]). Я предполагаю некоторое знакомство читателя с языком Агда, однако буду подробно пояснять конструкции.³

Основные определения родо-структурного подхода

Согласно определению [Кононенко и др., 2008, с. 477], *род структуры* состоит из базисных множеств, родовых структур (или родовых отношений), аксиом, термов и теорем. Базисные множества подразделяются на основные и вспомогательные, но мы в нашем построении не будем их различать. Родовые структуры и термы имеют типы, которые называются степенями. Ступени определяются как множества, которые строятся из базисных множеств с помощью двух операций: взятия булеана и образования декартова произведения нескольких сомножителей (декартиана). Таким образом, *ступень* это:

- 1) любое из базисных множеств $X_1, \dots, X_n$;
- 2) булеан от ступени $S_j = \mathfrak{B}(S_j)$;
- 3) декартово произведение ступеней: $S_1 \times \dots \times S_m$.

Хотя в математике декартово произведение обычно обобщается на один или даже нуль сомножителей, мы далее будем рассматривать только произведения с не менее чем двумя сомножителями. Конструкция ступени задается последовательностью операций по ее построению. Ступени, таким образом, задают форму родовых структур и термов, которые они типизируют. Базисные множества, родовые структуры и аксиомы составляют ядро теории, а термы, типизирующие их ступени и теоремы – ее тело. Поскольку отношения являются элементами булеанов декартовых произведений, родовые структуры задают исходные отношения теории, а термы – производные отношения и объекты. Идея Бурбаки при введении родов структур состояла в том, что все математические понятия выражают некоторые отношения, которые являются подмножествами соответствующих декартовых произведений, т. е. элементами тех или иных ступеней. Строение любого математического понятия описывается, таким образом, родовыми структурами.

Перейдем к аппарату, используемому для формализации. Мы будем строить ее в языке кубической Агды [Vezzosi, Mörtberg, Abel, 2021], которая является вариантом гомотопической теории типов [Univalent Foundations Program, 2013]. В этой теории запись $x : A$ означает: «терм/объект/элемент x относится к типу A ». Понимать тип означает понимать, какие объекты могут к нему относиться. В частности, в теории типов пропозиции понимаются как тип их доказательств, поэтому понимать пропозицию означает понимать, что может служить ее доказательством. Типы сами являются элементами особых типов, которые называются универсумами или сортами. Для предотвращения парадоксов все типы разделяются по уровням (Level) от нулевого до бесконечного. Соответственно, запись $A : \text{Type } \ell$ означает: «тип A относится к универсуму типов $\text{Type } \ell$ уровня ℓ ». Низший универсум $\text{Type } 0$ сокращается до Type . Кроме того, имеется универсум Type_∞ , который выше любого из $\text{Type } \ell$.

³Полную формализацию можно найти по адресу: <https://github.com/odomanov/nikanorov>.

Одна из важных особенностей теории Мартин-Лёфа состоит в наличии в ней зависимых типов, т.е. типов, зависящих от других типов. В Агде они определяются как функции в универсумы. Например, $B : A \rightarrow \text{Type}$ обозначает функцию, которая для каждого элемента $x : A$ позволяет вычислить тип, зависящий от него, который обозначается как $B\ x$ (применение функции B к аргументу x). В качестве примеров можно привести тип жителей города, который зависит от города, или тип кортежей длины n , который зависит от n .

Из типов можно конструировать новые типы по определенным правилам. Важнейшим производным типом является тип (зависимых) функций, который записывается как $(x : A) \rightarrow B\ x$. Определить такую функцию означает указать способ, каким для каждого элемента $x : A$ можно вычислить элемент типа $B\ x$. Если B не зависит от A , то тип функции записывается как $A \rightarrow B$. Элементы типа функций (т.е. функции) записываются как $\lambda(x : A) \rightarrow b$, что означает, что значением этой функции для аргумента x является b . Функции от многих переменных записываются в каррированном виде как $(x : A) \rightarrow (y : B) \rightarrow C\ x\ y$ или $A \rightarrow B \rightarrow C$ для типов и $\lambda(x : A)(y : B) \rightarrow c$ для функций. При этом типы последующих аргументов могут зависеть от предыдущих аргументов. Тип функций также можно записывать как $\forall(x : A) \rightarrow B\ x$. Если Агда способна вычислить A , то он может быть опущен: $\forall x \rightarrow B\ x$, $\lambda x\ y \rightarrow b$. Аргументы функций могут быть необязательными и не указываться при применении функции. Такие аргументы помечаются фигурными скобками вместо круглых. Например, применение функции $f : \{x : A\} (y : B) \rightarrow C$ к терму $b : B$ записывается просто как $f\ b$. В этом случае Агда должна вычислить первый аргумент самостоятельно. Если она этого не может, его можно указать явно: $f\ \{a\}\ b$.

В теории типов различается равенство по определению, например, $f = \lambda x \rightarrow x$, и равенство как тип $a \equiv b$, называемое также типом равенства или типом тождества (equality type, identity type). Оно понимается как тип доказательств того, что a равно b (или тип их идентификаций). Особенность гомотопической теории типов состоит в том, что она отказывается от так называемого принципа единственности доказательства тождества (UIP, uniqueness of identity proofs). Это означает, что тип $a \equiv b$ может иметь более одного элемента-доказательства. В этом случае мы можем говорить о равенстве этих элементов. Последнее, в свою очередь, также является типом, допускающим несколько доказательств, которые снова можно сравнивать, и далее до бесконечности. В результате типы в гомотопической теории типов похожи не столько на множества, сколько на группоиды, что допускает геометрическую (собственно, гомотопическую) интерпретацию, в которой объекты представляются как точки пространства, доказательства равенства между ними – как пути, равенства путей – как гомотопии и т.д. Нам не потребуются детали этой теории равенства, важно лишь, что она позволяет, в частности, классифицировать типы по их поведению относительно равенства. Нам ниже понадобятся стягиваемые (contractible) типы, т.е. такие, в которых имеется элемент, которому все остальные типы равны – в этом смысле такой тип является синглетоном, т.е. имеет один элемент. Второй класс типов называется пропозициями или простыми пропозициями (mere propositions). Он определяется как тип, который может быть либо пустым, либо синглетоном – т.е. имеет не более одного элемента. В Агде универсум таких типов обозначается $\mathbf{hProp}$. Третий класс нужных нам типов определяется как тип, в котором равенство для любых элементов является пропозицией, т.е. имеет не более одного

доказательства. Такие типы называются множествами и их универсум обозначаются $hSet$. Элементы $hProp$ и $hSet$ определяются как пары, состоящие из типа и доказательства того, что он является пропозицией или, соответственно, множеством. Для первой компоненты пары $X : hProp$ или $X : hSet$ (т.е. для соответствующего типа) вводится сокращение $\langle X \rangle$. Как и универсумы вообще, эти универсумы также содержат указание на уровень: $hProp \ell$ и $hSet \ell$.

Типы в Агде определяются с помощью ключевого слова `data` и конструкторов, которые должны быть функциями, значением которых являются элементы этих типов. Например, тип натуральных чисел определяется как

```
data ℕ : Type where
  zero : ℕ
  suc  : (n : ℕ) → ℕ
```

Это тип универсума уровня 0, имеющий два конструктора: `zero` для первого числа и `suc n` для числа, следующего за n . Помимо прочего, конструкторы задают возможные формы элементов типа, которые могут быть использованы для поиска по шаблону (pattern matching).

Нам также понадобится тип $Vec\ A\ n$ – тип кортежей элементов типа A длины n . Он определяется в библиотеке Агды следующим образом:

```
data Vec {ℓ} (A : Type ℓ) : ℕ → Type ℓ where
  [] : Vec A zero
  _::_ : ∀ {n} (x : A) (xs : Vec A n) → Vec A (suc n)
```

Тип имеет два конструктора. Первый – `[]` – конструирует пустой список типа $Vec\ A\ zero$. Второй – `_::_` – присоединяет объект x типа A к списку xs типа $Vec\ A\ n$, образуя на единицу больший список типа $Vec\ A\ (suc\ n)$. Подчерк в имени функции означает, что она может употребляться в инфиксной нотации: например, $a :: []$ означает список из одного элемента, $a :: (b :: (c :: []))$ – из трех элементов и т.д. Конструктор `_::_` определен как правоассоциативный, поэтому в последнем выражении скобки можно опустить: $a :: b :: c :: []$.

Наконец, для любого типа $A : Type\ \ell_1$ и зависимого от него типа $B : A \rightarrow Type\ \ell_2$ определяется тип пар $\Sigma\ A\ B$, элементы которого являются парами, состоящими из объектов x типа A и объектов типа $B\ x$. Если понимать последние как доказательства $B\ x$, то Σ -тип можно интерпретировать как экзистенциальное утверждение «существует x , такой, что B ». Доказательства этого утверждения можно также понимать как элементы подмножества A , т.е. тип тех $x : A$, для которых имеется элемент $B\ x$. Для Σ -типа имеется также синтаксический вариант $\Sigma[x \in A]\ B\ x$, который напоминает выражение с квантором существования. Функции `fst` и `snd` извлекают первую и вторую компоненту пары из элементов Σ -типа. Сама пара записывается как a, b . Декартово произведение $A \times B$ определяется как частный случай Σ -типа, при котором B не зависит от A .

Таковы нужные нам сведения о языке Агды, остальные будут вводиться по мере необходимости.⁴

⁴Полную документацию можно посмотреть по адресу: *Agda's documentation* [Online]. Available at: <https://agda.readthedocs.io/> (Accessed: 10 August 2025).

Приступим теперь к формализации родо-структурных понятий. Для ее построения определим прежде всего понятие списка *базисных типов* (не различая основные и вспомогательные):

```
data BaseSets :  $\forall \{n\} \rightarrow \text{Vec Level } n \rightarrow \text{Type}$  where
  [] : BaseSets []
  _::_ :  $\forall \{n \ell\} \{L \ell : \text{Vec Level } n\} \rightarrow \text{hSet } \ell \rightarrow \text{BaseSets } L \ell \rightarrow \text{BaseSets } (\ell :: L \ell)$ 
```

Эта запись определяет тип BaseSets, зависящий от числа n и списка уровней $\text{Vec Level } n$. То есть BaseSets $L \ell$ представляет собой список типов длины n , относящихся к уровням, содержащимся в списке $L \ell$. BaseSets имеет те же два конструктора, что и Vec – Агда, как правило, способна различить, конструктор какого именно типа следует использовать. Конструктор [] обозначает пустой список, индексированный пустым же списком уровней. Конструктор _::_ из множества $\text{hSet } \ell$ и списка, индексированного $L \ell$, конструирует список, индексированный расширенным списком уровней $\ell :: L \ell$. Он также декларирован как правоассоциативный. Таким образом, в BaseSets список типов и список уровней всегда согласованы по построению. Из определения также видно, что в качестве базисных типов мы выбираем только множества из универсумов $\text{hSet } \ell$. Будем также обозначать функцию для извлечения i -го типа из списка BS как BS [i].

Для определения понятия ступени определим сначала *схему ступени* (ср. [Пономарёв, 2007, с. 181]):

```
data СхемаСтупени (n :  $\mathbb{N}$ ) : Type where
  base :  $\text{Fin } n \rightarrow \text{СхемаСтупени } n$ 
   $\mathfrak{B}$  :  $\text{СхемаСтупени } n \rightarrow \text{СхемаСтупени } n$ 
   $\mathfrak{D}$  :  $\forall \{m : \mathbb{N}\} \rightarrow \text{Vec } (\text{СхемаСтупени } n) (2 + m) \rightarrow \text{СхемаСтупени } n$ 
```

Схема зависит от числа базисных типов n и может иметь три формы (конструктора). Форма base i соответствует базисному типу номер i (здесь тип $\text{Fin } n$ это тип натуральных чисел, меньших n , поэтому i всегда меньше n ; для первых нескольких элементов типа Fin мы будем использовать имена zero, one, two и т. д.). Вторая форма $\mathfrak{B} S$ обозначает схему булеана схемы S . Третья форма $\mathfrak{D} L$ обозначает схему декартиана нескольких сомножителей. Здесь L обозначает кортеж схем ступеней длины $2 + m$. Поскольку m – натуральное число, длина этого списка не может быть меньше двух.

Множество схем ступеней собирается в направленный граф, который называется M -граф. Мы будем производить эту сборку по индуктивному алгоритму [Erwig, 2001], практически повторяющему процедуру описанную в [Кононенко и др., 2008, с. 487] и [Пономарёв, 2007, с. 182-183]. Говоря конкретно, мы начинаем с пустого графа и затем присоединяем ступени по одной. Ступени вида base i просто присоединяются к графу как отдельно стоящая вершина. Ступени вида $\mathfrak{B} S$ присоединяются как вершина, связанная ребром с уже имеющейся в графе вершиной S . Ступени вида $\mathfrak{D} L$ присоединяются как вершина, связанная со всеми ступенями, перечисленными в списке L . Таким образом, M -граф определяется следующим образом:

```
data M-граф (n :  $\mathbb{N}$ ) : ( $k : \mathbb{N}$ )  $\rightarrow$  Type where
   $\emptyset$  : M-граф n 0
  _&_ :  $\forall \{k\} \rightarrow M\text{-узел } n k \rightarrow M\text{-граф } n k \rightarrow M\text{-граф } n (1 + k)$ 
```

Он индексирован двумя параметрами – числом базисных типов n и числом узлов графа k – и имеет два конструктора: $\emptyset$ – для пустого графа и $_ \& _$ – для добавления одного узла. Таким образом, выражение $N \& M$ обозначает граф, построенный добавлением узла N к графу M . Узлы могут быть трех видов и определяются следующим образом:

```
data M-узел (n : ℕ) : ℕ → Type where
  base : ∀ {k} → Fin n → M-узел n k
  ℑ      : ∀ {k} → Fin (1 + k) → M-узел n (1 + k)
  ℔      : ∀ {k m} → Vec (Fin (1 + k)) (2 + m) → M-узел n (1 + k)
```

Они также имеют два параметра: число базисных типов n и число узлов графа, к которому присоединяется данный узел. Последнее число ограничивает номера узлов, с которыми может быть связан присоединяемый узел; эти номера начинаются с нуля и отсчитываются, начиная с «вершины» графа (см. примеры ниже). В результате, $base\ i$ – это узел, являющийся базисным типом. Далее, $\mathcal{B}\ i$ – это узел булеана, причем i это номер узла, с которым он связывается ребром. Как видно из определения, узел может быть присоединен только к графам, имеющим как минимум один узел. Наконец, $\mathcal{D}\ L$ – это узел декартиана, в котором список L состоит из номеров, с которыми должен быть связан этот узел. Из его определения видно, что он имеет длину $2 + m$ не меньше двух и также может присоединяться только к графу, в котором есть как минимум один узел.⁵ Таким образом, M-граф формализует процедуру построения рода структур из базисных множеств.

Для графа определим функцию извлечения схемы по ее номеру (при определении функции сначала указывается ее тип, а затем значения для всех возможных значений аргументов):

```
M-Схема : ∀ {n k} → M-граф (1 + n) (1 + k) → Fin (1 + k) → СхемаСтупени (1 + n)
M-Схема (base i & _) zero = base i
M-Схема (ℑ i & M) zero = ℑ (M-Схема M i)
M-Схема (℔ is & M) zero = ℔ (map (λ k → M-Схема M k) is)
M-Схема {k = suc k} (_ & M) (suc i) = M-Схема M i
```

Здесь $map\ f\ L$ вычисляет новый список, применяя последовательно функцию f к элементам списка L . Подчерк вместо выражения означает, что это выражение либо не используется в вычислении, либо Агда сама в состоянии его вычислить.

Перейдем теперь к основной части нашего построения – роду структуры. Агда является, помимо прочего, языком программирования и содержит развитую модульную систему, позволяющую разбивать программу на независимые части и затем собирать их воедино. В частности, модули в Агде могут иметь входные параметры, позволяющие абстрагировать какие-то из их внутренних определений. Мы будем строить теорию родов структур как модуль с тремя параметрами (два из которых неявные):

```
module РодСтруктуры {n : ℕ} {Lℓ : Vec Level (1 + n)} (BS : BaseSets Lℓ)
```

⁵Ограничения на применимость, которые мы здесь видим, относятся к характерным особенностям теории типов: понятия определяются через конструкторы, причем так, что некорректные объекты просто не могут быть построены.

Здесь n – число базисных типов, $L\ell$ – список уровней, к которым они относятся, и BS – сами соответствующие типы. Как видно, мы ограничимся непустым множеством базисных типов.

Булеан $\mathbb{P}$, т.е. тип подтипов, определен в библиотеке Агды как тип характеристических функций:

$$\mathbb{P} : \text{Type } \ell \rightarrow \text{Type } (\ell\text{-suc } \ell)$$

$$\mathbb{P} X = X \rightarrow \text{hProp } _$$

При этом, как можно показать, $\mathbb{P} X$ оказывается множеством для любого типа X . Для элементов $\mathbb{P} X$ определен предикат принадлежности $x \in \mathbb{P} X$. Кроме того, для каждого $P : \mathbb{P} X$ мы можем определить порождаемое им подмножество X как тип пар, состоящих из элементов X и доказательств того, что для них выполнено P :

$$\mathbb{P}\Sigma : \forall \{X : \text{Type } \ell X\} (P : \mathbb{P} X) \rightarrow \text{Type } \ell X$$

$$\mathbb{P}\Sigma \{X = X\} P = \Sigma [x \in X] (P x)$$

Как можно показать, $\mathbb{P}\Sigma$ также является множеством.

Теперь, имея базисные типы, определим функцию, которая вычисляет по каждой схеме соответствующий ей тип теории типов, т.е. ступень:

$$\text{Ступень} : (S : \text{СхемаСтупени } (1 + n)) \rightarrow \text{Type } (\ell\text{tot } S)$$

$$\text{Ступень } (\text{base } i) = \text{fst } (BS [i])$$

$$\text{Ступень } (\mathfrak{B} S) = \mathbb{P} (\text{Ступень } S)$$

$$\text{Ступень } (\mathfrak{D} (S1 :: S2 :: [])) = \text{Ступень } S1 \times \text{Ступень } S2$$

$$\text{Ступень } (\mathfrak{D} (S1 :: S2 :: S3 :: \text{tail})) = \text{Ступень } S1 \times \text{Ступень } (\mathfrak{D} (S2 :: S3 :: \text{tail}))$$

Здесь ℓtot это функция, вычисляющая уровень универсума, соответствующий схеме, по правилу:

$$\ell\text{tot} : \text{СхемаСтупени } (1 + n) \rightarrow \text{Level}$$

$$\ell\text{tot } (\text{base } i) = \text{lookup } i L\ell$$

$$\ell\text{tot } (\mathfrak{B} S) = \ell\text{-suc } (\ell\text{tot } S)$$

$$\ell\text{tot } (\mathfrak{D} (S1 :: S2 :: [])) = \ell\text{-max } (\ell\text{tot } S1) (\ell\text{tot } S2)$$

$$\ell\text{tot } (\mathfrak{D} (S1 :: S2 :: S3 :: \text{tail})) = \ell\text{-max } (\ell\text{tot } S1) (\ell\text{tot } (\mathfrak{D} (S2 :: S3 :: \text{tail})))$$

(библиотечная функция $\text{lookup } i L$ извлекает i -й элемент из списка L ; функции $\ell\text{-suc}$ и $\ell\text{-max}$ действуют на уровни универсума и вычисляют, соответственно, следующий и максимальный уровень). Мы видим, что ступени представляют собой типы языка Агды, построенные с помощью операций булеана $\mathbb{P}$ и декартова произведения $\times$. Можно доказать, что коль скоро базисные типы являются множествами, все ступени также оказываются множествами. Наконец, мы можем определить функцию для извлечения ступени из графа по индексу:

$$\text{М-Ступень} : \forall \{k\} \rightarrow (M : \text{М-граф } (1 + n) (1 + k)) \rightarrow (i : \text{Fin } (1 + k)) \rightarrow \text{Type } _$$

$$\text{М-Ступень } M i = \text{Ступень } (\text{М-Схема } M i)$$

На этом мы закончили определение родовых структур и типизирующих их ступеней. Поскольку ступени у нас определены как типы Агды, аксиомы и теоремы также могут формулироваться в языке Агды. Термы теории родов структур также оказываются термами Агды. Нам осталось рассмотреть операции, определенные для термов и родов структур. Начнем с операций для термов [Кононенко и др., 2008, с. 480-484].

Операции над термами

Понижение размерности

Операция применяется только к синглтонам, т.е. элементам булеанов, состоящим из одного объекта, и имеет своим результатом этот объект как элемент низшей ступени. В кубической Агде предикат для проверки того, что тип является синглтоном, обозначается `isContr` (англ. *contractible*, *стягиваемый*) и означает, что имеется элемент, которому равны все остальные элементы:

```
isContr : Type ℓ → Type ℓ
isContr A = Σ[ x ∈ A ] (∀ y → x ≡ y)
```

В нашем случае синглтоном должен быть соответствующий тип $\mathbb{P}\Sigma$, и операция понижения размерности выглядит следующим образом:

```
Ступень↓ : ∀ {S : СхемаСтупени (1 + n)}
  → (t : Ступень (ℳ S))
  → isContr (ℙΣ t)
  → Ступень S
Ступень↓ _ p = fst (fst p)
```

Как видно, она определена только для элементов ступеней вида $\mathbb{M} S$, причем являющихся синглтонами, т.к. при применении функции `Ступень↓` мы должны указывать доказательство для `isContr (ℙΣ t)`.

Малая проекция

Она определяется следующим образом:

```
pr : ∀ {m} {LS : Vec (СхемаСтупени (1 + n)) (2 + m)}
  → Ступень (℔ LS)
  → (i : Fin (2 + m))
  → Ступень (lookup i LS)
pr {LS = _ :: _ :: []} (x , _) zero = x
pr {LS = _ :: _ :: []} (_, x) one = x
pr {LS = _ :: _ :: _ :: _} (x , _) zero = x
pr {LS = _ :: _ :: _ :: _} (_, xs) (suc i) = pr xs i
```

Операция применима лишь к элементам ступеней вида $\mathbb{M} LS$ – т.е. кортежам – и выделяет i -й элемент кортежа.

Повышение размерности

Эта операция переводит элемент ступени S в элемент $\mathfrak{B} S$, являющийся содержащим его синглетоном.

Ступень↑ : $\forall \{S : \text{СхемаСтупени } (1 + n)\} \rightarrow \text{Ступень } S \rightarrow \text{Ступень } (\mathfrak{B} S)$
 Ступень↑ {S} t = $\lambda x \rightarrow (t \equiv x)$, СтупеньIsSet S t x

Мы можем проверить, что результат этой операции – синглетон:

Ступень↑IsSingl : $\{S : \text{СхемаСтупени } (1 + n)\}$
 $\rightarrow (t : \text{Ступень } S)$
 $\rightarrow \text{isContr } (\mathbb{P}\Sigma (\text{Ступень↑ } \{S = S\} t))$
 Ступень↑IsSingl t = isContrSingl t

Произведение элементов

Эта операция из набора термов некоторых ступеней составляет кортеж, являющийся элементом декартового произведения этих ступеней. Для ее формализации определим сначала тип списков термов.

data TermList : $\forall \{m\} (LS : \text{Vec } (\text{СхемаСтупени } (1 + n)) m) \rightarrow \text{Type}_w$ where
 [] : TermList []
 :: : $\forall \{m\} \{LS : \text{Vec } (\text{СхемаСтупени } (1 + n)) m\} \{S : \text{СхемаСтупени } (1 + n)\}$
 $\rightarrow \text{Ступень } S \rightarrow \text{TermList } LS \rightarrow \text{TermList } (S :: LS)$

Это список, индексированный кортежами ступеней. Тогда искомая операция равна:

prodN : $\forall \{m\} \{LS : \text{Vec } (\text{СхемаСтупени } (1 + n)) (2 + m)\}$
 $\rightarrow (Lt : \text{TermList } LS) \rightarrow \text{Ступень } (\mathfrak{D} LS)$
 prodN (t1 :: t2 :: []) = t1 , t2
 prodN (t1 :: t2 :: t3 :: tail) = t1 , prodN (t2 :: t3 :: tail)

Большая проекция отношения

Операция действует на отношениях, т. е. на булеанах декартианов, и выделяет множество тех элементов, которые служат малыми проекциями для некоторого индекса i :

Pr : $\forall \{m\} \{LS : \text{Vec } (\text{СхемаСтупени } (1 + n)) (2 + m)\}$
 $\rightarrow \text{Ступень } (\mathfrak{B} (\mathfrak{D} LS))$
 $\rightarrow (i : \text{Fin } (2 + m))$
 $\rightarrow \mathbb{P} (\text{Lift } \{j = \ell\text{-max } (\ell\text{tot } (\text{lookup } i LS)) (\ell\text{tot } (\mathfrak{D} LS))\} (\text{Ступень } (\text{lookup } i LS)))$
 Pr {m} {LS} S i = $\lambda x \rightarrow \text{isPr } (\text{lower } x)$, squash₁
 where
 isPr : $\text{Ступень } (\text{lookup } i LS) \rightarrow \text{Type } _$
 isPr s = $\exists [y \in \text{Ступень } (\mathfrak{D} LS)] (y \in S) \times (s \equiv \text{pr } y i)$

Здесь нам требуется аккуратная разметка уровней универсумов. Дело в том, что степень $\mathbb{P}$ определена как функция между типами одного универсума, у нас же условие isPr может, вообще говоря, относиться к какому угодно универсуму. В результате, значение $\mathbb{P}$ (Степень ($\text{lookup } i \text{ LS}$)) может относиться к универсуму, который гораздо выше, чем Степень ($\text{lookup } i \text{ LS}$). Поэтому для согласования нам требуется поднять последнюю в подходящий универсум с помощью функции Lift .

Кроме того, для определения Pr как элемента $\mathbb{P}$ нам требуется функция в тип пропозиций hProp , поэтому мы определяем здесь условие с помощью типа $\exists$, который определяется как усечение (truncation) Σ -типа до пропозиции путем отождествления всех его элементов (если они есть). Объект squash_1 является доказательством того, что $\exists$ -тип является пропозицией.

Задание множества перечислением

```
enum :  $\forall \{S : \text{СхемаСтепени } (1 + n)\} \{m\} \{LS : \text{Vec } (\text{Степень } S) \ m\}$ 
       $\rightarrow (\text{Степень } (\mathfrak{B} \ S))$ 
enum  $\{S\} \{m\} \{LS\} = \lambda x \rightarrow \text{any } (\lambda y \rightarrow (x \equiv y) , \text{СтепеньIsSet } S \ x \ y) \ LS$ 
where
open import Cubical.Functions.Logic
 $\perp^h : \forall \{\ell\} \rightarrow \text{hProp } \ell$ 
 $\perp^h = \perp^* , \lambda ()$ 

any :  $\forall \{\ell\} \{A : \text{Type } \ell\} (P : A \rightarrow \text{hProp } \ell) \rightarrow \text{Vec } A \ m \rightarrow \text{hProp } \ell$ 
any  $P \ V = \text{foldr } (\lambda x \ y \rightarrow (P \ x) \sqcup y) \ \perp^h \ V$ 
```

Здесь $\sqcup$ – это дизъюнкция на пропозициях, определенная в модуле `Cubical.Functions.Logic`, а пропозиция $\text{any } P \ V$ определена как дизъюнкция $P \ x$ для всех x из V . Таким образом, она имеет доказательство, если какой-то элемент V удовлетворяет предикату P . В определении `enum` этим предикатом является равенство, поэтому элементами `enum` как подмножества будут те x , которые равны какому-то элементу LS , что и соответствует заданию его перечислением.

Простое объединение и пересечение, импликация, отрицание, разность, симметрическая разность, произведение, возведение в степень

Все эти операции определяются на степенях вида $\mathfrak{B} \ S$ и сводятся к операциям на степени $\mathbb{P}$. Например, для пересечения имеем:

```
 $\_ \cap^P \_ : \mathbb{P} \ X \rightarrow \mathbb{P} \ X \rightarrow \mathbb{P} \ X$ 
 $A \cap^P B = \lambda x \rightarrow A \ x \sqcap B \ x$ 
```

Здесь $\sqcap$ – логическая операция конъюнкции на пропозициях hProp . Остальные операции строятся аналогично.

Особого внимания требует возведение в степень. Для множеств A и B это построение множества функций B^A из A в B . В [Кононенко и др., 2008, с. 484] оно строится заданием условия на множество пар, выражающего функциональность соответствующего бинарного отношения. Однако в теории типов функции из типа в тип сами составляют тип, поэтому мы можем выразить это условие через существование некоторой функции:

```


$$\_{}^{\mathbb{P}}\_{} : \forall \{ \ell X \ell Y \} \{ X : \text{Type } \ell X \} \{ Y : \text{Type } \ell Y \} \rightarrow \mathbb{P} Y \rightarrow \mathbb{P} X \rightarrow \mathbb{P} (\mathbb{P} (X \times Y))$$


$$\_{}^{\mathbb{P}}\_{} \{ \ell X \} \{ \ell Y \} \{ X \} \{ Y \} B A \text{ pairs} = \text{isfunA} \rightarrow B \text{ pairs} , \text{ squash}_1$$

where
  isfunA  $\rightarrow B$  :  $\mathbb{P} (X \times Y) \rightarrow \text{Type } \_{}^{\mathbb{P}}\_{}$ 
  isfunA  $\rightarrow B$  ps =  $\exists [ f \in (\mathbb{P} \Sigma A \rightarrow \mathbb{P} \Sigma B) ]$ 
     $(\mathbb{P} \Sigma ps) \equiv (\Sigma [ x \in \mathbb{P} \Sigma A ] ( (B (fst (f x))) ))$ 

```

Здесь $\text{isfunA} \rightarrow B$ ps выражает условие функциональности, которое утверждает, что существует функция f , такая что множество пар $\mathbb{P} \Sigma ps$ равно множеству пар аргументов и значений этой функции.

В итоге, операции на термах ступеней совпадают с операциями на $\mathbb{P}$:

```


$$\_{}^{\mathbb{U}}\_{} : \forall \{ S : \text{СхемаСтупени } (1 + n) \} \rightarrow (A B : \text{Ступень } (\mathfrak{B} S)) \rightarrow \text{Ступень } (\mathfrak{B} S)$$


$$A \cup B = A \_{}^{\mathbb{U}} B$$


```

```


$$\_{}^{\wedge}\_{} : \forall \{ SA SB : \text{СхемаСтупени } (1 + n) \}$$

  
$$\rightarrow (B : \text{Ступень } (\mathfrak{B} SB))$$

  
$$\rightarrow (A : \text{Ступень } (\mathfrak{B} SA))$$

  
$$\rightarrow \text{Ступень } (\mathfrak{B} (\mathfrak{B} (\mathfrak{D} (SA :: SB :: []))))$$


$$B \wedge A = B \_{}^{\wedge} A$$


```

и так далее.

Таким образом, операции над термами могут быть определены в языке Агда. Прежде чем мы перейдем к операциям на родах структур, рассмотрим небольшой пример.

Пример: бинарные отношения на множестве

Построим теорию бинарных отношений на произвольном множестве $hX : hSet \ell$. Прделаем это внутри параметризованного модуля:

```
module ExampleBinaryRel {  $\ell$  : Level } (hX : hSet  $\ell$ )
```

Зададим род структуры с единственным базисным множеством, открыв определенный ранее модуль РодСтруктуры с соответствующим параметром:

```
open РодСтруктуры (hX :: [])
```

Далее определим ступень

```
S = Ступень ( $\mathfrak{B} (\mathfrak{D} (\text{base zero} :: \text{base zero} :: [])))$ 
```

Можно показать, что $S \equiv \mathbb{P} (X \times X)$, где $X = \langle hX \rangle$, т.е. S является множеством подмножеств декартова произведения $X \times X$. Элементы S это различные бинарные отношения. Построим для примера рефлексивное отношение. В теории типов отношения определяются как зависимые типы, т.е. как функции в универсумы типов вида $X \rightarrow Y \rightarrow \dots \rightarrow \text{Type } \ell$. Это обобщение понятия характеристической функции. Мы рассмотрим частный случай функций в универсум типов $hProp$ и определим следующий тип бинарных отношений:

```

PropRel : ∀ {ℓ X ℓY} (X : Type ℓX) (Y : Type ℓY) (ℓ : Level) → Type _
PropRel X Y ℓ = X → Y → hProp ℓ

```

Условие рефлексивности для таких отношений выглядит следующим образом:

```

IsRefl : ∀ {ℓ ℓ'} {X : Type ℓ} → PropRel X X ℓ' → Type _
IsRefl R = ∀ x → fst (R x x)

```

Нам для наложения условия на $X \times X$ требуется формулировка для множества пар; она связана с `IsRefl` с помощью операции декаррирования (`uncurry`):

```

IsRefl× : ∀ {ℓ} {X : Type ℓ} → ℙ (X × X) → hProp _
IsRefl× R× = (∃ [ R ∈ PropRel _ _ _ ] (IsRefl R) × (R× ≡ uncurry R))
, squash₁

```

Формулировка означает, что элемент $R×$ булеана $\mathbb{P}(X \times X)$ является рефлексивным отношением в смысле рода структуры, если существует рефлексивное отношение в смысле теории типов, такое что он равен его декаррированному варианту. Тогда множество рефлексивных отношений определяется следующим образом:

```

s : ∀ {Sh : СхемаСтупени 1} → Ступень (ℳ (ℳ (ℳ (Sh :: Sh :: []))))
s = IsRefl×

```

Мы видим, что этот терм просто равен условию рефлексивности. Это неудивительно, поскольку то и другое представляет собой один и тот же предикат, а именно предикат, выделяющий множество рефлексивных отношений из множества всех отношений. Это следствие нашего определения булеана $\mathbb{P} X$ как предиката $X \rightarrow \text{hProp } _$. Мы видим здесь как связаны подходы теории типов и родов структур: если в первом отношении определяются как функции в универсум типов (т.е. зависимые типы), то во втором – как элементы булеана декартова произведения. Эти подходы, таким образом, связаны через каррирование и декаррирование.

Мы встречаемся здесь с различием в понимании множества. Теория родов структур опирается на традиционную теорию множеств, основанную на понятии принадлежности элемента множеству. В теории типов же принадлежность может пониматься в двух смыслах. Первый из них выражается в суждении типизации $a : A$ – его можно понимать как утверждение о принадлежности к множеству объектов типа A . Важно, что это утверждение не является пропозицией, т.е. тем, что может быть доказано, что может иметь доказательство. Это суждение знания, опирающееся не на доказательство, а на очевидность [Martin-Löf, 1987]. Принадлежность же как пропозиция должна быть специальным образом построена. Например, в определении $\mathbb{P}$ она определяется для подтипов определенного типа как выполнение предиката: каждое подмножество-элемент $\mathbb{P} X$ является предикатом на X , и принадлежать этому подмножеству означает выполнять этот предикат (что и выражено, в частности, в определении $\mathbb{P}\Sigma$). Это принадлежность в смысле обладания свойством. Закономерно поэтому, что множество s выше просто совпадает с определенным свойством. Исходно же принадлежность в теории типов «плоская» – мы не можем без специальной конструкции говорить о принадлежности типов другим типам. В теории родов структур мы встречаем принадлежность как в первом смысле (базисные множества), так и во втором (булеан, т.е. подмножества как свойства). Если понимать

теорию типов как теорию множеств (что лишь ограниченно корректно), то это теория не столько принадлежности, сколько функций на множествах; это, в частности, помогает ей избегать известных парадоксов. Тем не менее, хотя рассматриваемые нами подходы основаны на разных понятиях множества, формальная структура требующихся нам понятий, как мы видим, сходна.

Операции над родами структур

Другими важными операциями теории родов структур являются действия с самими родами структур, такие как их синтез, разделение и пр. [Кононенко и др., 2008, с. 488-496]. Естественным способом было бы определение их через соответствующие операции с М-графами, но теория типов обладает своими средствами композиции и декомпозиции теорий, которые могут оказаться более удобными. Например, операции порождения множества структур и обратная ей операция порождения структуры могут быть определены следующим образом:

```
→ℑ : ∀ {Sh : СхемаСтупени (1 + n)}
  → (Ступень Sh → hProp _)
  → Ступень (ℑ Sh)
→ℑ P = P
```

```
←ℑ : ∀ {Sh : СхемаСтупени (1 + n)}
  → Ступень (ℑ Sh)
  → Ступень Sh → hProp _
←ℑ P = P
```

Они оказываются простыми, поскольку условие на ступень $\text{Ступень } Sh \rightarrow \text{hProp } \ell$ является предикатом и совпадает с элементом ступени $\text{Ступень } (\mathbb{I} Sh)$; эти две операции как раз демонстрируют их изоморфизм. По этой причине неясно, какие из родо-структурных операций нам могут понадобиться при построении теории. Вполне возможно, что многие из них можно заменить правилами оперирования типами и термами из теории типов. Например, теория типов следует своим способам построения математических понятий функций, порядка и пр., приводимых в качестве примеров в [Кононенко и др., 2008] и [Пономарёв, 2007]. Само по себе это требует отдельного исследования. Я здесь ограничусь лишь несколькими замечаниями и примерами.

Рассмотрим синтез двух простых структур. Первая имеет следующий М-граф:

```
M1 : М-граф 1 _
M1 = ℑ zero & base zero & ∅
```

Это теория, состоящая из одного базисного множества и содержащая его самого и его булеан. Вторая структура формализует бинарные отношения на двух множествах:

```
M2 : М-граф 2 _
M2 = ℑ zero
  & ℑ (zero :: one :: [])
  & base zero
  & base one
  & ∅
```

Тип натуральных чисел является множеством, поэтому, обозначив соответствующий элемент $hSet$ через $h\mathbb{N}$, мы можем определить список базисных множеств и ступени:

$BS1 : BaseSets _$

$BS1 = h\mathbb{N} :: []$

$S1 = M\text{-Ступень } BS1 \ M1 \ zero$

$S2 = M\text{-Ступень } BS1 \ M1 \ one$

Будучи пересчитаны в типы теории типов, $S1$ и $S2$ равны, соответственно, $\mathbb{P} \ \mathbb{N}$ и $\mathbb{N}$. Чтобы построить бинарное отношение на этих множествах, синтезируем две теории, положив $S1$ и $S2$ как базисные множества для схемы $M2$ (предварительно построив соответствующие элементы $hSet$):

$hS1 : hSet _$

$hS1 = S1 \ , \ \text{СтупеньIsSet } BS1 \ (M\text{-Схема } M1 \ zero)$

$hS2 : hSet _$

$hS2 = S2 \ , \ isSet\mathbb{N}$

$BS2 : BaseSets _$

$BS2 = hS1 :: hS2 :: []$

$S3 = M\text{-Ступень } BS2 \ M2 \ zero$

$S4 = M\text{-Ступень } BS2 \ M2 \ one$

$S5 = M\text{-Ступень } BS2 \ M2 \ two$

$S6 = M\text{-Ступень } BS2 \ M2 \ three$

Здесь $S3 \equiv \mathbb{P} \ (\mathbb{P} \ \mathbb{N} \times \mathbb{N})$, $S6 \equiv \mathbb{N}$ и т.д. Построим для примера понятие универсального отношения в этой структуре. Для этого определим соответствующие предикаты аналогично $IsRef1$ и $IsRef1x$ выше:

$IsUniversal : \forall \{lX \ lY \ l'\} \{X : Type \ lX\} \{Y : Type \ lY\} \rightarrow PropRel \ X \ Y \ l' \rightarrow Type _$

$IsUniversal \ R = \forall x \ y \rightarrow fst \ (R \ x \ y)$

$IsUniversalx : \forall \{lX \ lY\} \{X : Type \ lX\} \{Y : Type \ lY\} \rightarrow \mathbb{P} \ (X \times Y) \rightarrow hProp _$

$IsUniversalx \ Rx = (\exists [R \in PropRel \ _ \ _ \] \ (IsUniversal \ R) \times (Rx \equiv uncurry \ R))$
 $\ , \ squash_1$

Добавляем ступень:

$S7 = M\text{-Ступень } BS2 \ (\mathbb{B} \ zero \ \& \ M2) \ zero$

и строим множество универсальных отношений:

$universal : S7$

$universal = IsUniversalx$

Терм `universal` является элементом булеана и соответствует множеству универсальных отношений на множествах $\mathbb{P} \mathbb{N}$ и $\mathbb{N}$, которые взяты из теории $M1$. Заметим, что, как и раньше, терм совпадает с условием универсальности.

В качестве базисных мы можем также выбирать элементы ступеней другой теории, т. е. ее термы. Пусть, например, в первой теории мы имеем множество четных чисел:

```
s : S1
s x = isEvenT x , isPropIsEvenT x
```

Построим для него соответствующий `hSet` и список базисных множеств:

```
hs : hSet _
hs = PΣ s , isSetΣSndProp isSetN λ n → snd (s n)
```

```
BS3 : BaseSets _
BS3 = hs :: hs :: []
```

Тогда, например, M -Ступень $BS3 \ M2 \ zero$ равна $\mathbb{P} ((hs) \times (hs))$ и мы можем строить в синтезированной теории отношения на множестве четных чисел.

Все эти конструкции оказываются возможными, потому что мы определили `РодСтруктуры` как модуль, зависящий от списка базисных множеств как от параметра. Это позволяет проводить синтез теорий, просто выбирая в качестве параметра множества из разных теорий. Система модулей, используемая в `Агде` и других языках для композиции программ из независимо разрабатываемых частей, может оказаться более эффективным способом работы с теориями в целом, чем композиция и декомпозиция M -графов. К сожалению, модули в `Агде` не являются полноценными (first-class) единицами как в языках типа `ML` или `OCaml`, но `Агда` содержит типы записей (records, называемые в других языках также структурами), которые во многом ведут себя как такие модули. Мы выше представляли родовые структуры в терминах степени $\mathbb{P}$, декартового произведения $\times$ и множества $\mathbb{P}\Sigma$. Однако декартово произведение является частным случаем Σ -типа, а последний – частным случаем более общего понятия записи. Например, Σ -тип в библиотеке `Агды` просто определяется как запись. Запись представляет собой кортеж с поименованными полями, которые выступают как функции, позволяющие извлекать соответствующие компоненты кортежа. В общем виде тип записи имеет (упрощенно) следующий вид:

```
record R {ℓ1 ... ℓn} (X1 : Type ℓ1) ... (Xn : X1 → ... → Type ℓn) : Type _ where
  field
    <fld1> : T1
    <fld2> : T2
    ...
    <fldn> : Tn
```

где типы T_i сконструированы из типов X_i и, возможно, предыдущих полей. В частности, эти типы сами могут быть записями. Записи используются для группирования различных объектов, и функции `<fldi>` служат для их извлечения. Например, декартово произведение n не зависящих друг от друга сомножителей может определяться как:

```
record  $\mathcal{D}_n$  { $\ell_1 \dots \ell_n$ } ( $X_1$  : Type  $\ell_1$ ) ... ( $X_n$  : Type  $\ell_n$ ) : Type _ where
  field
     $x_1$  :  $X_1$ 
     $x_2$  :  $X_2$ 
    ...
     $x_n$  :  $X_n$ 
```

Добавив условие, мы можем получить тип, который содержит только элементы, для которых это условие выполнено:

```
record  $\mathcal{B}\mathcal{D}_n$  { $\ell_1 \dots \ell_n \ell'$ } ( $X_1$  : Type  $\ell_1$ ) ... ( $X_n$  : Type  $\ell_n$ )
  ( $P$  :  $X_1 \rightarrow \dots \rightarrow X_n \rightarrow$  Type  $\ell'$ ): Type _ where
  field
     $x_1$  :  $X_1$ 
     $x_2$  :  $X_2$ 
    ...
     $x_n$  :  $X_n$ 
    isP :  $P \ x_1 \dots x_n$ 
```

Тем самым, мы получаем булеан от декартова произведения. В частности, для единственного X мы получим тип, эквивалентный булеану от X . Очевидно также, что само декартово произведение является частным случаем $\mathcal{B}\mathcal{D}_n$ для всегда выполненного условия P . В результате все ступени родов структур могут быть выражены через записи $\mathcal{B}\mathcal{D}_n$. При этом их синтез может осуществляться через параметры, как описано выше. Более того, помимо полей запись может содержать произвольные определения, которые также могут использоваться в определении полей. Каждая запись определяет модуль (с таким же именем), содержащий ее поля и дополнительные определения. Они ведут себя во многих отношениях как обычные модули, их можно открывать полностью или частично, они могут быть параметризованы и т.д. В этом смысле для задач построения сложных понятий и теорий из простых записи предоставляют богатый набор инструментов.

К сожалению, Агда не позволяет построить простые функции, подобные Ступень и М-Ступень, позволяющие переводить схемы и М-графы в записи теории типов.⁶ В любом случае можно констатировать, что Агда содержит средства, требующиеся для работы с теориями, последовательного построения сложных теорий, их синтезирования и пр., однако содержит их неявно. В этом смысле теория родов структур может предоставить для теории типов метатеорию, облегчающую проектирование концептуальных структур.

⁶Она, тем не менее, имеет механизм рефлексии, позволяющий, в принципе, это сделать. Другим вариантом является теоретико-типовой язык Lean, содержащий развитые средства манипуляции с синтаксисом, в котором эта задача решается проще. Lean, с другой стороны, преимущественно ориентирован на классическую математику, в нем, например, невозможна гомотопическая теория типов. Выбор языка зависит от конкретных потребностей концептуального проектирования – достаточно ли, например, классической математики. Возможно также, что оптимальным является разработка специализированного языка (DSL), подобного Lean, Agda или другим теоретико-типовым языкам.

Заключение

Мы можем сделать два вывода из проведенной формализации.

Прежде всего мы видим, что с формальной точки зрения связь двух подходов осуществляется через операции каррирование и декаррирования. Несмотря на разницу онтологий, а также лежащих в их основе понятий множества, формальная структура оказывается сходной. Хотя в теории типов булеан (точнее, множество подтипов) вполне возможно определить, он не используется в ней активно. Выражаемые с его помощью структуры формализуются через зависимые типы или функции в универсумы (успех теории Мартин-Лёфа вообще во многом связан именно с понятием зависимого типа, который позволил формализовать утверждения с кванторами). Булеан и зависимые типы в определенном смысле взаимозаменяемы. В нашем изложении, например, булеаны от декартовых произведений часто представлялись как типы многоместных функций в универсумы $\text{Type } \ell$ или $\text{hProp } \ell$. В этом смысле, теории типов и родов структур оказываются двумя сходными способами представления математических (и не только) теорий.

Второй вывод состоит в том, что теория родов структур выступает как метатеория по отношению к теории типов: она касается не столько конкретного определения тех или иных понятий, сколько их взаимодействия, общей схемы теорий, синтеза различных теорий и пр. В теоретико-типичных построениях эта информация, разумеется, присутствует, но в неявном виде. В этом смысле теории родов структур и типов дополняют друг друга. Если первая описывает общую архитектуру теорий, их взаимодействие и генезис, то вторая способна добавить к этому вычислительные возможности, причем на уровне как конкретных теорий, так и их связей. Так, мы видели, что Агда выступала в качестве средства формализации как теорий, так и метатеории (схем ступеней, М-графа). Насколько этой способности Агды (или других теоретико-типичных языков) служить метаязыком достаточно для целей концептуального проектирования остается открытым вопросом.

Список литературы / References

- Бурбаки, Н. (1965). *Теория множеств*. М.: Мир. 455 с.
Bourbaki, N. (1965). *Set Theory*. Moscow. 455 p.
- Кононенко, А. А., Кучкаров, З. А., Никаноров, С. П., Никитина, Н. К. (2008). *Технология концептуального проектирования*. Никаноров, С. П. (ред.). М.: Концепт. 580 с.
Kononenko, A. A., Kouchkarov, Z. A., Nikanorov, S. P., Nikitina, N. K. (2008). *Technology of Conceptual Design*. Nikanorov, S. P. (ed.). Moscow. 580 p.
- Никаноров, С. (2013). *Введение в аппарат ступеней множеств*. М.: Концепт. 350 с.
Nikanorov, S. P. (2013). *Introduction to the Apparatus of Set Levels*. Moscow. 350 p.
- Пономарёв, И. Н. (2007). *Введение в математическую логику и роды структур: Учебное пособие*. М.: МФТИ. 244 с.

Ponomarev, I. N. (2007). *Introduction to Mathematical Logic and Species of Structures: Textbook*. Moscow. 244 p.

Erwig, M. (2001). Inductive graphs and functional graph algorithms. *Journal of Functional Programming*. Vol. 11. No. 5. Pp. 467-492.

Martin-Löf, P. (1984). *An Intuitionistic Type Theory. Notes by Giovanni Sambin of a series of lectures given in Padua, June 1980*. Napoli. Bibliopolis. 91 p.

Martin-Löf, P. (1987). Truth of a Proposition, Evidence of a Judgement, Validity of a Proof. *Synthese*. Vol. 73. Pp. 407-420. DOI: 10.1007/BF00484985.

Univalent Foundations Program (2013). *Homotopy Type Theory. Univalent Foundations of Mathematics*. Institute for Advanced Study. 589 p. Available at: <http://homotopytypetheory.org/book>.

Vezzosi, A., Mörtberg, A., Abel, A. (2021). Cubical Agda: A dependently typed programming language with univalence and higher inductive types. *Journal of Functional Programming*. Vol. 31. P. e8. DOI: 10.1017/S0956796821000034.

Сведения об авторе / Information about the author

Доманов Олег Анатольевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, г.Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: domanov@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0057-3901>.

Статья поступила в редакцию: 15.08.2025

После доработки: 04.09.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Oleg Domanov — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: domanov@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0057-3901>.

The paper was submitted: 15.08.2025

Received after reworking: 04.09.2025

Accepted for publication: 15.09.2025

УДК 1(091)

ГЕНЕАЛОГИЯ РАЗУМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ НЕОРАЦИОНАЛИЗМА*

О. А. Лунев-Коробский

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
sickrrett@gmail.com

Аннотация. В статье предпринимается первый шаг в исследовании неорационализма как философской программы. Проводится историко-философская реконструкция эволюции концепций разума через анализ основных трансформаций философского мышления от античного логоцентризма до постмодернизма и критической теории. Выявляется принципиальная историческая преемственность идеала разума как антропоморфно ориентированного квазимонотеизма, а также кризисные векторы, связанные с секуляризацией, релятивизацией и технократизацией рациональности. Это закладывает основу для системного прояснения программы неорационализма как синтеза аналитически-критического подхода, который укоренен в классическом рационализме, и спекулятивного энтузиазма по поводу метафизики, во многом инспирированного постмодернизмом.

Ключевые слова: разум, рациональность, Рэй Брассье, Питер Вульфендейл, Реза Негарестани, неорационализм.

Для цитирования: Лунев-Коробский, О. А. (2025). Генеалогия разума как исторический контекст неорационализма. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С. 59-80. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.59-80.

THE GENEALOGY OF REASON AS THE HISTORICAL CONTEXT FOR NEORATIONALISM*

O. A. Lunev-Korobksii

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
sickrrett@gmail.com

Abstract. The article is the first step in examining neorationalism as a philosophical program. Through a historical-philosophical reconstruction, it traces the evolution of conceptions of reason by analyzing major shifts in thought – from ancient logocentrism to postmodernism and critical theory. The study reveals a fundamental continuity in the idea of reason as an anthropomorphically oriented quasi-monotheism, as well as crisis vectors tied to the secularization, relativization, and technocratization of rationality. Via this framework the paper lays the ground for systematical clarification of neorationalism as a synthesis of analytically-critical approach rooted in classical rationalism, and speculative enthusiasm in regard to metaphysics which is largely inspired by postmodernism.

Keywords: reason, rationality, Ray Brassier, Peter Wolfendale, Reza Negarestani, neorationalism.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 25-28-01064 «Трансформация рациональности: от инструментального разума к неорационализму».

* The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 25-28-01064 “The Transformation of Rationality: From Instrumental Reason to Neorationalism”.

For citation: Lunev-Korobskii, O. A. (2025). The Genealogy of Reason as the Historical Context for Neorationalism. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 59-80. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.59-80.

0. В интеллектуальной истории западного мира философия характеризуется как деятельность по преимуществу рациональная. Эта же история демонстрирует, что данный предикат представляет собой скорее понятие с изменчивым смыслом и содержанием, нежели универсальную ценность, и поэтому сам нуждается в обосновании. В то же время современный неорационализм, по-видимому, предлагает вернуться к пониманию рациональности в качестве регулятивного идеала.

Чтобы прояснить интеллектуальную ситуацию вокруг неорационалистических дискуссий вокруг идеала и кризиса Просвещения, начать следует с реконструкции эволюции представлений о разуме и рациональности¹ в контексте интеллектуальных проектов Р. Брассье, П. Вульфендейла и Р. Негарестани как ведущих представителей современного неорационализма².

Наиболее репрезентативно эта эволюция предстает в иллюстрации посредством своеобразного водораздела в мышлении, роль которого сыграла философия Канта. От античности и до «Критики чистого разума» – пора становления и развития рациональности в соответствии с принципом достаточного основания в качестве опоры. От Канта и до современности – качественно новый виток теоретизирования, который определяется дистанцированием и критическим осмыслением данного принципа и его обоснованности. На фоне этой трансформации парадигмы можно выделить четыре условные стадии в эволюции философии разума. Следует рассмотреть их в общем виде, уделив особое внимание роли Канта и концептуальным программам XX в., поскольку в дальнейшем предполагается конкретизировать неорационализм как цельную позицию по вопросу о кризисе рациональности с опорой на сравнение с этими интеллектуальными проектами.

1. Традиция исходить в философском поиске из принципа достаточного основания как идеального ядра рассуждения опирается на мысль Парменида. Извечно есть единое нечто, а не ничто, пустота немыслима и недопустима³. Она эквивалентна⁴ тьме как отсутствию света,

¹ В общем виде разум в данной статье соотносится с рациональностью таким образом, что чем рациональнее общая совокупность действий агента, тем полнее данный агент воплощает в себе разум как регулятивный идеал. Другими словами, рациональность есть мера разумности, а «разумность» разума есть ценностно нагруженный исторический продукт деятельности сообщества агентов (причем деятельность понимается, вслед за Селларсом, в широком смысле, включая в себя и умозаключение [см.: Sellars, 1991]).

² Предлагаемую реконструкцию эволюции можно определить как генеалогию в ницшеанском смысле, идею которой подхватил и развил Фуко: «Генеалогия не противопоставляет себя истории как высокомерный и глубинный взгляд философа – кротовьей работе ученого: напротив, она противопоставляет себя метафизическому разрыванию идеальных сигнификаций телеологических бесконечностей. Она противопоставляет себя поиску “происхождения”» [Фуко, 1996, с. 78].

³ «Ибо мыслить – то же, что быть».

Можно лишь то говорить и мыслить, что есть; бытие ведь

Есть, а ничто не есть: прошу тебя это обдумать» [Лебедев, 1989, с. 296].

⁴ На первый взгляд, фрагмент о «воротах путей Дня и Ночи» следует прочитывать как вступление к обсуждению «Пути Истины» и «Пути Мнения» соответственно, однако все не так однозначно. «Эквивалентность» здесь означает принятие аристотелевской интерпретации Парменида, несмотря на ее проблематичность [см., напр.: Вольф, 2012, с. 328-329].

т. е. несубстанциональна по сравнению с истиной тождества бытия и мышления. Последующая античная мысль наследует этому стремлению сформулировать соответствие между *рациональными* идеалами и *метафизической* полнотой мира.

Сократические диалоги Платона детализируют традицию: мир идей во всех отношениях совершеннее, чем мир чувственных преходящих вещей, а познание есть одновременно припоминание с опорой на чистый разум и дистанцирование от брэнной динамики материи [см.: Платон, 1990, с. 588-596]. Такое движимое разумом познание предлагает путь к благу, истине и красоте. В еще более упорядоченном виде концептуальное слияние данных проблематик представлено в учении Аристотеля о «первом движущем». Единое начало отвечает за причинность, онтологическое, эстетическое и этическое совершенство [см.: Аристотель, 1976, с. 309-311, 315-316]. Так завершается *первая стадия* конструктивной⁵ эволюции представлений о разуме и рациональности: от самодовлеющего шарообразного нечто Парменида к силлогистически упорядоченному мышлению о разумном начале как идеале *протомотеизма* Аристотеля⁶.

2. Вечный двигатель Аристотеля не оформлен эксплицитно антропоморфной семантикой, однако в эпоху Средневековья его идеи играют роль «эмбриона» для мысли о Боге как абсолютном ориентире, к которому надлежит стремиться человеку.

Фома Аквинский выражает конвенциональную позицию своей эпохи: истина веры выше, чем истины разума, однако все, что касается земной жизни, отдано в ведение разумного начала в человеке⁷. Божественно рациональная сообразность мироздания постигается разумом, она одновременно гарантирует истину и свидетельствует о подобии между *тварью* и *Творцом*. Таким образом, *вторая стадия* конструктивной эволюции представлений о разуме и рациональности завершается уверенностью в том, что человек наделен даром, который, прежде всего, позволяет ему полнее воспринимать истины веры, постигать природу, обустривать знания и практики сообразно с эталоном теперь уже *теологической*, но вместе с тем *более антропоморфной* рациональности.

⁵ Указание на конструктивность в контексте неорационализма означает, что представления о разуме и рациональности конструируются сообществом рациональных агентов как носителей разума. Это позволяет подчеркнуть, в каком именно смысле методологический натурализм Брассье согласуется с номинализмом Селларса. (Если определить конструктивизм как утверждение, что знание конструируется в процессе познания и взаимодействия, а не является объективно существующим, а номинализм определить как утверждение, что общие понятия не существуют в реальности.) [О номинализме и натурализме Селларса см.: O'Shea, 2017].

⁶ Это указание на антропоморфность идеала или абсолюта важно для понимания неорационализма в целом и, например, акселерационизма и прометеизма в частности, более подробно об этом следует говорить отдельно [см.: Fluss, Frim, 2022; O'Sullivan, 2017].

⁷ См., например, что пишет Фома Аквинский об уме Бога как сущности и об умных тварях, в которых ум есть не сущность, а пассивная сила как «претерпевание» [Фома Аквинский, 2005, с. 90, 92, 286, 288]. «Истина заключает в себе благо, а благо – истину: ведь и истина – это нечто благое, в противном случае она не была бы желанна, и благо – это нечто истинное, в противном случае оно не было бы интеллигибельным. Поэтому, коль скоро объект желания может быть чем-то истинным через наличие аспекта блага, например, когда кто-либо желает познать истину, то точно так же и объект практического разума является благом, направленным к деятельности под аспектом истины. Ибо и практический ум, подобно созерцательному, познает истину, но при этом направляет познанную истину к деятельности» [Там же, с. 114]. Также: «<...> благодаря суждению мы на основании уже познанных вещей судим о преходящем и в соответствии с законами вечных вещей распоряжаемся вещами преходящими» [Там же, с. 109].

3. Вследствие Реформации и развития наук схоластическая избыточность религиозной мысли трансформируется в совокупность *гуманистических* идеалов Возрождения и Нового времени. Секуляризация разума начинается как борьба с устаревшими предрассудками, которые предстояло реконструировать в формате энциклопедии достижений разума. Этот архив еще отсылает к божественному авторитету, а упорядоченный космос остается произведением божественного промысла. Однако человеческий разум и рациональность принадлежат сверхъестественному гаранту лишь номинально, поскольку воплощаются и реализуются в материальном мире, который человек населяет.

Таким образом, *третья* и наиболее существенная стадия конструктивной эволюции философской мысли о разуме и рациональности вплоть до Канта выходит на новую проблематику. Зазор между разумом как «новым органом» эмпирической науки и теологией с идеалами креационизма расширяется, и в этом зазоре оформляется современный в широком смысле познающий субъект как *место пересечения* двух субстанций. Другими словами, зазор звучит как вопрос: чем человеческий разум отличается от божественного?

Фундаментальному требованию принципа достаточного основания наиболее соответствовал идеал математики. Она говорит на языке чисел – особых сущностей, расположенных вне времени, но универсальных для всех рационально ориентированных форм познания. Важно и то, что математика сохраняла зерно пифагорейского представления об абстрактной гармонии.

В этом контексте ведущую роль сыграл Декарт, поскольку он, по крайней мере, *функционально* локализовал разум в субъекте как теле, когда изложил свои «Правила для руководства ума»⁸. Другой важный представитель классического рационализма, Лейбниц, выразил в конвенциональном виде принцип достаточного основания, который имплицитно питал философскую рациональность начиная с античности⁹. Это фундаментальное допущение для сближения философии с математикой и другими науками, а также для аксиологической поддержки авторитета разума. Наконец, Спиноза формализовал этику в виде своего рода геометрических задач, что можно рассматривать как счисление нравственности, как попытку арифметически вывести легитимность морали¹⁰.

⁸ «Чтобы придать науке полноту, надлежит все, что служит нашей цели вместе и по отдельности обозреть в последовательном и нигде не прерывающемся движении мысли и охватить достаточной и упорядоченной эnumerацией» [Декарт, 1989б, с. 96]. Также: «Те длинные цепи выводов, сплошь простых и легких, которыми геометры обычно пользуются, чтобы дойти до своих наиболее трудных доказательств, дали мне возможность представить себе, что и все вещи, которые могут стать для людей предметом знания, находятся между собой в такой же последовательности» [Декарт, 1989в, с. 261]. Математизация мышления просматривается в терминологическом сближении индукции с «эnumerацией» [см.: Декарт, 1989б, с. 110-111]. Пределы картезианского сомнения остаются под вопросом, поскольку оно представляет собой методологический скептицизм [см., напр.: Пирс, 2000, с. 48-50; Larmore, 2014]. Важно отметить: когда Декарт говорит, что картезианское сомнение распространяется даже на математические доказательства, это сомнение практически нейтрализуется верой во всемогущего Бога [см.: Декарт, 1989а, с. 315, 326].

⁹ «<...> ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе, хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны» [Лейбниц, 1982, с. 418].

¹⁰ В связи с этим Бог Спинозы перестает быть откровенно антропоморфным: «Есть люди, которые воображают, будто бог подобно человеку состоит из тела и души и подвержен страстям. Но уже из доказанного

Интеллектуальная индивидуация закрепила познающего субъекта в материальной природе, вместе с этим раскол между философией и теологией сместился *внутрь субъекта*. В сравнении с божественным, разум человека ограничен, но рациональность как модус реализации разума получила опору в *механике* материального исчислимого мира. Теологический компонент идеала рациональности смещался к периферии, чтобы дать место развитию протопсихологии как терапии для разума, все более остро ощущавшего свое одиночество в пользовании инструментом познания.

В теоретическом плане классический рационализм определялся переосмыслением натурфилософских и схоластических вариаций идеализма. В концептуальном дистанцировании от божественной родословной мышлению отводится понятийное упорядочивание чувственного многообразия. Однако Юм убедительно показал, что абсолютные категории скрывают скудность природного разума и выполняют психологически-регулятивную функцию¹¹. Тем самым философская мысль вышла к открытому противостоянию рационализма и эмпиризма, которое было переосмыслено Кантом. Его проект трансцендентальной критики стал *поворотным моментом* в конструктивной эволюции человеческих представлений о разуме и рациональности¹².

Во-первых, Кант в «Критике чистого разума» проанализировал умственные способности человека и провел *системное* различие между рассудком и разумом. Рассудок оперирует категориями и выносит суждения, сообщаясь с опытным содержанием чувственного созерцания. Разум не взаимодействует с опытом, но работает с идеями как *регулятивными* принципами на краю опытной реальности [см., напр.: Smith, 2003, pp. lvii-lxx]. Это не значит, что разум отходит на второй план. Без конструктивной работы разума рассудок был бы лишен устойчивого аппарата категориального схематизма, который в конечном итоге отсылает к *теологическому* идеалу разума как в теории, так и на практике. Таким образом, разум как таковой неконструктивен, но он поддерживает *авторитет* деятельного рассудка, который «формализует» многообразие опыта, угрожающего индуктивной науке.

Во-вторых, революционность философской техники Канта базируется на абстрагировании от картезианского субъекта. Конфликт рационализма и эмпиризма нейтрализуется посредством артикуляции концептуальной метапозиции. Отныне

ясно, как далеки они от познания истинного бога» [Спиноза, 1957б, с. 373]. Человек, однако, остается полностью производным от божественного: «Так как человек не существует от вечности, ограничен и подобен многим людям, то он не может быть субстанцией. Поэтому все его мышление только модусы мыслящего атрибута, который мы приписали богу» [Спиноза, 1957а, с. 111].

¹¹ Разумеется, скептицизм Юма также имеет свои пределы и продолжает питать оживленные дискуссии. Юм пишет о «предустановленной гармонии» в духе Лейбница, но вместо Бога говорит о «мудрости природы», которая состоит в том, что целесообразность «привычки» согласуется с «ходом природы» [см.: Юм, 1996, с. 37-38, 40, 47-48]. Здесь можно высказать соображение касательно преемственности: идею целесообразной корреляции бытия и мышления будет развивать Кант, целесообразность данной корреляции ставится под сомнение Мейясу, а в диалоге со спекулятивным материализмом Мейясу Брассье начинал работу над собственным ответом на проблему корреляционизма.

¹² Обращая внимание на просвещенческий пафос, сближающий проекты Брассье, Вульфендейла и Негарестани, о котором еще будет сказано ниже, следует подчеркнуть, что именно Кант представляет для неорационалистов наиболее значимый философский ориентир. По этому поводу см. перевод статьи Ф. Джирони [Лунев-Коробский, 2024].

теоретический разум оказывается связан с наукой, практический разум – с моралью и теологией, а критическая программа философии с введением трансцендентального измерения позволяет философскому рассудку найти место в нововременной науке. Основание для этого заключается в том, что рассудок становится инструментом, связывающим чувственное созерцание с формальной системой по аналогии с геометрией.

Если Декарт обнаружил конфликт субстанций в человеке там, где раньше нерелексивно постулировалась божественная гармония, то Кант спекулятивно срастил разрыв между субстанциями. Тем самым он определил направление дальнейшего развития философии разума и понимания рациональности. По мнению многих представителей спекулятивного поворота в современной философии, последствия трансцендентальной критики были неоднозначными¹³.

С одной стороны, Кант заострил внимание на инструментальности и утилитарности познавательного процесса. Философия и наука оперируют одним и тем же рассудком как человеческим приспособлением для рационализации чувственного опыта. Трансцендентальный субъект Канта концептуально целостен. С другой стороны, трансцендентальный формализм замаскировал исходную традицию теологизма и антропоморфизма. Мышление механизировалось, но в кантовской парадигме механистичность подкрепляется идеалистически¹⁴.

Другими словами, рассудок закрепляется в реальности, овеществляя рациональность, однако за легитимацию мира феноменальных манипуляций человек должен заплатить. В результате разум Канта божественно самодостаточен, и в то же время заперт в ноуменальной стерильности, которую нарушит Гегель, когда опишет историзованную диалектику абсолютного понятия. В конечном итоге место *метафизического дуализма* субстанций займет *конструктивный дуализм* эпистемологической абстракции и практического действия¹⁵. Эта чрезвычайно важная реконструкция дуализма знаменовала начало *четвертого этапа* эволюции философской рациональности¹⁶.

¹³ В первую очередь это, конечно, Мейясу: «После Канта и начиная с Канта соперничество философов сводится не к тому, кто из них мыслит настоящую субстанциальность, а к тому, кто из них мыслит более исходную корреляцию. Мыслит он субъект-объектную корреляцию, или ноэтико-ноэматическую, или корреляцию язык-референт? Проблема больше не “какой субстрат правильный?”, а “какой коррелят правильный?”» [Мейясу, 2015, с. 13].

¹⁴ Речь идет о т.н. «трансцендентальном субъекте мысли» [Кант, 2006, с. 517]. См.: «Ощущения [sensations], как утверждает Кант, имеют двойственное происхождение – ноуменальное и механическое. В первую очередь это воздействие вещей самих по себе на ноуменальные структуры субъекта [conditions of the self], но также и воздействие материальных тел на органы чувств и мозг <...> Наши чувственные переживания есть в той же мере реальные события во времени, как и механические процессы [happenings] в пространстве» [Smith, 2003, p. 275]. Один из подходов к решению затруднений, вытекающих из такого трансцендентального сочленения ноумена и механизма, представлен в [Wood, 1998].

¹⁵ В соответствии с таким прочтением, Гегель не возвращался к спекулятивной метафизике, но воспринял Канта «всерьез», что и обусловило его критику представления о разуме как о понятии, отстраненном от истории материального мира. Неорационализм разделяет некоторые компоненты таких современных интерпретаций Гегеля в духе аналитического прагматизма (Брэндом, Макдауэлл и др.), восходящие к одному из главных источников вдохновения Брассье, – У. Селласу [см.: Маслов, 2023].

¹⁶ Ее важность заключается в том, что вся последующая мысль так или иначе будет учитывать трансцендентальный регистр. См. также, что пишет об этом Вульфендейл: «Эпистемологическая критика Юма в адрес классической [mainstream] метафизики вызывает ответную эпистемологическую ревизию в философии

4. Рассмотрение последующих трансформаций философии разума и рациональности следует начать с Шопенгауэра. В диссертации «О четверояком корне закона достаточного основания» он критикует кантовское смешение двух значений «закона достаточного основания»¹⁷ и вводит классификацию объектов, каждому из которых соответствует своя модификация «корня» данного закона и, соответственно, свое объяснение¹⁸. Зачастую разные основания *необоснованно* смешивают, а объяснения одного класса объектов экстраполируют на другие¹⁹. На этом основании Шопенгауэр отказался от кантовского понимания феноменов и ноуменов и разрабатывал метафизику воли – *неантропоморфного, нерационального* импульса в основании всего сущего. Трансцендентализму он противопоставил *имманентизм*, который будет воспринят Ницше.

Влияние Ницше на последующую мысль многогранно и масштабно. В контексте эволюции понимания разума и рациональности важна прежде всего его критика традиционной рациональности с опорой на *историзм* и *иррационализм*²⁰.

Разум определяется не вневременным идеалом, а историей прагматических трансформаций, в основании которых лежит динамика властных отношений²¹. Догмы

Канта. Это в свою очередь приводит к постепенной адаптации [mainstreaming] кантовского подхода, в ходе которой проблемы традиции до Юма и Канта постепенно встраиваются в новые концептуальные рамки (например, метафизика Свободы Шеллинга или учение об Абсолютном Духе Гегеля), что в конечном итоге приводит к крайностям немецкого идеализма, на которые реагировать будет уже новая волна метафизического скептицизма. Примечательно и то, что эти крайности обусловлены прежде всего переходом от методологической постановки проблемы мышления к проблематизации субстанции мышления: соотношение мышления и Бытия перестает определяться эпистемологически (абсолютный идеализм). Подлинное значение такой оптики рассмотрения истории метафизики – это не только более четкое понимание конкретных метафизических (или антиметафизических) позиций данного периода: она предлагает нам гибкую диалектическую схему для осмысления трансформаций философии в XX в. <...>» [Wolfendale, 2014, p. 307].

¹⁷ Шопенгауэр цитирует И. Кизеветтера: «Логическое основание (основание познания) не следует смешивать с реальным (причиной). Закон достаточного основания относится к логике, закон причинности – к метафизике. Первый – основной закон мышления, второй – опыта. Причина касается действительных вещей, логическое основание – только представлений» [Шопенгауэр, 1993, с. 21].

¹⁸ Эти четыре класса «объектов для субъекта» суть: класс «созерцаемых, полных, эмпирических представлений»; понятия как «абстрактные представления»; формальные априорные «данные созерцания форм внешнего и внутреннего чувства» и «субъект воления» как «непосредственный объект внутреннего чувства». Формулировку «корня закона достаточного основания» [см.: Шопенгауэр, 1993, с. 24].

¹⁹ По существу, тезис Шопенгауэра можно сформулировать так: Кант не преуспел в решении проблемы Юма. Формулировку проблемы Юма в контексте спекулятивного поворота [см.: Мейясу, 2015, с. 123-124].

²⁰ «Нехватка чувства истории – вот наследственный изъян всех философов <...> Они не желают понять, что человек прошел через некоторый процесс становления, что через него же прошла и познавательная способность; а между тем кое-кто из них позволяет себе выводить из этой познавательной способности весь мир <...> Но все прошло через становление; нет никаких вечных фактов – так же как нет никаких абсолютных истин. – Из всего этого следует, что отныне философствовать необходимо в историческом ключе <...>» [Ницше, 2011, с. 22-23]. Также: «<...> большею частью сознательного мышления философа тайно руководят его инстинкты, принудительно направляющие движение этого мышления по определенным путям» [Ницше, 2012, с. 15].

²¹ «В течение самого долгого периода истории человечества – его называют доисторическим – достоинство или негодность поступка выводились из его следствий: поступок сам по себе так же мало принимался во внимание, как и его происхождение <...> в последние десять тысячелетий на некоторых больших пространствах земной поверхности люди шаг за шагом дошли до того, что предоставили решающий голос в вопросе о ценности поступка уже не его следствиям, а его происхождению <...> тем самым была предпринята первая попытка самопознания. Вместо следствий происхождение: какой переворот перспективы!

и конвенции Просвещения суть фикции, необходимые человеку для поддержания контроля над неразумным миром слепой воли к власти²². В действительности «истина» неоднозначна и динамична, поэтому жизнеспособное мышление должно доверять инстинктам и быть творческим²³.

Ницше утверждает, что рациональность определяется *контингентно*, а также требует критического дистанцирования во избежание *злоупотреблений авторитетом разума*²⁴. В контексте неорационализма изречение Ницше о смерти Бога²⁵ следует прочитывать как тезис, что наш антропоморфный разум – это еще не все, что помимо разумной жизни есть жизнь инстинкта и заблуждения²⁶. Поскольку «убийцы» – мы, существование определяется не метафизически (с помощью Бога, идеи блага, природной целесообразности и т. д.), а через борьбу и соотношение различных сил, действующих в мире²⁷.

Помимо перспективизма²⁸ Ницше проект Просвещения пошатнулся вследствие погружения Фрейда в психоаналитическое измерение субъекта. Тезис, что сознание – это поверхностный механизм психики²⁹ подразумевает частичную иррациональность мыслящего субъекта. Разум «надстраивается» над *базовым* бессознательным аппаратом психики, доступ во внутреннее устройство которого проблематичен³⁰.

Наконец, последний из элементов, определяющих эволюцию представлений о разуме и рациональности после Канта, – возникновение *капитализма*. Прежде всего Маркс

И, наверно, переворот, достигнутый только после долгой борьбы и колебаний! Конечно, роковое новое суеверие <...>» [Ницше, 2012, с. 45-46].

²² «Логизирование, рационализация, систематизация – как вспомогательные средства жизни» [Ницше, 2016, с. 368].

²³ «Я отстаиваю феноменальный характер также и *внутреннего* мира: все, что нами осознается, заранее насквозь упорядочено, упрощено, схематизировано, истолковано – *действительный* ход внутреннего “восприятия”, *каузальное* соединение мыслей, чувств, желаний, равно как и субъекта и объекта, совершенно от нас скрыто – и, быть может, не более чем плод воображения» [Ницше, 2016, с. 327-328].

²⁴ «Разумное мышление – это интерпретирование по схеме, которую мы не в состоянии свергнуть» [Ницше, 2005, с. 177]. Также: «Сократ был недоразумением; *вся исправительная мораль, также и христианская, была недоразумением...* Самый яркий дневной свет, разумность во что бы то ни стало, ясная, холодная, осторожная, сознательная, без инстинкта, сопротивляющаяся инстинктам жизнь сама была лишь болезнью, иной болезнью – а вовсе не возвращением к “добродетели”, к “здоровью”, к счастью...» [Ницше, 2009, с. 26].

²⁵ «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешиться нам, убийцам из убийц!» [Ницше, 2014, с. 440].

²⁶ «Мы устроили себе мир, в котором можем жить, – с помощью гипотезы тел, линий, поверхностей, причин и следствий, движения и покоя формы и содержания: без этих догматов веры никто не смог бы прожить и мгновения! Но тем самым догматы эти еще отнюдь не доказаны. Жизнь – вовсе не аргумент; в числе условий жизни могло бы оказаться и заблуждение» [Ницше, 2014, с. 437].

²⁷ «<...> цели человечества и индивидуума – их не может установить никто, кроме него: это гипотеза, более или менее произвольная программа – произвольная в отношении материала, случайного материала его знаний о себе» [Ницше, 2013, с. 222]. Также: «Кто не в состоянии навязать вещам свою волю <...> тот навязывает им хотя бы какой-нибудь смысл <...>» [Ницше, 2016, с. 390].

²⁸ «Мир познаваем, если слово “познание” вообще имеет смысл: но толкуем он как-то иначе, за ним кроется не один смысл, а неисчислимые смыслы – “перспективизм”» [Ницше, 2005, с. 289].

²⁹ «<...> сознание – это поверхность душевного аппарата» [Фрейд, 2006, с. 308].

³⁰ «Бессознательное – это истинно реальное психическое, *по своей внутренней природе столь же нам неизвестное, как реальность внешнего мира, и представленное данными сознания столь же неполно, как внешний мир – сведениями наших органов чувств*» [Фрейд, 2004, с. 612].

в «Капитале», а также многие другие предпринимали попытки осмыслить новую общественную реальность³¹. Абстрагируясь от деталей, достаточно обобщить эти дискуссии утверждением, что капитализм кардинально трансформировал и *масштабировал* рациональность. С началом истории капитала быть рациональным – значит преследовать конкретные материальные интересы. Рациональность сближается с эффективностью и вступает в фазу *технологизации*, которая продолжается сегодня в условиях совершенствования информационно-компьютерной инфраструктуры [об этом см., напр.: Дрекслер, 2014; Цао, 2022].

4.1. Историчность рациональности подчеркивал еще Гегель³², но планомерно реализовали критический потенциал этой идеи представители «Франкфуртской школы», в частности, Хабермас и Хоркхаймер. Их взгляды можно обобщенно представить³³ как антитезу постмодернистской парадигме, о которой также будет сказано ниже.

³¹ Общее представление о полемике в теории капитализма можно составить, обратившись к следующим цитатам. «<...> превращение индивидуальных и распыленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, – эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала» [Маркс, 1952, с. 765]. «<...> буржуазия разрушила феодальный строй и воздвигла на его развалинах буржуазный общественный строй, царство свободной конкуренции, свободы передвижения, равноправия товаровладельцев <...>» [Энгельс, 1950, с. 251]. «Пуританин *хотел* быть профессионалом, мы *должны* быть таковыми. Но по мере того, как аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, связанного с техническими и экономическими предпосылками механического машинного производства, который в наше время подвергает неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль, причем *не* только тех людей, которые непосредственно связаны с ним своей деятельностью, а вообще всех ввергнутых в этот механизм с момента рождения» [Вебер, 2020, с. 205]. «На Западе капитализм (он должен обнаруживаться не в одном только кальвинизме, но и в остальных правоверных христианских течениях) развивался по отношению к христианству паразитически – таким образом, что в конце концов по сути история христианства есть история его паразита – капитализма» [Беньямин, 2012, с. 102]. Разумеется, этот перечень может быть бесконечным, но обсуждение капитализма выходит за рамки настоящей статьи.

³² «Последовательность формообразований, которые сознание проходит на этом пути, есть, напротив, подробная история образования самого сознания до уровня науки» [Гегель, 2000, с. 48]. «Движение, направленное к тому, чтобы раскрылась форма знания духа о себе, есть работа, которую он осуществляет как действительную историю» [Там же, с. 406].

³³ Это не означает, что между теоретиками рациональности XX в. был некий концептуальный или методологический консенсус. В частности, Хабермас посвящает разбору различных позиций целый подраздел первого тома своей фундаментальной работы, см., напр.: «Хоркхаймер и Адорно радикализируют теорию овеществления Лукача в социально-психологическом плане, намереваясь объяснить стабильность развитых капиталистических обществ, не вынуждая себя к отказу от этого подхода при критике товарного фетишизма. Теория должна объяснить, почему капитализм одновременно увеличивает производительные силы и сковывает силы субъективного сопротивления. Лукач допускал пригодность некой логики, согласно которой процесс овеществления сознания должен вести к его самоснятию в пролетарском классовом сознании. Хоркхаймер и Адорно отставляют в сторону логику Гегеля и принимаются за эмпирическое объяснение тех очевидностей, которые опровергают это предсказание. В том, что объективный разум невозможно восстановить также и в понятиях диалектики, они едины во мнениях с “архипозитивистом” Вебером» [Хабермас, 2022, с. 379].

Согласно «Диалектике Просвещения», капитализм превратил рациональность в инструмент подчинения, что повлекло кризис просветительской парадигмы³⁴. Разум, который был призван стать нашим маяком к свободе, стал инструментом для *производства* контроля³⁵. Разум культивирует миф собственной ценности, а указанием на этот миф Адорно и Хоркхаймер ставят историю его развития под вопрос, следуя в этом отношении вслед за Ницше³⁶.

В соответствии с кантовским призывом к «совершеннолетию»³⁷ подразумевается, что современная ситуация – это не неизбежность, а проблема, которую нужно *решить*. Критическая теория начинает поиск выхода из дурной диалектики мышления с проведения различия между *инструментальным* разумом и *гуманистическим* разумом. Но далее консенсуса по поводу критического отношения к инструментализации рациональности представители «Франкфуртской школы» и смежных программ не продвинулись, разрабатывая отдельные программы.

Хоркхаймер предлагает сопротивляться отчуждению разума с помощью рефлексии и «подлинной» культуры³⁸. В раскрытии пагубных противоречий должна помочь диалектика как метод поиска иных путей помимо приспособления к функциональной реальности. Философия разума тогда становится своего рода искусством сопротивления тотализации, и наша задача человека как его носителя – противопоставить инструментальности иной образ, *концептуализировать себя и мир* так, чтобы восстановить баланс между природой и духом.

Хабермас понимает инструментальное действие как реализацию рациональности в контексте обязательных норм и преследования эффективного достижения целей. Он утверждает, что инструментальное действие – это действие прагматическое, и противопоставляет ему действие коммуникативное, которое учитывает свободный

³⁴ «Просвещение относится к вещам точно так же, как диктатор к людям» [Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 22 - 23].

³⁵ «Разум является органом калькулирования, планирования, по отношению к целям он нейтрален, его стихией является координация. То, что обосновывалось Кантом трансцендентальным образом, сродство познания и планирования, которым насквозь рационализированному даже в моменты передышек буржуазному способу существования во всех его аспектах придавался характер неотвратимо целесообразного, более чем за столетие до возникновения спорта было уже эмпирически реализовано Садом» [Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 112].

³⁶ «Ницше, как немногим со времен Гегеля, удалось постичь диалектику просвещения» [Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 62]. И «<...> творчество Сада, как и Ницше, представляет собой не признающую компромиссов критику практического разума <...>» [Там же, 1997, с. 119].

³⁷ «ПРОСВЕЩЕНИЕ – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» [Кант, 1994, с. 29]

³⁸ «Некогда искусство, литература и философия стремились к тому, чтобы выражать смысл вещей и жизни, быть голосом всего безгласного, служить природе органом для осознания ее страданий или, иначе говоря, называть действительность ее подлинным именем. Сегодня у природы отняли язык» [Хоркхаймер, 2011, с. 118]. Также: «<...> воспроизведение не имеет ничего общего с великим реалистическим искусством, которое изображает действительность для того, чтобы вынести ей приговор» [Там же, с. 163-164]. И «<...> философия заодно с искусством, ибо подобно ему она отражает страсть с помощью языка и переносит ее в область созерцающего переживания и памяти. Когда природа получает возможность видеть себя в зеркале духа, такое созерцание своего образа не может не действовать на нее умиротворяюще. Этот процесс есть сокровенная суть культуры <...>» [Там же, с. 205].

характер взаимодействия между индивидами³⁹. Разум, который несостоятелен вне социальной коммуникации, вновь предлагается понимать как нечто большее, чем просто инструмент. Согласно Хабермасу, универсальной логике капитализма следует противопоставить логику взаимопонимания субъектов, действующих в общем социальном и природном, «жизненном» мире⁴⁰. Так, по его мнению и в полемике с Хоркхаймером, можно «демифологизировать идею социальной солидарности» [Хабермас, 2022, с. 398].

4.2. Работы представителей критической школы отчасти созвучны с позицией Лиотара и других постмодернистов в том, что касается критики инструментального разума. Однако у последних критика фактически перерастает в отказ от рациональности как *цельного* концепта⁴¹. Например, Бодрийяр разоблачает современную рациональность как стремление к *операционализации* реальности, которое вышло из-под контроля.

С развитием наук и появлением глобальной капиталистической системы происходит бюрократическое перераспределение ценностей в соответствии с универсальной логикой производства и потребления. Символическая глубина стандартизуется, ценность становится ценностью прежде всего в смысле цены. В результате, когда все ценности равны, они теряют всякую ценность вне экономики, алгоритмы которой определяют «аксиологические» предпочтения. Разум постмодерна, или разум согласно «логике позднего капитализма» [см.: Джеймисон, 2019, с. 157-158], – это разум, породивший новую реальность, и она подчинила собственного создателя. В некотором смысле, постмодернистская критика рациональности – это своего рода «ностальгия по истокам» как развитие риторики, в соответствии с которой *историзация приравняется релятивизации*⁴².

³⁹ См.: рис. 28 на с. 617 в [Хабермас, 2022], где соотносятся «коммуникация» и «целенаправленная деятельность».

⁴⁰ «Беспорность жизненного мира, исходя из которой осуществляется коммуникативная деятельность, обязана собой также и той уверенности, которой актер обязан проверенным отношениям солидарности и испытанным компетенциям» [Хабермас, 2022, с. 556]. Далее: «В функциональном аспекте взаимопонимания коммуникативная деятельность служит традиции и обновлению культурного знания; в аспекте координации действий она служит социальной интеграции и установлению солидарности; наконец, в аспекте социализации коммуникативная деятельность служит формированию личных идентичностей. Символические структуры жизненного мира воспроизводятся путем непрерывного продолжения (Kontinuierung) пригодного знания, стабилизации групповой солидарности и подготовки вменяемых акторов <...> Этим процессам культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации соответствуют структурные компоненты жизненного мира – культура, общество и персона (Person) <...> Интеракции, сплетенные в сеть повседневной коммуникативной практики, образуют коммуникативную среду (Medium), посредством которой происходит воспроизводство культуры, общества и личности» [Там же, с. 559]. [См. также: Хабермас, 2016; Хабермас, 2023].

⁴¹ «В чем же может заключаться легитимность в эпоху после метарассказа? <...> Консенсус, получаемый в результате дискуссии, как у Хабермаса? Но он насилует гетерогенность языковых игр, а инновация появляется всегда из разногласия. Постсовременное знание не является исключительно инструментом властей. Оно также оттачивает нашу чувствительность к различиям и усиливает нашу способность выносить взаимонесоразмерность» [Лиотар, 1998, с. 12].

⁴² «Само определение реальности гласит: *это то, что можно эквивалентно воспроизвести*. Такое определение возникло одновременно с наукой, постулирующей, что любой процесс можно точно воспроизвести в заданных условиях, и с промышленной рациональностью, постулирующей универсальную систему эквивалентностей <...>» [Бодрийяр, 2000, с. 151]. Также: «Где есть рационализация во имя какой бы то ни было инстанции, там есть и мистификация» [Там же, с. 225]. И «<...> ответственность уже и так давно умерла. Индивидуальный пережиток эпохи Просвещения, она была ликвидирована самой системой, по мере того как та становилась все более рациональной. Капитализму, основанному на личной заслуге, инициативе,

В «Философском дискурсе о модерне» Хабермас проводит критику постмодернизма. Он фокусирует внимание на идеях Деррида, Фуко и Хайдеггера, а также Ницше⁴³. Его довод состоит в том, что постмодернисты совершают перформативное противоречие: отказывая разуму в состоятельности, они опираются для осуществления этого отказа на разум⁴⁴. Обесценивать разум – значит сводить философию к бесосновной риторике, однако риторика самих постмодернистов вновь полагается на разум в том смысле, что *аффективно* апеллирует к исчезновению разумных оснований, вместо того чтобы *конструктивно* анализировать и решать проблемы, вызывавшие кризис разума.

5.0. Проведенная реконструкция, во-первых, показывает, что конструктивная эволюция человеческих представлений о разуме и рациональности представляет собой последовательное усложнение концептуальных представлений о том, что значит мыслить, что значит быть мыслящим и что представляет собой мыслимая реальность. Во-вторых, в дальнейшем она позволит конкретизировать специфику неорационализма и общее видение кризиса рациональности в современности. Переходя к заключению, необходимо сделать два важных отступления.

Первое: данное исследование исходит из гипотезы, что наиболее продуктивный способ определить в общем виде программу неорационализма – это сопоставить представления о разуме и рациональности неорационалистов с позициями постмодернистов и представителей критической теории как двумя наиболее весомыми парадигмами в мысли конца XX – начала XXI вв. Общая характеристика неорационализма как результат такого сопоставления будет фундаментом для детализации отдельных интеллектуальных проектов и анализа в более узких контекстах.

Второе: все сказанное выше, на мой взгляд, демонстрирует одну из ключевых характеристик неорационализма. История показывает, что человек постоянно реконструирует языковые каркасы [см.: Карнап, 1959, с. 300-301, 309, 315], которые

индивидуальном предпринимательстве и конкуренции, нужен был идеал ответственности, а значит и его репрессивный эквивалент – каждый, и предприниматель и преступник, получает по заслугам за добро и зло. Системе же, зиждущейся на бюрократическом программировании и выполнении плана, нужны безответственные исполнители, а значит рушится сама собой и вся ценностная система ответственности – она больше не операциональна» [Бодрийяр, 2000, с. 301].

⁴³ См., напр.: «<...> Ницше <...> вырывает момент разума, который заявляет о себе в своенравии радикально раздифференцированной сферы авангардистского искусства, из связи с теоретическим и практическим разумом и оттесняет в метафизически преображенное иррациональное <...> Своим понятием модерна, развитым в плане теории власти, Ницше обязан демаскирующей критике разума, которая сама себя ставит вне горизонта разума» [Хабермас, 2008, с. 103-104]. «Хайдеггер исходит из того, что существующее в своем бытии покорно раскрывается. Он не хочет знать о том, что горизонт понимания смысла, перенесенный поближе к существующему, не является предпосылкой вопроса о бытии и не полагается до того, как формулируется вопрос; напротив, горизонт является подчиненным, обусловленным относительно вопроса о бытии» [Там же, с. 164]. Также: «[п]редлагая “просто преобразовать” образцы мышления, данные в философии субъекта, Хайдеггер остается в границах постановки проблем, заданных этой философией» [Там же, с. 169]. «Несмотря на изменения в методе в конечном итоге и Деррида просто мистифицирует осязаемые общественные патологии; он отделяет существенное, деконструирующее мышление от научного анализа, и в результате ему остается всего лишь чисто формальное обращение к неопределенному авторитету» [Там же, с. 191]. И «<...> как вообще можно написать историю констелляций разума и безумия, если работа историка неизбежно разворачивается в горизонте разума» [Там же, с. 257].

⁴⁴ Как пишет Я. Хинтика, критикуя аналогичные построения в философии Декарта, «Гамлет много чего мыслил; следует ли из этого, что он существовал?» [Hintikka, 1962, p. 8].

описывают наше мышление и идеалы. В некоторой степени усложнение коррелирует возникновение кризисных ситуаций, т. е. для разума естественно развиваться посредством кризисной динамики.

Пафос неорационализма как реставрации Просвещения поэтому можно охарактеризовать как *гегельянскую* готовность к перманентному кризису: разум рационализирует реальность, стремясь к преобразованию проблемных компонентов⁴⁵. Другими словами, кризис современной рациональности – это очередная задача, с которой человек должен справиться, чтобы вновь утвердить собственную разумность и рациональность.

В соответствии с этим следует подвести промежуточные итоги и сформулировать общие положения, на которые я буду опираться в дальнейшем. Неорационализм отводит постмодернистские доводы о забвении разума и делает это, частично солидаризуясь с Хоркхаймером. Например, П. Вульфендейл критикует «плоскую онтологию» Г. Хармана за онтологический «либерализм» и «эгалитаризм»⁴⁶. Опираясь на аналитические работы вроде «О том, что есть» Куайна, Вульфендейл показывает, что «наивная серьезность философского буквализма» – препятствие для избавления от «удушающей иронии, которая сохраняется с момента возникновения постмодерна» [Wolfendale, 2014, p. 369].

Основание неорационалистической нейтрализации постмодернизма – демонстрация *бесперспективности абсолютизации*, как это делает, например, Брассье в отношении идеализма Ф. Брэдли⁴⁷. Ссылаясь на Д. Стоува и У. Селларса, он пишет: «Не может быть

⁴⁵ См.: «Разум диалектичен, это инженерный идеал. Остановиться на каком бы то ни было понимании разума значит предать идею Просвещения и, соответственно, вернуться назад либо к чисто психологической идее, либо к научному образу, элементы и отношения которого недостаточно определены или даже психологически и бессознательно искажены» [Negarestani, 2018, pp. 395-396]. «Средством <...> адаптации выступает порядок разума [the order of reason], который в общих чертах можно охарактеризовать как систему принципиально подлежащих пересмотру мыслей и действий, т. е. мыслей и действий, которые становятся возможными благодаря ограничениям, налагаемым реальностью в ее инаковости [otherness]» [Ibid, p. 27]. «Если кратко, разум [reason] как артикуляция и разработка понятия [concept] есть действие [doing], и потому нет веских оснований отказываться от рассмотрения разума в терминах алгоритмического развертывания или расчленения на способности, которые могут быть реализованы различными типами систем обработки информации» [Ibid, p. 342]. «<...> трехчастное различие между неявной [implicit] метафизикой, которая более или менее пассивно производится естественными науками, явной [explicit] метафизикой, которая стремится активно вмешиваться в естественные науки, и критикой метафизики, которая позволяет нам переходить от первого ко второму посредством артикуляции вопросов, в которых мы эксплицируем, интегрируем и пересматриваем фундаментальные структурные допущения естественных наук (например: “Что есть сущее?”, “Что есть сущность?”, “Что есть причинность?” и т. д.). Именно в рамках такого отношения между метафизикой и ее критикой должна быть артикулирована методологическая связь между Бытием и мышлением. Несмотря на то, что метафизика, разумеется, не сводится к логике, в важном смысле именно логика задает пределы метафизики» [Wolfendale, 2014, pp. 323-324].

⁴⁶ «<...> подобный альянс стратегической метафоры и тактической риторики несостоятелен <...> Проблема в том, что декларируемая от его имени метафизика постоянно вступает в противоречие с лежащей в ее основе имплицитной метафорикой» [Ibid, pp. 268-269]. В сущности, вся работа Вульфендейла представляет собой программную критику философии Хармана как одного из авторитетных представителей современной спекулятивной мысли [см., напр.: Wolfendale, 2014, pp. 271, 285, 292, 328-329]. Брассье практически полностью солидарен с Вульфендейлом в том, что касается оценки проекта Хармана [см.: Brassier, 2015].

⁴⁷ «И хотя различие прекрасно познаваемо, его познаваемость не ставит его в зависимость от разума – разумеется, если только вы не готовы пуститься во все гегельянские тяжкие и настаивать на том, что все это

никаких сомнений в том, что мы не способны познавать не зависящие от понятий вещи, не познавая их. Но из этого никак не следует, что мы не можем познавать вещи, существующие независимо от понятий, поскольку нет никакого логического перехода между зависимостью понятий от разума и зависимостью от разума познаваемых объектов» [Брассье, 2017, с. 246].

Постмодернизм реконструирует декаданс, утверждая расщепление и/или порабощение разумного индивида [см., напр.: Лиотар, 1998, с. 87-88, 98; Лиотар, 2018, с. 426-427; Деррида, 2000, с. 196-197, 462; Деррида, 1999, с. 187-188; Делез, 2011, с. 12, 403; Делез, Гваттари, 2009, с. 17, 46, 58, 184]. Стратегически это достигается за счет семантической двусмысленности. Утверждается, что она не привносится субъектом мышления, а считывается им как непосредственная данность. Концептуальное ядро этой стратегии, делающей возможной теоретическое оформление абсолютизации, – онтологизация психоанализа⁴⁸, которая уравнивает аффект и эффект, субъект как *элемент пропозиции* и субъект как *действующий агент*.

Это влечет за собой двоякие следствия: с одной стороны, человек трансформируется в *рассеянное* пространство субъективности, с другой стороны, мышление требует субъекта как *опоры* дискурса. В этих проблематических условиях квазисубъектом мышления становится импульс, процесс и структура, например, речь и текст. В результате рациональность предстает как эпифеномен хаотической динамики Реального, а Реальное, в свою очередь, неразумно. Постмодерн как кризис модерна означает, что триумф человека обернулся концептуальной инфляцией. Тогда неорационализм настаивает на следующем: даже если реальность неразумна, в ней есть такие продукты развития природы, которые демонстрируют способность к разумному действию. Следовательно, мы обязаны продолжать усилия по эпистемологическому и метафизическому сближению природы как научного объекта и человека как оперирующего наукой компонента природы.

На первый взгляд, доводы Вульфендейла и Брассье сводятся к дисквалификации постмодернизма как паразитической парадигмы, не способной предложить никаких позитивных ресурсов. Отчасти это действительно так, и в этом смысле неорационализм не слишком изобретателен в том, что касается критики постмодерна в целом.

сплошь только концептуальные различия. Но тогда понадобится нечто большее, чем аргумент “Перла”, чтобы заявить тезис абсолютного идеализма о том, что реальность полностью концептуальна. Действительно, как только показана ошибочность этого аргумента, тезис абсолютного идеализма о том, что все концептуально (нет никаких вещей, только понятия), оказывается ничем не лучше вульгарного материалистического – что нет ничего концептуального (никаких понятий, только вещи)» [Брассье, 2017, с. 246]. Примечательно, что Б. Вудард, один из представителей младшего поколения спекулятивного поворота, предпринял попытку реактуализации Ф. Г. Брэдли, прежде всего – в контексте логики и современной аналитической метафизики [см.: Woodard, 2025].

⁴⁸ Здесь будет достаточно предварительного определения онтологизации психоанализа как философской стратегии, в рамках которой концепты психоанализа наделяются характеристиками, которые позволяют применять их не только в качестве инструментов для анализа психики, но и в качестве фундаментальных *онтологических* категорий, т. е. описывать с их помощью структуру реальности не только в социально-культурном плане, но и в плане метафизическом. См., напр.: Лакан, (2004) и, в определенной степени, Land (1992), еще не авторизованный перевод этой работы на русский язык: Ланд (2025) [Ланд, Н. (2025). Жажда аннигиляции. Жорж Батай и вирулентный нигилизм (перевод О. А. Лунева-Коробского). Spacemorgue. 31 июля. URL: <https://spacemorgue.com/thirst-for-annihilation/> (дата обращения: 01.08.2025)]. Ланд – важная фигура для понимания генезиса спекулятивного поворота и неорационализма, к обсуждению которой предстоит вернуться.

На следующих этапах исследования я намерен продемонстрировать, в каком именно смысле неорационализм представляет собой цельную интеллектуальную программу, претендующую на то, чтобы реанимировать просвещенческие идеалы.

Это подразумевает решение двух задач, которые позволят проверить высказанную выше гипотезу. Сначала необходимо продемонстрировать, что в историко-философской перспективе неорационализм обнаруживает ряд черт, которые делают его потенциальным преемником постмодерна в *позитивном* смысле.

Затем, в другом преломлении, необходимо выяснить, верно ли, что неорационализм потенциально представляет собой очередной содержательный и конструктивный маневр в осуществлении *критики разума* в частичном согласии с «Франкфуртской школой». Это будет означать, что современный рационализм сочетает в себе элементы классического рационализма, трансцендентальной критики Канта, аналитической традиции и вводит в эту конвенционально упорядоченную теоретизацию дестабилизирующий, но трансформированный компонент, унаследованный от первой волны спекулятивного поворота в философии последних десятилетий (который, в свою очередь, во многом инспирирован постмодернизмом и мыслителями, определившими его программу: Делез, Ницше, Хайдеггер и др.).

В таком случае, предложенная в данной статье реконструкция эволюции представлений о разуме и рациональности сыграет роль «контрапункта» для проверки содержательной составляющей и потенциала философии неорационализма. Другими словами, вопросы, которые ставит история философии перед лицом философских проектов Брассье, Вульфендейла и Негарестани, звучат так: в чем именно состоит теоретическое новшество неорационализма и способен ли он предложить решение проблемы кризиса рациональности или, по крайней мере, продуктивный способ его переосмысления?

Список литературы / References

- Аристотель. (1976). *Сочинения: в 4 т.* Т. 1. М.: Мысль.
- Aristotle. (1976). *Works in 4 vols.* Vol. 1. Moscow. (In Russ.)
- Беньямин, В. (2012). Капитализм как религия. Беньямин, В. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения.* М.: РГГУ. С. 100-108.
- Benjamin, W. (2012). Capitalism as Religion. In *Benjamin W. Doctrine of the Similar. Media-Aesthetic Writings.* Moscow. Pp. 100-108. (In Russ.)
- Бодрийяр, Ж. (2000). *Символический обмен и смерть.* М.: Добросвет.
- Baudrillard, J. (2000). *Symbolic Exchange and Death.* Moscow. (In Russ.)
- Брассье, Р. (2017). Понятия и объекты. *Логос.* Т. 27. № 3. С. 228-260.
- Brassier, R. (2017). Concepts and Objects. *Logos.* Vol. 27. No. 3. Pp. 228-260. (In Russ.)
- Вебер, М. (2020). *Протестантская этика и дух капитализма.* М.: АСТ.

Weber, M. (2020). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Moscow. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2012). *Философский поиск: Гераклит и Парменид*. СПб: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии.

Wolf, M. N. (2012). *Philosophical Inquiry: Heraclitus and Parmenides*. St. Petersburg. (In Russ.)

Гегель, Г. В. Ф. (2000). *Феноменология духа*. М.: Наука.

Hegel, G. W. F. (2000). *The Phenomenology of Spirit*. Moscow. (In Russ.)

Декарт, Р. (1989а). Первоначала философии. *Декарт, Р. Сочинения: в 2 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 297-422.

Descartes, R. (1989a). Principles of Philosophy. In *Descartes, R. Works in 2 vols*. Vol. 1. Moscow. Pp. 297-422. (In Russ.)

Декарт, Р. (1989б). Правила для руководства ума. *Декарт, Р. Сочинения: в 2 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 77-153.

Descartes, R. (1989b). Rules for the Direction of the Mind. In *Descartes, R. Works in 2 vols*. Vol 1. Moscow. Pp. 77-153. (In Russ.)

Декарт, Р. (1989в). Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. *Декарт, Р. Сочинения: в 2 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 250-296.

Descartes, R. (1989c). Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences. In *Descartes, R. Works in 2 vols*. Vol. 1. Moscow. Pp. 250-296. (In Russ.)

Делез, Ж. (2011). *Логика смысла*. М.: Академический Проект.

Deleuze, G. (2011). *The Logic of Sense*. Moscow. (In Russ.)

Делез, Ж., Гваттари, Ф. (2009). *Что такое философия?* М.: Академический Проект.

Deleuze, G., Guattari, F. (2009). *What is Philosophy?* Moscow. (In Russ.)

Деррида, Ж. (1999). *Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля*. СПб.: Алетейя.

Derrida, J. (1999). *Speech and Phenomena and Other Essays on Husserl's Theory of Signs*. St. Petersburg. (In Russ.)

Деррида, Ж. (2000). *О Грамматологии*. М.: Ad Marginem.

Derrida, J. (2000). *Of Grammatology*. Moscow. (In Russ.)

Джеймисон, Ф. (2019). *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Jameson, F. (2019). *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow. (In Russ.)

Дрекслер, Э. (2014). *Всеобщее благоденствие. Как нанотехнологическая революция изменит цивилизацию*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Drexler, E. (2014). *Radical Abundance. How A Revolution in Nanotechnology Will Change Civilisation*. Moscow. (In Russ.)

Кант, И. (1994). Ответ на вопрос: Что такое просвещение? Кант, И. *Сочинения: в 8 т.* Т. 8. М.: Чоро. С. 29-37.

Kant, I. (1994). An Answer to the Question: What Is Enlightenment? In *Kant, I. Works in 8 vols.* Vol 8. Moscow. Pp. 29-37. (In Russ.)

Кант, И. (2006). *Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1.* М.: Наука.

Kant, I. (2006). *Works in Deutsch and Russian. Vol. 2. Critique of Pure Reason.* In 2 parts. Pt. 1. Moscow. (In Russ.)

Карнап, Р. (1959). Эмпиризм, семантика и онтология. Карнап, Р. *Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике*. М.: Изд-во иностранной литературы. С. 298-320.

Carnap, R. (1959). Empiricism, Semantics, Ontology. In *Carnap, R. Meaning and Necessity: a Study in Semantics and Modal Logic*. Moscow. Pp. 298-320. (In Russ.)

Лакан, Ж. (2004). *Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964))*. М.: Гнозис; Логос.

Lacan, J. (2004). *The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis*. Moscow. (In Russ.)

Лебедев, А. В. (1989). *Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики*. М.: Наука.

Lebedev, A. V. (1989). *Fragments of Early Greek Philosophers. Pt. I: From Epic Theocosmogonies to the Emergence of Atomism*. Moscow. (In Russ.)

Лейбниц, Г. В. (1982). Монадология. Лейбниц, Г. В. *Сочинения: в 4 т.* Т. 1. М.: Мысль. С. 413-429.

Leibniz, G. W. (1982). The Monadology. In *Leibniz, G. W. Works in 4 vols.* Vol. 1. Moscow. Pp. 413-429. (in Russ.)

Лиотар, Ж.-Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя.

Lyotard, J.-F. (1998). *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Moscow; St. Petersburg. (In Russ.)

Лиотар, Ж.-Ф. (2018). *Либиринальная экономика*. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

Lyotard, J.-F. (2018). *Libidinal Economy*. Moscow; St. Petersburg. (In Russ.)

Лунев-Коробский, О. А. (2024). Фабио Джирони. «Что для нас сделал Кант? Спекулятивный реализм и динамическое кантианство» (перевод О. А. Лунева-Коробского). *Respublica Literaria*. Т. 5. № 2. С. 113-138.

Lunev-Korobskii, O. A. (2024). Fabio Gironi. "What Has Kant Ever Done for Us? Speculative Realism and Dynamic Kantianism" (transl. O. A. Lunev-Korobskii). *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 2. Pp. 113-138. (In Russ.)

Маслов, Д. К. (2023). Осмысляя диалектику Гегеля: чем является диалектика как метод? *Логос*. Т. 33. № 2. С. 103-142.

Maslov, D. K. (2023). Making Sense of Hegel's Dialectic: What is Dialectics as a Method? *Logos*. Vol. 33. No. 2. Pp. 103-142. (In Russ.)

Маркс, К. (1952). *Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала*. М.: Госполитиздат.

Marx, K. (1952). *Capital: A Critique of Political Economy. Vol. I. The Process of Production of Capital*. Moscow. (In Russ.)

Мейясу, К. (2015). *После конечности: Эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый.

Meillassoux, Q. (2015). *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. Yekaterinburg; Moscow. (In Russ.)

Ницше, Ф. (2005). *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12: Черновики и наброски 1885-1887 гг.* М.: Культурная революция.

Nietzsche, F. (2005). *Complete Works in 13 vols. Vol. 12: Drafts and Sketches 1885-1887*. Moscow. (In Russ.)

Ницше, Ф. (2009). Сумерки идолов. Ницше, Ф. *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6: Сумерки идолов. Ecce homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер*. М.: Культурная революция. С. 9-106.

Nietzsche, F. (2009). Twilight of the Idols. In *Nietzsche, F. Complete Works in 13 vols. Vol. 6. Twilight of the Idols. Ecce Homo. Dionysian Dithyrambs. Nietzsche contra Wagner*. Moscow. Pp. 9-106. (In Russ.)

Ницше, Ф. (2011). Человеческое, слишком человеческое. Ницше, Ф. *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 2: Человеческое, слишком человеческое. В 2 т.* М.: Культурная революция.

Nietzsche, F. (2011). Human, All Too Human. In *Nietzsche, F. Complete Works in 13 vols. Vol. 2: Human, All Too Human in 2 vols*. Moscow. (In Russ.)

Ницше, Ф. (2012). По ту сторону добра и зла. *Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер».* М.: Культурная революция. С. 7-227.

Nietzsche, F. (2012). Beyond Good and Evil. In *Nietzsche, F. Complete Works in 13 vols. Vol. 5. Beyond Good and Evil. On the Genealogy of Morality. The Case of Wagner.* Moscow. Pp. 7-227. (In Russ.)

Ницше, Ф. (2013). *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 9: Черновики и наброски 1880-1882 гг.* М.: Культурная революция.

Nietzsche, F. (2013). *Complete Works in 13 vols. Vol. 9. Drafts and Sketches 1880-1882.* Moscow. (In Russ.)

Ницше, Ф. (2014). Веселая наука. *Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука.* М.: Культурная революция. С. 313-596.

Nietzsche, F. (2014). The Gay Science. In *Nietzsche, F. Complete Works in 13 vols. Vol. 3. The Dawn of Day. Idylls from Messina. The Gay Science.* Moscow. Pp. 313-596. (In Russ.)

Ницше, Ф. (2016). Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883-1888 годов в редакции Элизабет Ферстер-Ницше и Петера Гаста). М.: Культурная революция.

Nietzsche, F. (2016). *The Will to Power. An Aattempted Transvaluation of All Values.* Moscow. (In Russ.)

Пирс, Ч. С. (2000). Некоторые последствия четырех неспособностей. *Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения.* М.: Логос. С. 48-95.

Peirce, C. S. (2000). Some Consequences of Four Incapacities. In *Peirce, C. S. Selected Philosophical Works.* Moscow. Pp. 48-95. (In Russ.)

Платон. (1990). *Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1.* М.: Мысль.

Plato. (1990). *Collected Works in 4 vols. Vol. 1.* Moscow. (In Russ.)

Спиноза, Б. (1957a). Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье. *Спиноза, Б. Избранные произведения в 2 т. Т. 1.* М.: Госполитиздат. С. 67-171.

Spinoza, B. (1957a). A Short Treatise on God, Man and His Well-Being. In *Spinoza, B. Selected Writings in 2 vols. Vol. 1.* Moscow. Pp. 67-171. (In Russ.)

Спиноза, Б. (1957b). Этика, доказанная в геометрическом порядке. *Спиноза, Б. Избранные произведения в 2 т. Т. 1.* М.: Госполитиздат. С. 359-616.

Spinoza, B. (1957b). Ethics, Demonstrated in Geometrical Order. In *Spinoza, B. Selected Writings in 2 vols. Vol. 1.* Moscow. Pp. 359-616. (In Russ.)

Фома Аквинский. (2005). *Сумма теологии*. Ч. I. Т. 3. Вопросы 75-119. Киев: Эльга; Ника-Центр.

Thomas Aquinas. (2005). *The Summary of Theology*. Pt. 1. Vol. 3. Questions 75-119. Kyiv. (In Russ.)

Фрейд, З. (2004). *Собрание сочинений в 10 т. Т. 2: Толкование сновидений*. М.: Фирма СТД.

Freud, S. (2004). *Collected Works in 10 vols. Vol. 2. The Interpretation of Dreams*. Moscow. (In Russ.)

Фрейд, З. (2006). Я и Оно. Фрейд, З. *Собрание сочинений в 10 т. Т. 3: Психология бессознательного*. М.: Фирма СТД. С. 291-352.

Freud, S. (2006). The Ego and the Id. In *Freud, S. Collected Works in 10 vols. Vol. 3. Psychology of the Unconscious*. Moscow. Pp. 291-352. (In Russ.)

Фуко, М. (1996). Ницше, генеалогия, история. *Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов*. Ред. А. Р. Усманова. Минск: Изд-во ООО «Красико-принт». С. 74-97.

Foucault, M. (1996). Nietzsche, Genealogy, History. In Usmanova, A. R. (ed.). *Postmodern Philosophy: A Collection of Translations and Abstracts*. Minsk. Pp. 74-97. (In Russ.)

Хабермас, Ю. (2008). *Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций*. М.: Весь Мир.
Habermas, J. (2008). *The Philosophical Discourse of Modernity*. Moscow. (In Russ.)

Хабермас, Ю. (2016). *Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества*. М.: Весь Мир.

Habermas, J. (2016). *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Moscow. (In Russ.)

Хабермас, Ю. (2022). *Теория коммуникативной деятельности*. М.: Весь Мир.

Habermas, J. (2022). *The Theory of Communicative Action*. Moscow. (In Russ.)

Хабермас, Ю. (2023). *Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика*. М.: Новое литературное обозрение.

Habermas, J. (2023). *A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics*. Moscow. (In Russ.)

Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (1997). *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. М.; СПб.: Медиум; Ювента.

Horkheimer, M., Adorno, T. (1997). *Dialectic of Enlightenment*. Moscow; St. Petersburg. (In Russ.)

Хоркхаймер, М. (2011). *Затмение разума. К критике инструментального разума*. М.: Канон+ РООИ Реабилитация.

Horkheimer, M. (2011). *Eclipse of Reason. A Critique of Instrumental Reason*. Moscow. (In Russ.)

Цао, Л. (2022). *Образ мышления в науке о данных: Наступающая научно-техническая и экономическая революция*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Cao, L. (2022). *Data Science Thinking: The Next Scientific, Technological and Economic Revolution*. St. Petersburg. (In Russ.)

Шопенгауэр, А. (1993). О четверояком корне закона достаточного основания. *Шопенгауэр А. Сочинения: в 2 т.* Т. 1. М.: Наука. С. 5-124.

Schopenhauer, A. (1993). On the Fourfold Root of the Principle of Sufficient Reason. In *Schopenhauer A. Works in 2 vols*. Vol. 1. Moscow. Pp. 5-124. (In Russ.)

Энгельс, Ф. (1950). *Анти-Дьюринг*. М.: Госполитиздат.

Engels, F. (1950). *Anti-Dühring*. Moscow. (In Russ.)

Юм, Д. (1996). Исследование о человеческом познании. *Юм Д. Сочинения: в 2 т.* Т. 2. М.: Наука. С. 3-144.

Hume, D. (1996). An Enquiry Concerning Human Understanding. In *Hume D. Works in 2 vols*. Vol. 2. Moscow. Pp. 3-144. (In Russ.)

Brassier, R. (2015). Deleveling: Against “Flat Ontologies”. In van Dijk, C., van der Graaf, E., den Haan, M., de Jong, R., Roodenburg, C., Til, D., Waal, D. (eds.). *Under Influence – Philosophical Festival Drift 2014*. Omnia. Pp. 64-80.

Fluss, H., Frim. L. (eds.) (2022). *Prometheus and Gaia. Technology, Ecology and Anti-Humanism*. Anthem Press.

Hintikka, J. (1962). Cogito, Ergo Sum: Inference or Performance? *The Philosophical Review*. Vol. 71. No. 1. Pp. 3-32.

Land, N. (1992). *The Thirst for Annihilation. Georges Bataille and Virulent Nihilism*. Routledge.

Negarestani, R. (2018). *Intelligence and Spirit*. Urbanomic/Sequence Press.

O’Shea, J. (2017). “Psychological Nominalism” and the Given, from Abstract Entities to Animal Minds. In Reider, P. J. (ed.) *Wilfrid Sellars, Idealism and Realism: Understanding Psychological Nominalism*. London and New York. Bloomsbury. Pp. 19-39.

O'Sullivan, S. (2017). Accelerationism, Prometheanism and Mythotechnesis. In Brits, B., Gibson, P., Ireland, A. (eds.). *Aesthetics After Finitude*. Re.press. Pp. 171-189.

Sellars, W. (1991). Philosophy and the Scientific Image of Man. In Sellars, W. *Science, Perception, and Reality*. Ridgeview. Pp. 197-224.

Smith, N. K. (2003). *A Commentary to Kant's "Critique of Pure Reason"*. Palgrave Macmillan.

Wolfendale, P. (2014). *Object-Oriented Philosophy. The Noumenon's New Clothes*. Urbanomic.

Wood, A. W. (1998). Kant's Compatibilism. In Kitcher, P. (ed.). *Kant's Critique of Pure Reason*. Rowman & Littlefield Publishers. Pp. 239-263.

Woodard, B. (2025, forthcoming). *F. H. Bradley and the History of Philosophy: Animating a Lost Idealism*. Edinburgh University Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Лунев-Коробский Олег Александрович – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sickrrett@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 09.08.2025

После доработки: 05.09.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Lunev-Korobskii Oleg – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: sickrrett@gmail.com.

The paper was submitted: 09.08.2025

Received after reworking: 05.09.2025

Accepted for publication: 15.09.2025

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.7 (314.72+316.35)

О МИГРАЦИОННЫХ ИНТЕНЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

О. В. Васильева

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)
Ovasileva.igi@mail.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в представлении результатов исследования о влиянии значимости региональной и этнической идентичностей на формирование установок населения относительно проживания на определенной территории. Для достижения этой цели проанализированы данные социологического исследования, проведенного в двух регионах Северо-Востока России, в рамках которого выявлялись миграционные интенции и значимость региональной и этнической идентичности. Результаты исследования позволили выявить, что значимость как этнической, так и региональной идентичностей для жителей Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа обусловлена этнической принадлежностью опрашиваемого. Русское население Якутии и Чукотки по-разному воспринимает значимость региональной идентичности, что сказывается на миграционных интенциях. Этническая и региональная идентичность во многом имеют сходную значимость для коренных народов данных регионов, что не влияет на планирование направлений миграции, поскольку люди, чувствующие сильную привязанность к своему региону, реже планируют выезд.

Ключевые слова: региональная идентичность, миграционные интенции, этническая идентичность, Северо-Восток России, миграция.

Для цитирования: Васильева, О. В. (2025). О миграционных интенциях населения Северо-Востока России в контексте проблемы региональной и этнической идентичности. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С.81-96. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.81-96.

CONCERNING MIGRATION INTENTIONS OF THE POPULATION OF THE NORTH-EAST OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF REGIONAL AND ETHNIC IDENTITY

O. V. Vasileva

Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow)
Ovasileva.igi@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the importance of regional and ethnic identities in shaping the attitudes of the population towards living in a certain territory with the definition of features. To achieve this goal, we analyzed data from a sociological study conducted in two regions of Northeastern Russia, which recorded migration intentions and the importance of regional and ethnic identity. It is demonstrated that the importance of both ethnic and regional identities for residents of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Chukotka Autonomous Okrug is differentiated depending on the ethnicity of the respondent. The Russian population of Yakutia and Chukotka

perceives the importance of regional identity differently, which affects migration intentions. Ethnic and regional identities overlap in many ways for the indigenous peoples of these regions, however, they have specific refractions in planning migration destinations. People who feel strongly attached to their region are less likely to plan a trip.

Keywords: regional identity, migration intentions, ethnic identity, Northeast of Russia, migration.

For citation: Vasileva, O. V. (2025). Concerning Migration Intentions of the Population of the North-East of Russia in the Context of the Problem of Regional and Ethnic Identity. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 81-96. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.81-96.

Одной из важных проблем России называют диспропорцию размещения населения – слабую заселенность восточной части страны. Основная часть населения сосредоточена в европейской части страны, в то время как на просторах Сибири и Дальнего Востока, составляющих 66 % ее площади, проживает в общей сложности лишь 17,1 % населения [Крицкая, 2021, с. 25]. Это имеет своим следствием и проблемы экономического роста, и несет в себе угрозы национальной безопасности. Решающим фактором в смягчении и постепенном устранении значительных диспропорций в размещении трудовых ресурсов называют миграцию.

В российской традиции, корни которой уходят еще в советскую эпоху, при рассмотрении проблемы внутренней миграции делается акцент на ее экономических составляющих, в частности связанных с рациональным размещением трудовых ресурсов и формированием новых хозяйственных практик населения [Бляхер, Григоричев, 2020, с. 74]. В контексте данной традиции считается, что диспропорции в территориальном распределении населения внутри государства формируются под влиянием главным образом экономических факторов. Соответственно, решать проблему предлагается с помощью экономического стимулирования, но как показывают исследования в данной области, далеко не всегда эти процессы детерминируются исключительно экономическими факторами [Там же]. Как известно, миграционный процесс представляет собой взаимодействие двух противоположно направленных серий событий – прибытий и выбытий, и если обеспечить прибытие за счет экономического стимулирования оказывается возможным, то закрепить население на данной территории оказывается сложнее. Проблематика депопуляции восточных территорий страны за счет миграционного оттока тех ее жителей, которые родились и выросли на территории региона, демонстрирует, что важное значение имеет идентичность человека и ее проявление в чувстве приверженности региону – малой родине.

Сравнительно недавно региональная идентичность нередко характеризовалась лишь как явление, производное от этнической идентичности, возникающее только там, где этнические идентичности пересекаются на территории и порождают конфликт территориального характера [Смирнягин, 2007]. Однако в настоящее время, несмотря на то, что в повседневном дискурсе этническая и региональная идентичности могут пересекаться и дополнять друг друга, особенно в так называемых «национальных» республиках [Литвин, 2021], региональная идентичность рассматривается как самостоятельный онтологический феномен [Головнева, 2013, с. 81]. Она представляет собой форму коллективной идентичности, которая фиксирует связь с территорией и территориальным сообществом.

Для того, чтобы понять в какой мере региональная идентичность действительно важна для установки населения на проживание на определенной территории, в данной статье мы проанализируем результаты социологического исследования, проведенного в двух

национальных регионах Северо-Востока России, рассмотрим вопрос о том, как пересекаются миграционные интенции населения со значимостью этнической и региональной идентичностей.

Методика

В период с марта по апрель 2024 г. был проведен социологический опрос в рамках проекта «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки». Инструментарий исследования разработан коллективом этносоциологов ИГИиПМНС СО РАН (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), включенных в реализацию проекта.

Методика исследования в обоих регионах представляет собой анкетный опрос населения по квотной половозрастной выборке, репрезентативной для генеральной совокупности населения региона. При этом погрешность выборки в Якутии (РС(Я)) с вероятностью 95 % не превышает 3 %, в Чукотском автономном округе (ЧАО) погрешность с вероятностью 95 % не превышает 5 %. В соответствии с этим опрос охватил в РС (Я) 1066, а в ЧАО – 370 единиц наблюдения.

Особенности выборочной совокупности в Якутии: 47,9 % опрошенных составляют мужчины, 52,1 % – женщины. Возрастные характеристики опрошенного населения: 18-22 года – 9,3 %, от 23–34 лет – 24,3 %, от 35–44 лет – 21,6 %, от 45 до 54 лет – 16,4 %, от 55-64 лет – 16 %, старше 65 лет – 12,3 %. Уровни реализации опроса: 58,1 % населения городов, 10,1 % – население поселков городского типа, 31,9 % – население сельской местности. В опросе приняли участие саха – 62,7 %, русские – 18,9 %, коренные малочисленные народы Севера – 7,7 %, другие – 8,9 %. Отказались от ответа на вопрос о национальности – 1,4 %. В указанной выборке 8,8 % опрошенных при этом указали на наличие второй этнической идентичности. Надо отметить, что среди ответов респондентов оказались и те, кто указал только гражданство – 4 человека назвали себя россиянами. Еще 4 указали себя россиянами в качестве второй имеющейся национальности.

Особенности выборочной совокупности в Чукотском автономном округе: 49,2 % опрошенных составляют мужчины, 50,8 % – женщины. Возрастные характеристики опрошенного населения: 18–22 года – 6,8 %, от 23–34 лет – 22,2 %, от 35–44 лет – 24,6 %, от 45 до 54 лет – 20,3 %, от 55–64 лет – 16,8 %, старше 65 лет – 9,5 %. Уровни реализации опроса: 50,3 % населения городов, 21,4 % – население поселков городского типа, 28,4 % – население сельской местности. В опросе приняли участие русские – 39,5 %, чукчи – 30,3 %, коренные малочисленные народы Севера – 13,5 %, другие – 6,2 %. Отказались от ответа на вопрос о национальности – 10,5 %. В данной выборке 13,8 % опрошенных, указавших национальность, заявили о наличии второй этнической идентичности. Первичные данные были обработаны с помощью программного обеспечения SPSS, результаты представлены методами описательной статистики. Использован такой инструмент анализа как кросс-табуляция.

Специфика регионов Северо-Востока страны и миграционной подвижности населения

Для того, чтобы раскрыть тему, начнем с характеристики двух регионов в контексте значения миграционных процессов для них. Население обоих регионов во многом сформировалось под влиянием миграционных процессов, начавшихся в советское время.

В Якутии наибольший прирост численности населения под влиянием миграции наблюдался в период с 1959 по 1989 гг., когда население Якутской АССР увеличилось на 121,9 %. Среднегодовые темпы прироста населения в этот период составили 4,1 %, в то время как в более ранние периоды они были значительно меньше: в 1897–1926 гг. – 0,2 %, 1926–1959 гг. – 2,1 % [Игнатьева, 1999]. Этот бурный рост населения был связан с реализацией экономической доктрины ускоренного промышленного освоения Якутии, возникновением алмазодобывающей промышленности на западе республики, а также промышленным освоением Крайнего Севера. Миграция тогда внесла значительные коррективы в этническую структуру городского населения, прежде всего за счет роста доли русских. Однако, помимо русских и саха, пятую часть всех городских жителей Якутии составляли представители иных этнических общностей [Васильева, 2020]. В 1990-е гг. переход к рыночной экономике и начало коренных социально-экономических преобразований в условиях гиперинфляции привели к тому, что северные и другие надбавки к зарплате перестали стимулировать приток трудовых мигрантов. Последовал значительный отток населения, который в меньшей мере продолжается и сейчас. В этот период происходит постепенное выравнивание этнодемографического веса якутов (саха) и русских, что приводит к формированию «новой» этнической картины региона.

В Чукотском автономном округе активный миграционный приток начался также в советский период. Население, особенно городское, увеличивалось как за счет миграционного притока из других регионов, так и за счет естественного прироста и достигло максимального показателя – 158 тыс. чел. в 1990 г. [Коломиец, 2022, с. 129]. Приток некоренного населения вызвал изменение в национальном составе населения главным образом за счет увеличения удельного веса русских и снижения доли коренных малочисленных народов Севера в составе населения. Заметные сдвиги произошли в урбанизированности последних. В постсоветское время этнодемографическая ситуация в Чукотском автономном округе характеризовалась уменьшением числа постоянных жителей, ростом доли городского населения, увеличением доли коренных малочисленных народов Чукотки в этнической структуре региона [Коломиец, 2024].

Таким образом, следует отметить, что в двух регионах проживает значительная часть населения, которая не имеет глубоких корней в регионе (одно-два поколения). К настоящему моменту в Якутии – это меньшая часть населения, а на Чукотке – доминирующее большинство. В то же время значительную часть населения составляют представители коренных народов, для которых их региональная и этническая идентичности во многом пересекаются.

Миграционные намерения населения

Для прояснения вопроса связи миграции и идентичности обратимся к результатам анкетного опроса. Респондентам было предложено ответить на вопрос «Хотели бы Вы уехать из населенного пункта, в котором живете в настоящее время?».

Как видно на рис. 1, разрыв между долей утвердительных ответов в Якутии и на Чукотке не так велик на первый взгляд – 7 п. п. Тем не менее общая картина ответов демонстрирует, что уровень миграционных намерений более присущ опрошенным на Чукотке. И также больше опрошенных чукотских респондентов затрудняются ответить на вопрос о миграционных намерениях – это лица, еще не определившиеся со своими намерениями, но имеющие сомнения по поводу постоянного места жительства.

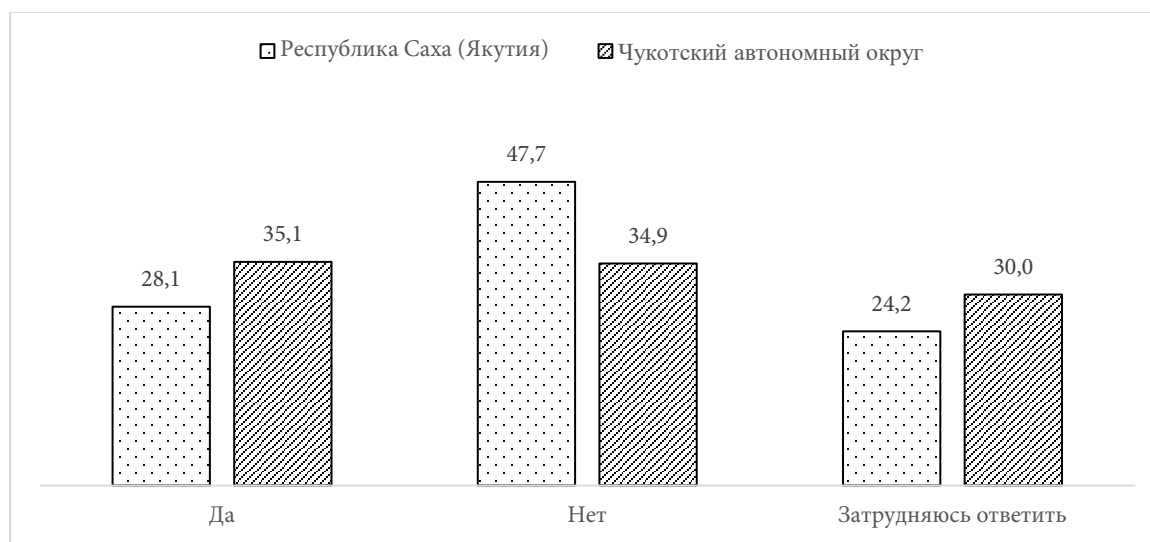

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос
«Хотели бы Вы уехать из населенного пункта, в котором живете в настоящее время?» в РС (Я) и ЧАО, в %

Следует отметить, что, как в РС (Я), так и в ЧАО, на следующий уточняющий вопрос «Если Вы хотите уехать, то куда?» большее число лиц ответило утвердительно, по сравнению с тем числом, которое ответило на предыдущий вопрос. Здесь почти полностью были аккумулированы ответы тех, кто на предыдущий вопрос выбрал вариант «затрудняюсь ответить», а также тех, кто, отвечая на предыдущий вопрос, указал на отсутствие планов переезда в настоящее время, но счел возможным указать свои пожелания при изменении ситуации.

При рассмотрении направлений миграционных планов необходимо отметить, что наблюдаются существенные отличия. В Якутии отмечается сравнительно более высокий уровень запланированных передвижений внутри республики – 22,3 % (см. рис. 2), против 10,5 % на Чукотке.

Здесь следует отметить, что в Республике Саха (Якутия) с 2000 по 2023 гг. в среднем в структуре общей миграции миграционный обмен внутри республики составляет 56,0 % – преимущественно из села в город. Эта же тенденция отразилась в данных анкетного опроса. Обращает на себя внимание, что среди чукотских респондентов тенденции к переезду внутри региона более слабые, однако также отмечается, что есть тенденция оценивать перемещения внутри региона иначе, чем переезд в другой регион. Из числа имеющих миграционные намерения всего 7,7 % планируют переезды внутри округа, хотя «процесс переселения жителей из сельской местности в крупные поселки и города Чукотки продолжается в настоящее время» [Коломиец, 2020, с. 210].

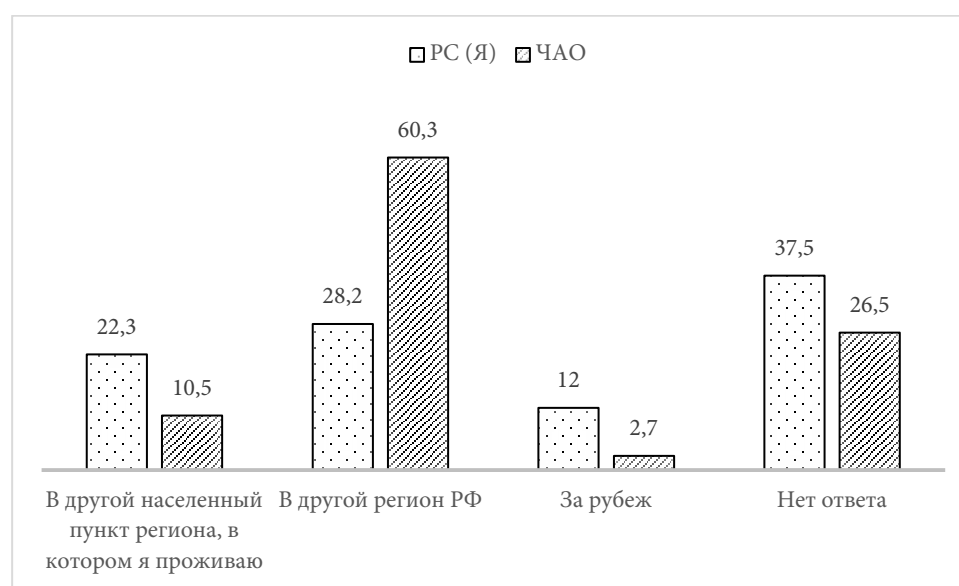

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос
«Если Вы хотите уехать, то куда?» от общего числа ответивших в РС (Я) и ЧАО, в %

Намерения миграции в другие регионы РФ значительно более распространены на Чукотке. Дело в том, что современное население Чукотки в значительной части представлено мигрантами из других регионов, приехавших на заработки и намеренных впоследствии вернуться в регион исхода. «Выезд граждан за пределы округа на постоянное место жительства в другие регионы страны носит постоянный характер. Сложившаяся ситуация прежде всего связана с низким качеством жизни на Чукотке» [Коломиец, 2020, с. 210]. Все это свидетельствует о разном характере формирования миграционных намерений в двух регионах обследования. На Чукотке даже при отсутствии текущих планов переезда большинство населения рассматривает возможность переезда в будущем.

В РС (Я) обращает на себя внимание результат ответов о намерении выехать за рубеж. Представляется, что 12 % – это довольно значительная цифра. Можно предположить, что отчасти желание переехать за рубеж стимулируется текущей политической ситуацией. Дело в том, что доля такой миграции ранее не была высока. С 2000 г. миграционный обмен Якутии со странами СНГ составляет 11,5 % и дальнего зарубежья – 0,4 %. При этом миграционный обмен со странами СНГ был преимущественно односторонний.

Миграционные намерения представителей этнических групп

Далее для того, чтобы прояснить роль этнической принадлежности в формировании миграционных интенций, вопрос о миграционных намерениях был проанализирован в срезе этнической принадлежности респондентов (см. табл. 1). В общем массиве данных по РС (Я), рассмотренном в разрезе этнической принадлежности респондентов, выделяются следующие тенденции: наибольшая доля тех, кто не намерен менять место жительства, наблюдается среди КМНС и якутов. Наиболее уверенны в желании сменить населенный пункт проживания русские респонденты. Представители иных национальностей чаще затрудняются дать ответ на этот вопрос.

Таблица 1

**Миграционные намерения в зависимости от этнической идентичности респондента
в РС (Я) и ЧАО, в %**

Регион	Республика Саха (Якутия)			Регион	Чукотский автономный округ		
	Варианты ответа				Варианты ответа		
Национальность	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Национальность	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Якуты (саха)	26,50	50,40	23,10	Чукчи	25,90	42,80	31,30
Русские	36,50	36,50	27,00	Русские	39,70	29,50	30,80
КМНС	28,00	58,50	13,50	КМНС	34,00	48,00	18,00
Другие	23,40	39,40	37,20	Другие	39,10	26,10	34,80

В Чукотском автономном округе наибольшая доля тех, кто не намерен менять место жительства, также наблюдается среди коренного населения региона – чукчей и иных КМНС: эвенов, эскимосов, чуванцев. Однако разница между ответами этих двух групп населения состоит в том, что среди чукчей сравнительно больше доля затруднившихся ответить, в то время как среди других КМНС региона чаще отмечается намерение уехать из населенного пункта проживания. О своем намерении уехать заявляет почти 40 % как респондентов русской национальности, так и представителей других национальностей.

Далее рассмотрим вопрос о направлениях возможной миграции в проекции этнической идентичности респондентов. В РС (Я) якуты и КМНС оказались схожи в ответах относительно направлений миграции. Большая часть из них указала о намерениях миграции внутри республики – 42,9 % якутов (саха) и 40,4 % КМНС от числа, указавших направление. Среди них также заметным является число людей, указавших на намерение выехать за рубеж – 21,9 % среди саха и 25,5 % среди КМНС. Лишь 35,2 % якутов и 34 % КМНС рассматривают возможность переезда в другой регион России. Напротив, русское население, а также те, кто указал иную национальность, чаще отмечают в качестве направления переезда другие регионы РФ (см. рис. 3).

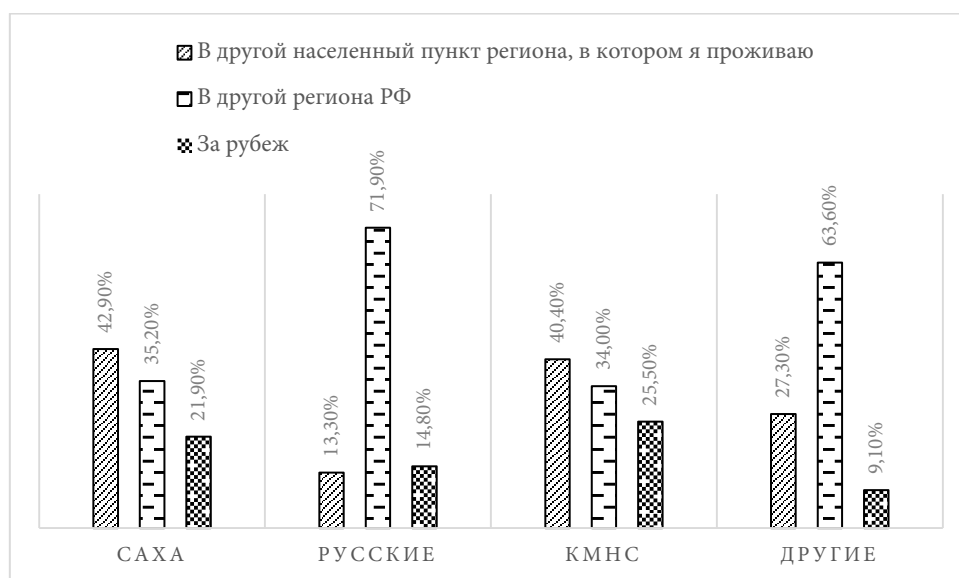

Рис. 3. Направления возможной миграции в зависимости от этнической принадлежности респондента от числа указавших ответ в РС (Я), в %

Иначе выглядит распределение ответов на вопрос о возможных направлениях миграции в Чукотском автономном округе. Здесь среди всех этнических групп респонденты, указавшие направление миграции, намерены переехать в другой регион РФ. Чуть большее значение тех, кто намерен уехать за рубеж, имеется у КМНС региона (исключая чукчей) и тех, кто указал иную национальность. О намерении переехать внутри региона чаще заявляли чукчи и представители других национальностей (см. рис. 4).

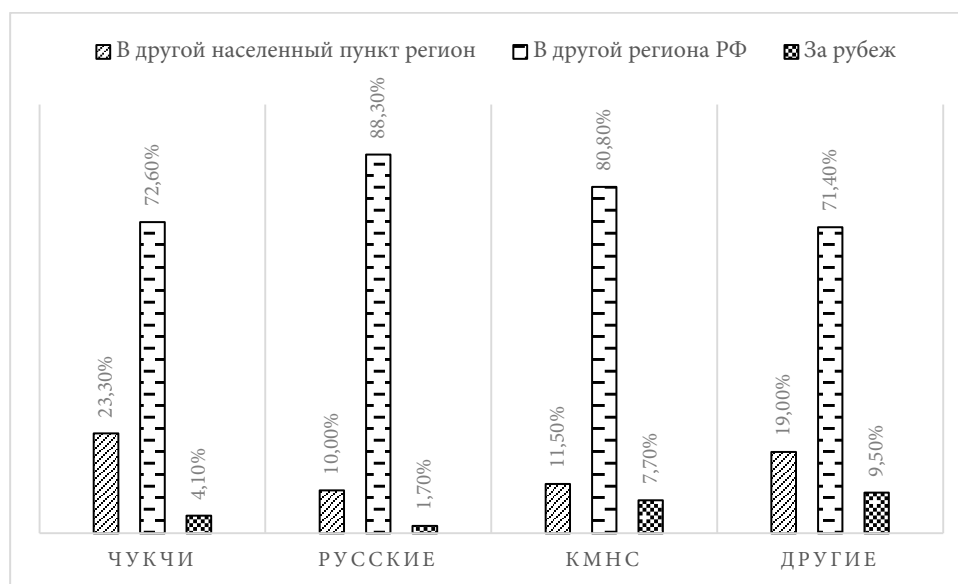

Рис. 4. Направления возможной миграции в зависимости от этнической принадлежности респондента от числа указавших ответ в ЧАО, в %

В целом можно заключить, в Якутии, при достаточно небольшой доле желающих сменить место жительства среди коренных народов, было выявлено, что направления миграции в другой регион РФ и за рубеж не сильно отличаются по своей популярности. Разница составляет лишь 13–10 п. п. Эти данные требуют дополнительных исследований.

Важно также отметить, что, если сравнить миграционные интенции на переезд в другой регион у русского населения Чукотки и Якутии, а также у представителей группы «другая национальность», они в целом выглядят схожим образом. Таким образом, интерпретация данных в целом по массиву по регионам находится в зависимости от доли коренного населения в их составе.

Значимость региональной и этнической идентичности и миграционные интенции

Исследование показало, что 85,4 % опрошенных в ЧАО и 92 % в РС (Я) указали, что для них важна их этническая принадлежность. 83 % в ЧАО и 92,9 % в РС (Я) также отметили, что для них важно осознавать себя жителем региона. Анализ результатов опроса в этническом срезе показал, что представители разных этнических групп по-разному оценивают для себя значение этнической и региональной идентичностей (табл. 2).

Таблица 2

**Значимость этнической и региональной идентичностей
в разрезе этнической принадлежности респондента, в %**

Национальность респондента	Этническая идентичность			Региональная идентичность		
	Очень важно	Важно	Неважно	Очень важно	Важно	Неважно
Республика Саха (Якутия)						
Якуты	52,4	41,5	6,1	55,8	40,4	3,8
Русские	38,3	44,4	17,3	34,5	48	17,5
КМНС	56,2	38,8	5	48,1	45,6	6,3
Другие	50	45,7	4,3	38,7	52,7	8,6
Чукотский автономный округ						
Чукчи	53,6	39,3	7,1	59,8	35,7	4,5
Русские	37,0	43,2	19,9	21,9	50,7	27,4
КМНС	60	38	2	56,0	38,0	6,0
Другие	30,4	56,5	13	21,8	56,5	21,7

Характерно, что в обоих регионах уровень значимости региональной идентичности выше этнической у так называемой титульной этнической группы, давшей название региону.

Для русских, опрошенных в РС (Я) и в ЧАО, характерна примерно одинаковая значимость этнической идентичности, в то время как значимость региональной идентичности существенно различается. Русские в Якутии чаще выбирали ответы «очень важно» и «важно», в то время как более четверти опрошенных на Чукотке заявляли о том, что для них не важно осознавать себя жителем региона. Исследователи говорят в данном случае об особом типе регионального сообщества, для которого миграция – естественная форма существования. Это сообщество образуют те, кто остался от входящих миграционных потоков, те, кто, даже вполне адаптировавшись к местным реалиям, продолжает ощущать себя в регионе скорее «гостем». Внешнее сообщество по определению обладает для них более высоким статусом [Бляхер, Григоричев, 2020, с. 82].

Влияние значимости этнической и региональной идентичностей на миграционные настроения также проявляется в результатах опроса. Необходимо отметить, что оценка значимости региональной идентичности играет существенную роль в формировании миграционных намерений в Якутии. У тех якутов (саха) и русских, у кого по результатам опроса не актуализирована региональная идентичность, наблюдается более высокий уровень намерений покинуть населенный пункт проживания. Среди тех якутов (саха), для которых не важна их региональная идентичность, лишь 8 % заявляют о том, что не имеют миграционных намерений, 48 % ответили, что имеют подобные планы, и 44 % затруднились ответить. В то время как те, кто считает, что для них очень важна их региональная принадлежность (58,8 %), заявили об отсутствии планов переезда, и лишь 23,3 % высказались о намерениях сменить место жительства. Среди русских Республики Саха (Якутия) тоже выявилась схожая тенденция. Об отсутствии планов переезда чаще заявляли те русские респонденты, которые считают для себя региональную идентичность «очень важной» – 44,8 %, «важной» – 34,8 %. Такой же показатель (23,5 %) у тех, кто указал, что для них не важна их региональная идентичность. Проявленная интенция к переезду более выражена для тех, кто имеет неактуализированную региональную идентичность – 47,1 %, и менее выражена у тех, кто считает для себя важным чувствовать себя жителем региона

(«очень важно» – 31,3 %, «важно» – 38 %). Анализ ответов на вопрос о желаемом направлении миграции демонстрирует, что отсутствие региональной идентичности приводит к увеличению желающих выехать за пределы региона.

Наличие значимости этнической идентичности снижает вероятность формирования миграционных намерений у якутов (саха), русских и представителей КМНС. В данном случае этническую идентичность, приверженность этнической группе можно рассматривать как стремление к сохранению связей внутри сообщества. Расселение якутов в рамках страны нельзя назвать дисперсным, в этом отношении стабильно сохраняется ситуация, при которой в границах Республики Саха (Якутия) проживают 98,9 % всех россиян, указавших свою принадлежность народу саха (якутам).

Интересными следует назвать данные по русским Якутии. Значимость этнической идентичности оказывается связанной с миграционными намерениями. Те русские, кто указал на важность для них их этнической принадлежности, лишь в 34,8 % случаях заявляли о наличии миграционных намерений, в то время те, кто имеет неактуализированную этническую принадлежность, отмечали наличие желания переехать в 50 % случаев. Понятно, что переезд в другой регион России вряд ли повлиял бы на возможность взаимодействия с представителями своей этнической группы, но, можем предположить, что речь идет о локальных особенностях регионального сообщества, важных для респондентов.

Относительно выбора направления миграции у русских не обнаружено разницы ответов при отсутствии или наличии значимости этнической и региональной принадлежности. У саха несколько иная ситуация: так, неактуализированная региональная идентичность повышает вероятность переезда в другой регион, в то время как неактуализированная этническая идентичность повышает количество желающих выехать за рубеж. Можно отметить, что отсутствие значимости региональной идентичности у респондентов якутов (саха) в сравнении с данными по значимости этнической идентичности, демонстрирует у них более существенное значение региональной идентичности для формирования желания остаться в регионе у якутов (саха).

На Чукотке у нас была использована выборка с меньшим количеством случаев, и в силу этого мы не можем проанализировать более детально ответы в разрезе этнической принадлежности респондентов. Уместно рассмотреть, пожалуй, только данные по русским Чукотки, поскольку в выборке данная группа была более широко представлена. Результаты исследования по данной группе показали, что значимость региональной идентичности имеет определенную связь с их миграционными интенциями. Те, кто отметили, что для них региональная идентичность «очень важна», лишь в 25 % случаев заявляли о планах переезда, в то время как среди тех, кто выбрал ответ, что данная идентичность не имеет важности для респондента, 70 % указали наличие миграционных интенций.

Среди тех, кто имеет актуализированную региональную идентичность, наблюдается сравнительно больше планов переезда внутри региона (21,3 % среди тех, кто, отвечая на вопрос о значимости региональной идентичности, отметил вариант «очень важно», против 12,9 % среди тех, кто ответил «важно», 8,3 % – «неважно»). Однако общий тренд среди тех, кто намерен покинуть населенный пункт проживания, состоит в желании переехать в другой регион России.

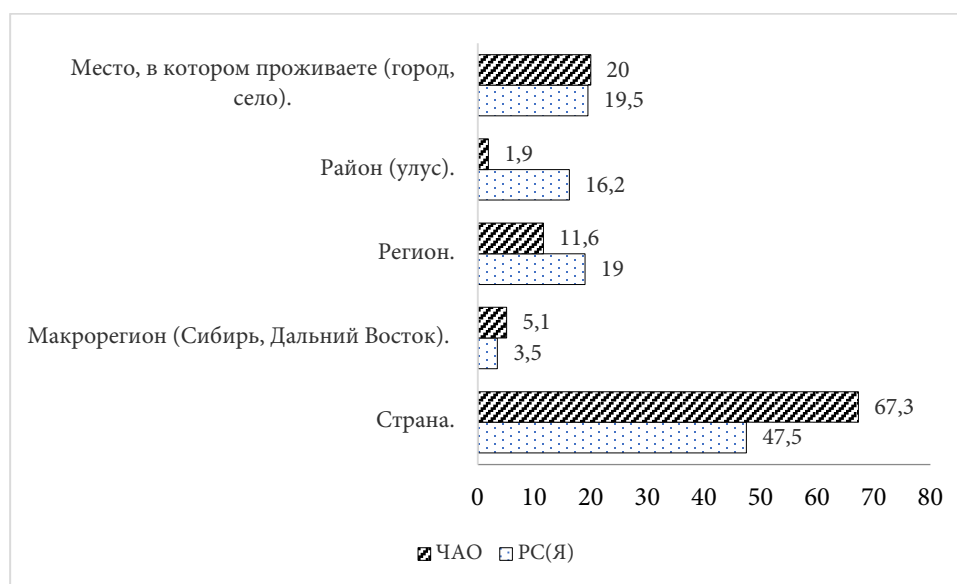

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос

«Что из перечисленного Вы в первую очередь относите к понятию Родина для себя?» в РС (Я) и ЧАО, в %

Характерно, что участники опроса в двух регионах по-разному отвечали на вопрос о том, что для них является Родиной в первую очередь. Конечно, доминирующим ответом в обоих регионах был ответ, что «Родина – это страна». Тем не менее, следует отметить, что на Чукотке его выбирали значительно чаще, чем в Якутии. В свою очередь, в Якутии сравнительно чаще отмечали, что Родина – это регион, а некоторые даже сужали его до муниципального образования – района. Если в региональной идентичности разрыв между регионами составляет только 7,4 п. п., то в идентификации с муниципальными районами 14,3 п. п. Характерно, что на этом фоне ответы респондентов в двух регионах почти солидаризировались в отношении значимости населенных пунктов проживания, – до 20 % участников опроса, как в Якутии, так и на Чукотке, связывают понятие Родина именно непосредственно с местом своего проживания (рис. 5). В этом регионы оказались схожи в отличие от других территориальных экспликаций понятия. В свою очередь, макрорегионы также оказались не актуализированы в обоих случаях – и для респондентов Якутии (3,5 %), и Чукотки (5,1 %). Это несколько противоречит политике государства, направленной на увеличение значимости макрорегионов.

Обсуждение результатов

Как показало наше исследование, региональная идентичность хотя и пересекается с этнической идентичностью для тех групп, которые дали название регионам, тем не менее имеет и свой специфический статус, проявляющийся в том числе в ее влиянии на миграционные интенции населения.

Как считают специалисты, региональная идентичность – это, прежде всего, переживаемые и осознаваемые людьми ценности определенной системы локальной общности, которые, в свою очередь, формируют чувство территориальной принадлежности индивида и группы [Еремина, 2012, с. 280]. Именно поэтому считается, что вопрос

региональной идентичности в этом случае несет витальный смысл, особенно для районов Севера и Арктики, где условия жизни далеки от комфортабельных. Но как показывают исследования, подавляющее большинство жителей дальневосточных регионов (76 %) хотя и отмечают у себя региональную идентичность [Бляхер, Григоричев, 2020, с. 82], тем не менее, могут ощущать связь с другими внешними сообществами как более важную для себя. Региональное сообщество, большинство членов которого нацелено только на временное проживание в регионе, тем не менее объединяется опытом проживания здесь, и это само по себе оказывает существенное влияние на самосознание индивида. Возможно, в этом случае региональная идентичность ощущается как важный факт биографии, который навсегда создает связь между теми, кто его имеет. В результате, даже переезжая, они «формально, полностью утратив связь с Дальним Востоком, соединяют сообщества востока и запада через сообщества и неформальные землячества» [Там же, с. 89].

Это происходит, по всей видимости, в виду особенностей пространственного расположения регионов и их некоторой мифологизации и экзотизации в массовом сознании россиян. Территориальная удаленность и автономия заложили понимание макрорегиона, к которому относятся регионы обследования, как замыкающей части в контексте образных схем «центр – периферия», «исходный пункт – путь-цель», с помощью которых во многом осмысляются отношения центра и регионов в составе государства. Она присутствует в названии макрорегиона, к которому относятся регионы обследования, – Дальний Восток. Это создает множество сюжетов для интерпретаций, в том числе и для самих жителей Якутии и Чукотки. По всей видимости, это проявилось отчасти и в результатах опроса.

Несколько иначе следует расценивать региональную идентичность представителей коренных народов регионов обследования. Этническая и региональная идентичности оказываются во многом связанными, но все же не полностью конгруэнтными. Региональная идентичность для так называемых титульных этнических групп отчасти является отражением процессов территориализации этнической идентичности, которые произошли в советский период. Однако представляется, что не исчерпывается этим. Многие участники опроса якутской национальности, к примеру, имеют представление о родине как о более локальной территории. В то же время не все исследователи разделяют позицию о положительном значении региональной идентичности. Они напоминают, что опыт истории развития страны демонстрирует, что мобилизация регионального сознания населения политическими силами производится в разных интересах, в том числе в интересах утверждения собственной государственности [Галактионова, 2010, с. 258]. Представляется, что подобные опасения в настоящее время можно назвать преувеличенными, – напротив, для регионов Северо-Востока это ресурс сохранения территории, заселенной и развивающейся.

В управленческой практике региональный (местный) патриотизм оценивают как значимый ресурс, как фактор развития и продвижения малой родины в социальном пространстве. Местный патриотизм может служить импульсом для различных преобразований, почвой для инициирования органами власти, населением, гражданскими институтами социально значимых, преобразующих социальное пространство проектов и акций [Щукина, Вяткина, 2022, с. 105]. Следует учитывать патриотические настроения этнических групп как потенциал для гражданского участия в активном преобразовании социальной среды и повышения социально-экономического развития территорий. Примеры успешной деятельности местных сообществ, связанной с осознанным отношением к месту

своего проживания и ответственностью за его развитие, уже имеются в российской практике [Бреславский, 2021]. Представляется, что все же должен быть соблюден баланс участия во внутренней миграции представителей различных национальностей. Дело в том, что миграционный опыт человека, снижая его привязанность к конкретной территории, расширяет представление о его малой родине как части территории всей страны и формирует более осознаваемую ментальную связь с Россией в целом. Известно, что еще в советское время русские, являясь наиболее подвижными в миграционном отношении [Куличенко, 1981], в большей мере разделяли советскую идентичность. В свете данных обстоятельств при управлении миграционным движением важно создавать для населения не только материальные стимулы, но и условия для осознания человеком связей с данной территорией, позитивной идентификации с местностью и регионом.

Важно отметить, что полученные результаты интересным образом соотносятся с исследованиями, которые демонстрируют, что потенциальные мигранты – это не всегда люди с плохим социальным самочувствием [Абрамова, 2018, с. 138]. Иными словами, влияние экономического фактора не всегда сказывается на миграционных интенциях однозначным образом, и повышение качества жизни и удовлетворенность жизнью в регионе, например, может подталкивать к переезду для дальнейшего приращения социального капитала и увеличения объема возможностей. Это еще раз подкрепляет представление о необходимости развития региональной идентичности и повышения символической значимости регионов.

Заключение

Исследование продемонстрировало высокую значимость как этнической, так и региональной идентичностей для жителей Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа. Региональное самосознание наиболее высоко среди коренных народов регионов, однако и жители русской национальности подчеркнули свое чувство связи с этими территориями. Региональная идентичность оказывает значительное влияние на формирование миграционных настроений. Люди, чувствующие сильную привязанность к своему региону, реже планируют выезд. Особенно ярко эта закономерность проявлена среди якутов (саха).

Важным выводом исследования следует назвать то, что высокий уровень значимости этнической идентичности ассоциируется с низким уровнем миграционной активности не только у представителей коренных для регионов этнических групп, но и у русского населения. Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее стабильное население представлено теми, кто подчеркивает свою принадлежность к этнической общности. Для русских жителей Чукотки региональная идентичность также имеет определенное значение в принятии решений о смене места жительства. Сильная связь с территорией Чукотки сравнительно чаще определяет интенцию к переезду внутри региона. Тем не менее, независимо от уровня идентификации с регионом, многие стремятся к перемещению за пределами Чукотки и здесь включаются факторы иного уровня. Жители Чукотки демонстрируют более низкую степень закреплённости в региональном пространстве, что связано с историческими процессами освоения территорий и особенностями демографической динамики.

Таким образом, исследование позволяет сделать вывод о значительной роли культурных факторов, особенно региональной и этнической идентичностей, в процессе принятия решения о миграции населением отдаленных северных регионов России.

Список литературы / References

Абрамова, М. А. (2018). Образовательные траектории и миграционные намерения как показатель адаптированности современной молодежи. *Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика*. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Под ред. М. А. Жигуновой, И. И. Кротта. Омск: Издательский центр КАН. С. 129-139.

Abramova, M. A. (2018). Educational Trajectories and Migration Intentions as an Indicator of Adaptation of Modern Youth. In Zhigunova, M. A., Krott, I. I. (eds.) *Migration Processes in Siberia: Peoples, Cultures, and State Policy*. Omsk. Pp. 129-139. (In Russ.)

Бляхер, Л. Е., Григоричев, К. В. (2020). Внутренняя миграция как политическая проблема, или как и почему уезжают жители Дальнего Востока России. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. (Журнал политической философии и социологии политики)*. № 1 (96). С. 74-97.

Bliakher, L. E., Grigoriev, K. V. (2020). Internal Migration as a Political Problem, or why and how Residents of the Russian Far East Move out. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. Vol. 1 No. 96. Pp. 74-97. (In Russ.)

Бреславский, А. С. (2021). Территориальное общественное самоуправление в современной Бурятии: условия устойчивого развития. *Крестьяноведение*. Т. 6. № 2. С. 79-98.

Breslavsky, A. S. (2021). Territorial Public Self-Government in Contemporary Buryatia: Factors of Sustainable Development. *Russian Peasant Studies*. Vol. 6. No. 2. Pp. 79-98. (In Russ.)

Васильева, О. В. (2020). *Этничность и общество: социологический анализ*. Якутск. 151 с.

Vasileva, O. V. (2020). *Ethnicity and Society in the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological Analysis*. Yakutsk. 151 p. (In Russ.)

Галактионова, Н. А. (2010). Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности. *Регионология*. № 2 (71). С. 257-264.

Galaktionova, N. A. (2010). Peculiarities in Modern Processes of Regionalisation and Formation of Regional Identity. *Russian Journal of Regional Studies*. Vol. 2. No. 71. Pp. 257-264. (In Russ.)

Головнева, Е. В. (2013). Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения. *Уральский исторический вестник*. № 2 (39). С. 81-88.

Golovneva, E. V. (2013). Regional identity: theoretical research aspects. *Ural Historical Journal*. No. 2 (39). Pp. 81-88. (In Russ.)

Еремина, Е. В. (2012). Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России. *Социально-гуманитарные знания*. № 5. С. 276-287.

Eremina, E. V. (2012). The Concept of Regional Identity and the Specifics of its Formation in Modern Russia. *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 5 Pp. 276-287. (In Russ.)

Игнатьева, В. Б. (1999). *Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории*. Новосибирск. 140 с.

Ignatieva, V. B. (1999). *Republic of Sakha (Yakutia): a Retrospective of Ethnopolitical History*. Novosibirsk. 140 p. (In Russ.)

Коломиец, О. П. (2020). Особенности современных миграционных процессов на Крайнем Северо-Востоке России (Чукотский вариант). *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 4 (93). С. 207-214. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-207-214

Kolomiets, O. P. (2020). Features of Modern Migration Processes in the Far North-East of Russia (Chukotka Version). *Power and Administration in the East of Russia*. No 4 (93). Pp. 207-214. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-207-214

Коломиец, О. П. (2022). Этнодемографическая характеристика населения Чукотки. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. Т. 9. № 4 (36). С. 127-142.

Kolomiets, O. P. (2022). Ethno-Demographic Characteristics of the Population of Chukotka. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. Vol. 9. No. 4 (36). Pp. 127-142. (In Russ.)

Коломиец, О. П. (2024). Результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. на Чукотке. *Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН*. № 3. С. 120-127.

Kolomiets, O. P. (2024). Results of the All-Russia Population census 2020 in Chukotka. *The Bulletin of the North-East Scientific Center*. No. 3. Pp. 120-127. (In Russ.)

Крицкая, А. А., Шумилина, А. Б., Дряев, М. Р. (2021). Обзор проблематики неравномерности расселения жителей по территориям федеральных округов Российской Федерации и формирование индексов рациональности как инструментов демографической политики государства. *The Scientific Heritage*. № 63. С. 21-31.

Kritskaya, A. A., Shumilina, A. B., Dryaev, M. R. (2021). Review of the Problem of Uneven Settlement of Residents across the Territories of the Federal Districts of the Russian Federation and the Formation of Indices of Rationality as Tools of the Demographic Policy of the State. *The Scientific Heritage*. No. 63. Pp. 21-31. (In Russ.)

Куличенко, М. И. (1981). *Расцвет и сближение наций в СССР*. М.: Изд-во «Мысль». 444 с.

Kulichenko, M. I. (1981). *Prosperity and Rapprochement of Nations in the USSR*. Moscow. 444 p. (In Russ.)

Литвин, Ю. В. (2021). «Найди отличия»: региональная и этническая идентичность в материалах интервью с карелами. *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. № 6. С. 308-315.

Litvin, Yu. V. (2021). "Find Differences": Regional and Ethnic Identity in the Materials of Interviews with Karelians. *Nordic and Baltic Studies Review*. No. 6. Pp. 308-315. (In Russ.)

Смирнягин, Л. В. (2007). О региональной идентичности. *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. Вып. 17: Меняющаяся география зарубежного мира. М. С. 21-49.

Smirnyagin, L. V. (2007). Concerning Regional Identity. In *Issues of Economic and Political Geography of Foreign Countries*. Iss. 17. *The Changing Geography of the Foreign World*. Moscow. Pp. 21-49. (In Russ.)

Щукина, Р. И., Вяткина, Н. В. (2022). Региональный патриотизм как фактор развития территории. *Вестник Прикамского социального института*. № 3 (93). С. 103-109.

Schukina, R. I., Vyatkina, N. V. (2022). Regional Patriotism as a Factor of Territorial Development. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. No. 3 (93). Pp. 103-109. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Васильева Ольга Валерьевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук, г. Москва, Ленинский пр., 32а, email: Ovasileva.igi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9992-4163>.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2025

После доработки: 02.09.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Vasileva Olga – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher at the Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Leninsky pr., 32a, email: Ovasileva.igi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9992-4163>.

The paper was submitted: 11.08.2025

Received after reworking: 02.09.2025

Accepted for publication: 15.09.2025

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 167.7; 141.2; 323.2; 327.2

СИБИРЬ В МИРОСИСТЕМНЫХ СТРАТЕГИЯХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОБЩЕСТВ

А. А. Изгарская, О. А. Персидская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
aizgarskaya@gmail.com; olga_alekseevna@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка интерпретации истории отношений России и Сибири (XI-XXI вв.) на основе миросистемного подхода. Посредством описания политэкономического и культурного аспектов социальной динамики пространственных структур миросистемы осуществлен экскурс в историю Сибири как внутренней периферии российского государства на разных этапах его становления. Показана специфика периферийных связей Сибири с российским государством на этапе соперничающего с Новгородом Московского княжества, Московской мир-империи в процессе генезиса капитализма, Российской империи как полупериферийной зоны европейской мир-экономики, советского государства с системой разделения труда, относительно автономной от мировой, и постсоветского включения России в мировую систему разделения труда. Проведенный анализ позволяет подвергнуть критике ряд базовых положений программы «Сибиризации России», предложенной исследовательским коллективом С. А. Караганова.

Ключевые слова: Сибирь, миросистемный подход, полупериферия, интеграция, внутренняя периферия, геокультура, зона престижа, «Сибиризация России».

Для цитирования: Изгарская, А. А., Персидская, О. А. (2025). Сибирь в миросистемных стратегиях российского государства: к проблеме интеграции периферийных обществ. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С. 97-114. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.97-114.

SIBERIA IN THE WORLD-SYSTEM STRATEGIES OF THE RUSSIAN STATE: TOWARDS THE PROBLEM OF INTEGRATION OF PERIPHERAL SOCIETIES

A. A. Izgarskaya, O. A. Persidskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
aizgarskaya@gmail.com; olga_alekseevna@mail.ru

Abstract. This article attempts to interpret the history of relations between Russia and Siberia (11th-21st centuries) using a world-system approach. By describing the political-economic and cultural aspects of the social dynamics of the spatial structures of the world-system, it provides an insight into the history of Siberia as the internal periphery of the Russian state at various stages of its development. The article demonstrates the specifics of Siberia's peripheral ties with the Russian state at the stage of the Moscow Principality, which competed with Novgorod; the Moscow world-empire during the genesis of capitalism; the Russian empire as a semi-peripheral zone of the European world-economy; the Soviet state with a division of labor system relatively autonomous from the global one; and Russia's post-Soviet inclusion in the global division of labor system. The theoretical conclusions obtained allow us to criticize a number of basic provisions of the «Siberization of Russia» program proposed by S.A. Karaganov's research team.

Keywords: Siberia, world-system approach, semi-periphery, integration, internal periphery, geoculture, prestige zone, «Siberization of Russia».

For citation: Izgarskaya, A. A., Persidskaya, O. A. (2025). Siberia in the World-System Strategies of the Russian State: Towards the Problem of Integration of Peripheral Societies. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 97-114. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.97-114.

Введение. В русле изменений внешнеполитической стратегии Российской Федерации, предполагающей разворот с Запада на Восток, Сибирь естественным образом оказывается в центре внимания политиков и ученых. Как в научной, так и в политической риторике снова громко звучит мысль о том, что перспективы развития России будут определяться в Сибири [Новый импульс ..., 2022; Маклашова, Попков, 2024]. Наиболее кардинальные изменения связей России и Сибири предложены в проекте «Сибиризация России» группой ученых под руководством С. В. Караганова¹. Поддерживая общую идею о перспективах сибирского вектора развития страны, о необходимости «перехода к развитию экономики с опорой на внутренний рынок» [Новый импульс ..., с. 13], предпримем попытку посмотреть на связи России и Сибири через оптику миросистемного подхода.

С позиции миросистемного подхода Сибирь является внутренней периферией Российской Федерации. Под периферией будем понимать социально-экономическую зону миросистемы, которая в международном разделении труда обречена на производство товаров с низкой добавленной стоимостью и, как правило, поставляет на международный рынок природные ресурсы и дешевую рабочую силу. Внутренняя периферия в отличие от периферии не имеет политической самостоятельности и может быть частью территории государства ядра или государства полупериферии. В пятисотлетней истории современной миросистемы Россия никогда не входила в ядро капиталистической мир-экономики, но даже в ситуации геополитических обвалов она за счет своих огромных ресурсов и территориального преимущества никогда не была включена в миросистему на уровне периферии. Поэтому связи России и Сибири будем рассматривать как отношения полупериферии и внутренней периферии. Эти периферийные связи с позиции миросистемного подхода являются перспективной областью исследования. В данной работе обозначим лишь основные этапы их формирования и основные характеристики. Вначале кратко опишем методологические основания исследования.

Методология. Политэкономический аспект формирования взаимосвязей полупериферии и периферии. Территориально обширные полупериферии, какой является Россия, способны в своем развитии следовать двум стратегиям, противоположным образом влияющим на состояние внутренних периферий и структуру отношений «центр-периферия». Во-первых, они в состоянии создавать экономику с системой разделения труда, относительно автономной от мировой. Поскольку общество вынуждено брать на себя обширный спектр деятельности, данная стратегия требует создания и развития внутренних и внешних

¹ Караганов, С. А. (2024). Сибиризация: Второй поворот России на Восток лежит «за Камнем». [Электронный ресурс]. *Российская газета*. 05 февр. URL: <https://rg.ru/2024/02/05/reg-sibfo/sibirizaciia.html> (дата обращения: 10.08.2025); Караганов, С. А. (2025). Логистика для Большой Евразии. [Электронный ресурс]. *Российская газета*. 08 сент. URL: <https://rg.ru/2025/09/08/logistika-dlia-bolshoj-evrazii.html> (дата обращения: 09.09.2025).

периферий [Arrighi, 1990]. Как правило, такая ситуация складывается у полупериферийных государств в процессе оттока глобального капитала в зоны, более благоприятные для роста [Bergesen, Bata, 2002]. Советский период является наиболее ярким примером реализации такой стратегии. Во-вторых, полупериферии могут подключаться к мировой системе производства капитала, специализируя свою экономику в соответствии с потребностями стран ядра. Данная стратегия возможна в ситуации расширения миросистемы, когда капитал в поисках дешевой рабочей силы и природных ресурсов движется за пределы ядра, преодолевая возможные сопротивления [Ibid.]. Стратегия ведет к формированию социально-экономического неравенства. Доминирующий центр вытесняет любую конкуренцию, способную появиться во внешней или внутренней периферии, прибегая к помощи внеэкономических средств, там, где экономические средства не срабатывают. Для подавления конкуренции внеэкономические средства используются особенно часто в тех отраслях, которые специализируются на производстве товаров для внешнего рынка. Это ведет периферийные зоны к стагнации. Переход от одной стратегии к другой ведет к обострению социальных конфликтов и утрате ранее накопленных преимуществ [Arrighi, 1990].

Культурный аспект формирования взаимосвязей между полупериферийным центром и его перифериями. Миросистемный подход часто понимается в качестве экономоцентрированной парадигмы, однако это не так. Культурный аспект социальной динамики в миросистемном подходе рассматривается как рядоположенный с экономическим и политическим аспектами [Hopkins, Wallerstein, 1977, p. 113]. Для анализа будем использовать концепцию двух «употреблений» культуры И. Валлерстайна [Wallerstein, 2000]. Культура – порожденная мир-экономикой система идей, ограничивающая и направляющая деятельность социальных групп и человека, выступающая механизмом снятия противоречий и обретения устойчивости в системе. Она «является результатом наших коллективных исторических попыток примириться с противоречиями, двусмысленностями и сложностями социально-политических реалий этой конкретной системы» [Wallerstein, 1992, p. 166]. И. Валлерстайн указывает на существование двух способов «употребления» культуры. При помощи культуры «употребление I» люди устанавливают *межгрупповые различия*. Этот способ адаптирует людей к потоку изменений, поскольку создает иллюзию существования вечных, неизменных, передающихся из поколения в поколение ценностей. Примером может быть цивилизационный подход, который часто нацелен на поиск таких исторических констант. Конкретным примером культуры «употребление I» может служить современная идея «Россия – цивилизация», она позволяет российскому государству объяснять источники и причины внешнего, экономического и военно-политического давления, тем самым снижать внутреннее, политическое напряжение. При помощи культуры «употребление II» устанавливаются различия внутри группы. Этот способ позволяет видеть «более высокие», «более благородные», «более ценные» характеристики совокупности явлений внутри группы, чем адаптирует своих носителей к восприятию различных форм неравенства [Wallerstein, 2000, pp. 114-115].

Геополитический аспект культурных взаимосвязей центра и периферий. Контроль государства над обширной территорией является результатом продолжительного геополитического успеха политической элиты, часто нескольких ее поколений. Имея территориальное и ресурсное преимущество перед соседними государствами, а также

окраинное геостратегическое положение по отношению к мощным конкурирующим центрам, политическая элита способна расширять подконтрольную территорию. Именно это прослеживается в истории России. В процессе расширения государство устанавливает некоторый порядок (на основе культуры «употребление I»), подчиняет ему местное население, используя культуру «употребление II», маркирует их как «иных», например, как «ясачное население», «инородцев» и др. Выходцы из культуры «употребление II» могут быть инкорпорированы в геополитически успешную и поэтому обладающую престижем элиту культуры «употребление I». Культура «употребление I», как правило, представляет собой информационную сеть, опирающуюся на ценности и культурные образцы некоторой расширяющейся зоны престижа – цивилизационного центра. Цивилизационные центры – «зоны лояльности и социальной идентификации» – расширяют свое влияние на большое расстояние посредством сетей притяжения [Collins, 2001, p. 422]. Это центры творчества, которые «строятся вокруг мест, где социальные ритуалы проводятся с максимальной интенсивностью, генерируя эмоциональную энергию и социальную харизму» и формируются конкурирующими интеллектуальными позициями [Ibid., p. 422]. При этом зона престижа может находиться на территории расширяющейся полупериферии (например, Москва для Сибири), в инкорпорированной периферийной зоне (например, Древняя Греция в эпоху господства Рима), за рамками формирующихся связей (например, Константинополь для Московского княжества или европейские центры в XVIII в. для элиты Российской империи).

Переходя к интерпретации исторических явлений, отметим, что связи с Сибирью конкурирующих между собой русских центров (Новгорода, Москвы, Ростово-Суздальского княжества) складываются в эпоху средневековья. Формирование торговых сетей и даннических отношений с Сибирью закладывали основания докапиталистической региональной мир-экономики, связанной с мировыми сетями в большей мере через торговлю пушниной. Столь раннее применение миросистемного подхода не соответствует идеям И. Валлерстайна. Однако, как показывают работы К. Чейз-Данна, Т. Холла [Chase-Dunn, Hall, 1993], Дж. Абу-Луход [Абу-Луход, 2001] и др., миросистемную модель можно использовать для анализа торговых связей в докапиталистических системах.

Результаты и обсуждение. Проникновение русских в Зауралье, в Югру происходило до образования Новгородской республики. Первые упоминания относятся к XI в. [Академическая история Югры, с. 348]. Торговлю мехами и установление с конца XII в. даннических отношений новгородцев, встроенных в торговые сети с европейскими городами, а с XV в. ясачных отношений Москвы с населением Югры, хантами (остяками) и манси (вогулами), можно рассматривать как первый этап формирования периферийных связей. Став периферией Новгорода, «Югра была обязана платить дань серебром ..., пушниной и “иными узорочьями”, т.е. драгоценными вещами или тканями». Это свидетельство того, что Югра вела активную торговлю не только с русскими. «Серебро в этом регионе не добывалось, и вряд ли существовало развитое ремесло ... в обмен на меха в Югру проникало монетное, весовое и художественное серебро из Византии, азиатских стран, Волжской Булгарии, Хазарского каганата и самой Руси» [Там же, с. 358]. Обращает на себя внимание, что в отличие от более поздних устремлений Москвы, активность включенного в международные торговые сети Новгорода не вела к созданию мир-империи, хотя «Югра в это время была не равноправным торговым партнером Новгорода, а объектом именно даннической эксплуатации» [Там же, с. 364]. То, что новгородцы не имели стратегии

превратить земли Югры в периферию мир-империи, объясняет отсутствие условий для складывания объединяющей их с сибирскими народами культуры «употребления I». Сказывалось и активное сопротивление населения Югры поборам. Формами сопротивления были и вооруженные столкновения (например, убийство данников), и уход на восток, в Нижнее Приобье.

Второй этап формирования связей России и Сибири следует отнести к XVI-XVII вв., к началу генезиса капиталистических отношений и подъему Москвы – Третьего Рима, как центра престижа православной цивилизации. Это был период, когда сформировавшаяся на территории России относительно автономная мир-экономика в процессе расширения Великого Московского княжества превращалась в мир-империю. Генезис капитализма (в XVI в. в соответствии с самой ранней датировкой М. В. Нечкиной [Нечкина, 1963], в XVII в. в соответствии с работами Н. М. Дружинина [Дружинин, 1955, 1972а, 1972b], Е. И. Заозерской [Заозерская, 1951])² способствует расширению государства в восточном направлении. К этому периоду относится покорение Сибири Ермаком [см.: Борисенко, Худяков, 2018].

Связи Московского государства с европейской мир-экономикой в этот период были слабыми. Европейский капитал нуждался в русских товарах³, но не обладал еще достаточным потенциалом, чтобы включить Россию в свое экономическое пространство, как это уже произошло с Польшей, поставляющей на европейские рынки хлеб и инкорпорированной на уровне периферии. В конце XVI в. политика правительства становится благоприятной для иностранных коммерсантов. Так, например, торговые связи между европейскими торговыми центрами и Сибирью существовали уже в конце XVI – начале XVII вв. по Ледовитому океану и Карскому морю. Торговля шла настолько интенсивно, что в 1601 г. несколько выше впадения р. Таз в Обскую губу был основан торговый город Мангазея. Однако в этот период растущая московская мир-империя стремится подчинить себе торговые сети мир-экономики и использует для этого внеэкономические рычаги, вытесняет как иностранных, так и не имеющих влияния на власть российских купцов. По требованию тобольского воеводы князя Куракина в 1616 г. иностранцев перестали пускать дальше Архангельска «в виду возможности ... захвата ими края, богатого всякой мягкой рухлядью». Помимо этого князь Куракин стал «направлять торговых и промышленных людей, пришедших морем, назад через Березов и Тобольск на Верхотурскую заставу для того, чтобы “казне в пошлинах потери не было”» [Востротин, 1908, с. 4]. Здесь отчетливо просматривается противопоставление культуры «употребление I», а именно тех, кто радуется за православное государство, его казну, и культуры «употребление II», которую приписывают тем, кого в отличие от «людей государевых» можно заподозрить в том, что они могут «захватить», «присвоить», «нажиться». Но в действительности, как отметил С. В. Востротин, «притеснения ... и лихоимство разных служилых людей при сборе пошлины на разных заставах, устроенных по этому пути, заставили и русских окончательно прекратить торговые сношения морским путем» [Там же, с. 4]. В 1620 г. по новому ходатайству князя Куракина Москва запрещает морской путь в Сибирь даже русским людям под страхом смертной казни. Мангазея исчезает, а северный морской путь был забыт более чем на 250 лет.

² См. также состоявшуюся в середине XX в. в советской науке полемику о генезисе капитализма [Переход от феодализма к капитализму..., 1969].

³ Россия поставляла на международный рынок меха, лен, пеньку, воск, жир, лес, а импортировала металлические изделия и предметы роскоши.

В XVII в. европейский капитал был готов проникать на территорию России, между английскими и голландскими негоциантами шла серьезная конкуренция за российский рынок. В 1649 г. правительство Алексея Михайловича Романова идет на уступки требованиям русских купцов. Используя в качестве повода казнь английским народом короля Карла I, русское правительство запрещает англичанам торговать во внутренних районах страны. В результате борьбы за контроль над ресурсными потоками произошло укрепление связей мир-империи с зоной престижа в Москве и упрочение позиций богатых русских купцов в торговых связях внутри российского и сибирского пространств.

Третий этап интеграционных процессов России и Сибири протекает в сетях миросистемы. На этом этапе в процессе петровских реформ Россия совершает поворот в сторону европейских норм потребления, управления, образцов организации армии, науки, образования и т.д. Затем, в эпоху Екатерины II, встраивается в систему разделения труда в качестве поставщика хлеба, а во второй середине XIX в. – хлеба и нефти (главным образом бакинской [Ергин, 2001]).

К началу XVIII в. почти вся Сибирь была присоединена к России, и в последовавший период ее «второго открытия» инкорпорирующий центр сам постепенно интегрируется в пространство растущей европейской капиталистической миросистемы. Реформы Петра I открывают этот процесс. Обращает на себя внимание то, что смена стратегии развития происходит как результат влияния на молодого наследника московского престола Немецкой слободы, населенной в тот период главным образом иноземными военными офицерами, набранными на царскую службу. Реформы, начатые Петром I после Великого посольства, были нацелены не только на создание современного типа армии, они подключили российское общество к сетям европейских центров престижа. Столица империи г. Санкт-Петербург создавался как часть этой сети, как центр престижа для российского общества. Европейская культура должна была стать культурой «употребление I» для русских. Но принятая русским дворянством европейская культура не могла служить объединению общества, поскольку не могла быть воспринята православным духовенством и православным и другими народами России, которым к тому же она была недоступна. Сложившееся противоречие снималось идеей служения Российской империи, которая в действительности и стала культурой «употребление I». Идея черпала вдохновение в европейской культуре, но позволяла в процессе реформирования общества, государственного аппарата, церкви трансформировать и закреплять разделяющие сословное общество культуры «употребление II».

Обратной стороной реформ стало применение государством насилия к тем, кто оказывал сопротивление. В эпоху Петра I ссылка и каторга были вписаны в карательную систему государства, было упорядочено этапирование ссыльных в Сибирь. Помимо этого, как отмечают А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас: «Именно при Петре на ссылку стали смотреть не только как на охранительную меру, в основе которой лежало насильственное удаление уголовных и политических преступников, но как на источник дешевой рабочей силы, которую можно и нужно активно использовать как на окраинах, так и в центре империи» [Иванов и др., 2023, с. 25].

Экономическая политика Петра I соответствовала принципам меркантилизма и протекционизма. Цены на хлеб на российском рынке были гораздо ниже мировых, и иностранные купцы открыли Россию как возможного поставщика этого чрезвычайно

ценного для Европы продукта. Однако формирование регулярной армии требовало запасов провианта и фуража, в связи с этим торговля хлебом при Петре I еще не была поставлена на поток. Хлеб считался «заповедным» товаром. Петр I начинает торговать хлебом только для того, чтобы привлечь заморских купцов в новую столицу. При этом он устанавливает квоты и запрещает вывоз хлеба в неурожайные годы. В результате в петровский период Россия еще не стала полупериферией миросистемы, более того, как отметил И. Валлерстайн, она вошла в европейскую геополитику «при шпаге» [Валлерстайн, 1996, с. 38].

Только к концу XVIII в., в эпоху царствования Екатерины II, ранее относительно автономная российская мир-экономика специализируется на поставках хлеба и превращается в житницу Европы. Хлебный вывоз быстро растет со второй половины XVIII в. Этому способствовало освоение новых черноземных территорий и приобретение выхода к Черному морю. Хлеб стали вывозить без учета внутренних потребностей. При этом превращение в европейскую житницу не вело к развитию сельского хозяйства, наоборот, оно вело к консервации феодального, экстенсивного способа производства, к усилению крепостного гнета. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева стала реакцией широких народных масс на результаты подключения России к европейскому ядру мир-экономики. Казаки, крепостные, государственные, экономические и горнозаводские крестьяне, рабочие Урала, страдавшие от колонизации земель и усиления государственного контроля народы Поволжья, Урала, Западной Сибири слились в единую волну народного гнева против российского государства.

Четвертый этап отнесем к XIX в. Миросистема в XIX в. претерпевает мощные изменения. Вместе с Великой Французской революцией 1789 г. и принятием Декларации независимости США (1776 г.) приходит четкое понимание неизбежности прогресса. Появляются три идеологии геокультуры, которые по-разному адаптируют европейское общество к мысли о неотвратимых изменениях – либерализм, консерватизм и социализм (радикализм). Распространяясь за пределы Европы, геокультура «присвоила и выпотрошила» альтернативные идеологии [Korhonen, 2023, p. 53]. Геокультура проникает и в российское общество, чье государство после победы в Отечественной войне 1812 г. играет роль жандарма Европы. «Она отчетливо проявилась в идеологиях русского радикализма XIX – нач. XX в. (декабризма, разночинства, народничества, русского марксизма) в содержании консервативного (А. С. Шишков, С. С. Уваров, М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров) и либерально-правового (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чечерин, А. Д. Градовский, П. И. Новгородцев, Т. Н. Грановский, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев) течений» [Изгарская, 2023, с. 37]. Федерализм Сибирского областничества был одним из результатов этого всероссийского культурного поворота.

К концу XIX в. между российским центром и его восточной внутренней периферией вызревает серьезное противоречие. Развитие заселяемой в течение нескольких веков Сибири с необходимостью требовало расширения связей с рынками для сбыта сибирской продукции. Однако расширение торговых связей Сибири посредством возникшей международной торговли порто-франко в устьях сибирских рек угрожало российским монополиям, которые снабжали регион товарами. Правительство России признавало жизненную необходимость для Сибири портов в устьях сибирских рек, но создавало условия, препятствующие развитию морской торговли, поскольку защищало интересы русской буржуазии, которая боялась проникновения зарубежных товаров на рынки европейской России. Например,

беспошлинному ввозу в 1898 г. подлежали «сельскохозяйственные и другие машины для оборудования фабрик, заводов и всякого рода механических изделий, ввоз неводов и пряжи для них, цианистого калия, хлорной извести, жести, олова и прованского масла, но все это лишь в размерах отдельных предприятий», при этом устанавливались такие «стеснительные правила», которые делали поставки нерентабельными [Востротин, 1908, с. 13-14]. Основные потери от такой политики понесли не иностранные, а русские торговцы и производители, поскольку к 1898 г. почти «вся торговля велась русскими людьми, на русские деньги» [Там же, с. 19]. На ходатайства сибиряков российское правительство вынесло решение: «1) богатства Сибири сомнительны; 2) Сибирская железная дорога пострадает от отвлечения некоторых грузов на морской путь; 3) Государственное казначейство получит недобор в виде таможенных пошлин; 4) русская промышленность и торговля пострадают, как от сбыта иностранных товаров в Сибири, так и от проникновения их в пределы европейской России» [Там же, с. 65-65]. В 1908 г. С. В. Востротин писал по поводу предпринятых правительством мер: «Все это достаточно ярко подтверждает старую истину, как трудно у нас в России что-нибудь созидать и как легко губить» [Там же, с. 17].

Открытие Сибирской железной дороги ставило под удар дворянское землевладение. Несмотря на экстенсивное развитие сельского хозяйства, Россия была лидером в поставках хлеба на мировой рынок. Экономика была построена по принципу, подмеченному царским министром И. А. Вышнеградским: «Сами недоедим, но вывезем». В такой ситуации дешевый сибирский хлеб создавал конкуренцию на международных рынках для поставщиков хлеба из европейской России и опасность разорения для дворянских хозяйств. Российское государство помогло устранить конкуренцию со стороны сибиряков, оно ввело в г. Челябинске «тарифный перелом» (1896–1913 гг.). На российских железных дорогах действовал принцип убывающего тарифа, а именно, чем дальше везется груз, тем меньшим тарифом он облагается, тем меньше плата за «пуд-версту». Для сибирского хлеба этот принцип не действовал. Поступая в г. Челябинск, он перевозился дальше с начислением тарифов так, как если бы г. Челябинск был его первой станцией. Происходило удорожание хлеба, его перевозка в Санкт-Петербург для продажи на международном рынке становилось нерентабельным предприятием. В ответ на это сибиряки увеличивают мукомольное производство, но в январе 1907 г. царское правительство повышает тарифы на муку. Потеряв возможность вывоза муки за пределы Сибири, сибиряки увеличивают количество крупнорогатого скота и занимаются производством масла. Для сравнения эффективности сельского хозяйства в Центральной России и Сибири приведем цифры по экспорту сибирского масла, вывоз которого не сдерживался запретительными тарифами. К началу Первой мировой войны Сибирь давала 9/10 российского экспортного масла [Дамешек и др., с. 258]. Челябинский переломный тариф был отменен перед Первой мировой войной, когда с очевидностью встает задача кормить армию.

Таким образом, стремясь решить проблему малоземелья и нищеты российского крестьянства, царское правительство активно переселяет его в Сибирь, но одновременно проводит запретительную политику по отношению к международной торговле в устьях сибирских рек и устанавливает челябинский переломный тариф на вывоз сибирского хлеба, лишая сибиряков, включая «новопришлых» крестьян, рынков сбыта продукции и необходимого для развития производства иностранного оборудования.

Пятый и шестой этапы – советский и постсоветский. Учитывая сложность предмета, а также резкое расхождение существующих позиций в оценках советского периода, кратко отметим здесь лишь его политэкономические и культурные характеристики связей «центр–периферия», обусловленные миросистемным положением СССР. Сравним их с характеристиками России на шестом этапе, когда она уже была прочно включена в сети неравного обмена с капиталистической миросистемой на уровне полупериферии, а также с современным ее состоянием.

Политэкономический аспект. Для советского периода характерна стратегия разрыва сетей неравного обмена с капиталистическим ядром мир-экономики. По мнению А. С. Панарина советская держава проявляла «загадочную парадоксальность» в отношении к своим перифериям. В монографии «Стратегическая нестабильность в XXI веке» он отмечает способности СССР сохранять культуру и развивать экономику «опекаемых». «Советская империя вместо того, чтобы использовать свою силу для получения экономических дивидендов, как это делали все другие империи, дотировала из своего не слишком богатого бюджета программы индустриализации опекаемых ею стран, строила заводы и обучала молодежь, внушала “комплекс освобождения” вместо комплекса неполноценности» [Панарин, 2004, с. 256-257]. Миросистемный подход позволяет устранить эффект «парадоксальности» и объяснить политику советской власти по отношению к периферийным обществам, опираясь на научные основания. Такая экономическая политика была жестко продиктована потребностью в создании системы разделения труда, относительно автономной от мира капитала. Нужна была не специализированная на хлебе и нефти, а многоотраслевая, передовая, наукоемкая экономика. Без развития внутренних и внешних периферий этого достичь было невозможно. В русле индустриализации всей страны Сибирь со своими уникальными по мировым меркам ресурсами получила импульс развития [Тимошенко, 2018, 2021].

Распад СССР, как и распад Российской империи, произошел в результате чрезмерных затрат на военные нужды и чрезмерного территориального расширения [Коллинз, 2015, с. 99-108]. При этом Российская империя погибла в результате кризиса центральной власти. Региональные элиты, формируемые при стратегии встраивания в миросистему, были недостаточно сильны, чтобы инициировать процесс распада страны. Напротив, важную роль в процессе децентрализации СССР сыграли республиканские элиты, выросшие и окрепшие в условиях стратегии разрыва сетей неравного обмена с ядром. После распада советской системы, образовавшиеся новые независимые государства специализировали свои экономики и активно встраивались в мировую систему разделения труда, конкурируя между собой, особенно в тех отраслях, где специализация совпадала.

Начавшееся разрушение советской экономики, разрыв хозяйственных связей и нарастание общего кризиса сплотили и сибирскую политическую элиту. В условиях неэффективности высшей власти острой становится проблема поиска новых механизмов межрегионального взаимодействия. Ответом сибиряков стало создание Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС). Документ был подписан 2 октября 1990 г. представителями Советов народных депутатов краев и областей Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского экономических районов СССР. Целью МАСС было «создание интегрированной экономической структуры, объединяющей природно-ресурсный, промышленный, трудовой и научный потенциал региона, что позволяет почти

удовлетворить все нужды территорий за счет собственных источников» [цит. по: Луков, 2009, с. 69]. Некоторые члены Совета МАСС были народными депутатами РСФСР, что делало «Сибирское соглашение» «всероссийской политической трибуной» [Там же, с. 70]. Сибиряки ставили назревший еще в конце 1980-х гг. вопрос о перераспределении доходов от продаж сибирских сырьевых ресурсов [см.: Луков, 2015, с. 176], но сепаратистские настроения сибирские элиты не выражали. «Чаще же речь шла о стремлении добиться внутриэлитного консенсуса через торг регионов с федеральным центром» [Там же, с. 117].

К концу 1990 г. экономика Сибири стала поглощаться крупным московским капиталом. В этот период, как отметил Л. А. Безруков, произошло перераспределение собственности базовых предприятий Сибири между частными общероссийскими компаниями и госкорпорациями страны, а вместе с тем и масштабное, закрывающее для богатейших сибирских регионов возможность развития, изъятие ресурсов. Сети неравного обмена сформированы таким образом, что «значительная часть финансовых ресурсов, имеющих сибирское “происхождение”, минует бюджетные системы самих регионов Сибири, распределяясь сразу между федеральным бюджетом, бюджетом Москвы (или Санкт-Петербурга) и финансово-промышленными группами, контролирующими базовые предприятия макрорегиона» [Безруков, 2018, с. 85]. «В 2015 г. суммарная чистая прибыль (2497 млрд руб.) семи крупнейших компаний и госкорпораций, эксплуатирующих сибирские ресурсы («Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Роснефть», «Сургутнефтегаз», «Транснефть», «РУСАЛ» и «Норильский никель»), в 1,4 раза превышала совокупный объем консолидированных бюджетов всех регионов Сибири (1764 млрд руб.) и в 7,4 раза превосходила общую величину получаемых ими трансфертов из федерального бюджета (338 млрд руб.)» [Безруков, 2020, с. 31].

В текущей ситуации появляется проект, который предполагает кардинальным способом пересмотреть стратегию развития российского социума. С. А. Караганов предлагает осуществить «сибиризацию всей страны», развернуть вектор развития России на Восток [Караганов, 2024]. Стоит заметить, что в какой-то мере этот поворот уже состоялся, но его результаты не могут не настораживать. Поворот произошел как вынужденное изменение направления развития страны. С 2008 по 2014 гг. достаточно отчетливо проявилось противоречие между геополитическими возможностями накопившего ресурсы российского государства и сформированной экономической стратегией развития страны, предполагающей связь с ядром миросистемы. В условиях разрастающегося конфликта с ядром российское правительство заменило утраченные с ним связи на связи с полупериферийными экономиками Китая и Индии. Ярким примером здесь может быть строительство и введение в эксплуатацию магистрального газопровода «Сила Сибири», и проектируемого «Сила Сибири – 2». Выстраивание связей с полуперифериями в качестве основных несет серьезную опасность периферизации российской экономики, поскольку ни Китай, ни Индия, имея в избытке дешевую рабочую силу, не заинтересованы в организации производств на территории России. Более того, в условиях санкций существует опасность очередного витка деиндустриализации. Подтверждением этому являются планы президента компании «Норникель» В. Потанина перевезти завод по производству меди из Сибири в Китай⁴.

⁴ Потанин сообщил о планах перенести мощности Медного завода в Китай. (2024). [Электронный ресурс]. РБК. 22 апр. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/662632909a79470669937398> (дата обращения: 10.08.2025).

Культурный аспект. Победа Октябрьской социалистической революции, по сути, являлась торжеством радикального направления геокультуры. В качестве направления геокультуры идеология нового, первого в мире социалистического государства отвечала мировой повестке. Интернациональная помощь была частью идеологии, ставшей на несколько десятилетий международной культурой «употребление I». Лозунг коммунистической партии «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» призывал все эксплуатируемые народы сплотиться на борьбу за свободу против власти капитала. Идеи социализма получили особую притягательность в эпоху распада колониальной системы. Капитал уходил из своих внешних периферий, а Советский Союз заполнял образовавшийся вакуум могущества, предлагая новым независимым государствам быструю помощь. Москва стала центром советской цивилизации, центром творчества нового мира. Она посылала «амбассадоров» в разные уголки частей света как носителей созданных в стране Советов духовных ценностей, передовых научных знаний и технологий. Москва принимала своих единомышленников из разных стран и создавала их русскоговорящую элиту. Преобразуя жизнь в соответствии с советскими принципами, они формировали на местах советские культуры «употребление II» и транслировали связи, в которых Москва была организующим и определяющим их развитие центром. Внутри страны, создавая национально-административные единицы, советское правительство также формировало этническую партийную элиту, способную реализовывать задачи, поставленные перед страной Правительством и Центральным комитетом коммунистической партии Советского Союза.

Советское общество было бесклассовым и «в конце 1980-х гг. Россия достигала примерно того же уровня равенства доходов, что и скандинавские демократии всеобщего благосостояния» [Антропов, 2022, с. 31]. Принцип социального равенства был не только необходимым социально-экономическим, но и культурным элементом советской действительности. Многоотраслевая экономика требовала соответствующей системы массового образования, отвечающего задачам развития общества. Множественность функций, которые должно было выполнять общество, обеспечивалась школой, нацеленной на развитие внутренних задатков ребенка, а противостояние миру капитала обуславливало воспитание советского «гражданина-солдата». Нельзя утверждать, что система не порождала противоречий и принцип социального равенства соблюдался неукоснительно. Например, формируемая как зона престижа и благополучия советской цивилизации Москва внесла в историю отечественной культуры такое явление как «лимита». Распространение образцов советской культуры часто вело к «русификации» периферийных обществ⁵.

Процесс встраивания современной России в мировую систему разделения труда сопровождался кризисом советской культуры и созданных в ее поле идентичностей. Москва перестала играть роль зоны престижа советской цивилизации. Теперь не Москва встраивала периферийные общества в свою систему, она сама оказалась центром, встроенным в потоки глобального капитала, устанавливающего нормы производства, управления, потребления, социальной стратификации, образования в зависимости от потребностей стран ядра. Москва превратилась в федеральный центр, где оказались спаянными политическая и экономическая

⁵ Например, тесное сотрудничество СССР и Монголии, как отмечает К. И. Бикмаева, способствовало культурному и экономическому подъему Монголии, но «наносило ущерб национальному самосознанию монголов, поскольку идеологически МНР следовала вектору СССР, не делая поправки на национальные особенности» [Бикмаева, 2022, с. 240].

элиты. Объединив мощь государства с экономическим интересом элит, «рука Москвы» смогла остановить процесс распада страны и получить господство на внутренних региональных рынках. Удержав в своих руках экономические и политические / военно-политические рычаги интеграции, российское правительство утратило средство идеологической мобилизации общества. Несмотря на то, что Российская Конституция декларировала отсутствие государственной идеологии, де-факто она существовала, поскольку зонами престижа для российского общества стали центры, чьи сети притяжения транслировали либеральное содержание геокультуры. Однако став частью этой сети, столица России не могла быть центром творчества, она стала центром инжинирингового менталитета, бюрократизации и легитимации заимствуемых культурных образцов, часто трансформируемых под реалии в разной степени бедных российских регионов [Изгарская, Гордейчик, 2021, с. 108].

Процесс встраивания России в международную систему разделения труда способствовал появлению в российском обществе свойственного для капиталистической миросистемы противоречия между видимым прогрессом и ростом богатства одних групп граждан и реальным упадком и обнищанием других. Данное противоречие снимается культурой, а именно трудовой этикой («Если ты беден, то недостаточно трудился!»), и коллективной ориентацией на потребление [Wallerstein, 2000, р. 271]. С одной стороны, это делает понятным стремление российских постсоветских элит обосноваться в центрах либеральной демократии, а точнее их естественное желание получить в пользование не трансформированную имитацию заимствованного образца, а оригинал. С другой стороны, это объясняет источник надежд на будущее у широких масс, запертых в российской глубинке или в реалиях моногородов, их невосприимчивость к своему унижительному положению и готовность принять сложившееся социальное неравенство. Наблюдая происходящие изменения через экран телевизора, потребляя в изобилии представленные на рынке суррогаты и подделки мировых брендов, человек массы убеждает себя в существовании прогресса. Выработывая как форму психологической защиты прием «временного контрастирования», он уверен, что «сейчас все-таки лучше, чем было раньше».

С началом специальной военной операции (СВО) «рука Москвы» смешала ранее установленные нормы и правила для российского общества. Сформированные бизнесом цепочки создания стоимости с ядром были разорваны, предпринимателям приходится выживать в условиях высоких ставок на кредиты и искать пути спасения производств. Это указывает на опасную тенденцию снижения роли Москвы как центра, определяющего успех экономического развития всей страны. В таких условиях С. А. Караганов предлагает создать в Сибири «третью столицу» наравне с Москвой и Санкт-Петербургом. Предполагается не просто создание административного центра, с которым Москва поделится рядом управленческих функций, высказывается идея переноса центра «духовного, экономического, культурного развития страны» за Урал. Такое предложение можно приветствовать. Очевидно, что расположенная в Сибири третья столица России найдет надежную опору в МАСС. Помимо этого, в этом проекте Сибирь рассматривается как пространство, где будет формироваться «новая российская элита, не зараженная, как многие в Москве и других центральных городах, западничеством, еврофилией». Элиту Сибири должны пополнить «бойцы, которые будут возвращаться с войны с Западом на Украине, должны не только пополнить управленческий класс, но и получить перспективную высококвалифицированную и высокооплачиваемую работу, строя новую инфраструктуру

Сибири. Многие из них останутся там, станут сибиряками, как это было при строительстве Транссиба и БАМа» [Караганов, 2025]. Данное предложение также кажется вполне разумным, тем более что значительная часть участников СВО являются сибиряками, которые просто вернутся домой. В целом проект С. А. Караганова несомненно привлекателен для развития Сибирского региона. Но возникает закономерный вопрос, а что будет происходить со старой «зараженной» западничеством элитой? Как показывает Отечественная история, обновление стратегии развития происходило именно когда старая, несоответствующая запросам времени элита отправлялась в Сибирь. В проекте «Сибиризации России» данный вариант не предусматривается, а это означает, что сложившаяся в конце XIX в. ситуация с перемещением населения в Сибирь, только теперь с «новых территорий», может повториться. С. А. Караганов отмечает, что «Восточный поворот, начавшийся с 2010-х годов, был успешен, но только частично, во многом из-за того, что Дальний Восток был искусственно оторван от гораздо более мощных в человеческом, промышленном, ресурсном отношении Восточной и Западной Сибири. Они же продолжали страдать от “континентального проклятия” – удаленности от рынков» [Караганов, 2024]. Как учит миросистемный подход, «удаленность от рынков» может быть искусственно создана государством, когда речь заходит о благополучии настоящей элиты, близкой власти, связанной с ней классовыми интересами.

Закключение. Очевидно, что проведенный обзор не может быть полным. Например, остался за рамками анализа период включения русских княжеств в сети Золотой Орды. Однако первая попытка интерпретации процессов становления связей России и Сибири на основе миросистемного подхода осуществлена и может стать основанием для обсуждения. Замечания как теоретического, так и эмпирического плана могут только приветствоваться. С уверенностью можно отметить лишь два момента относительно преимуществ миросистемного подхода при исследовании Сибири. Во-первых, миросистемная оптика позволяет увидеть Сибирь через сложную взаимосвязь интеграционных процессов разных уровней, инициируемых одновременно центрами разных масштабов. С позиции миросистемного анализа отчетливо видно, что на разных исторических этапах процесс интеграции Сибири зависел от характера отношений интегрирующего ее центра, его политической и экономической элит с внешней мир-экономикой. Во-вторых, в отличие от цивилизационного подхода, нацеленного на поиск культурных констант, преимущество использования миросистемного анализа состоит в том, что внимание сосредотачивается на динамике культуры, на ее способности объединять людей в группы, фиксируя при этом различия внутри групп, оправдывающие социальное неравенство. Выявление данных особенностей социокультурной динамики позволяет глубже исследовать ее, в том числе обосновывая прогноз потенциальных возможностей утраты единства, как в стране, так и в регионах.

Список литературы / References

- Абу-Луход, Дж. (2001). Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени. *Время мира*. Вып. 2. Новосибирск. С. 449-461.
- Abu-Lughod, J. (2001). Restructuring the World System Prior to Modern Times. *Vremia Mira*. Vol. 2. Novosibirsk. Pp. 449-461. (In Russ.)

Академическая история Югры: в 8 т. Т. 2: Югра в XI-XVI вв. (2024). Отв. ред. А. В. Головнев. Под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск: АО Изд. дом «Новости Югры». 600 с.

Pikhoy, R. G., Golovnev A. V. (eds.). (2024). *Academic History of Yugra. In 8 vols. Vol. 2. Yugra in the 11th-16th centuries.* Khanty-Mansiysk. 600 p. (In Russ.)

Антропов, В. В. (2022). Социально-экономическое неравенство в современном мире: инструментарий оценки, тенденции и стратегии преодоления. *Экономика. Налоги. Право.* № 15 (3). С. 21-37. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-21-37.

Antropov, V. V. (2022). Socioeconomic Inequality in the Modern World: Assessment Tools, Trends, and Overcoming Strategies. *Economy. Taxes. Law.* No. 15 (3). Pp. 21-37. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-21-37. (In Russ.)

Безруков, Л. А. (2018). Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири). *Региональные исследования.* № 2. С. 79-89.

Bezrukov, L. A. (2018). Institutional Factor of Interregional Disproportions in Russia (on the Example of Siberia). *Regional Studies.* No. 2. Pp. 79-89. (In Russ.)

Безруков, Л. А. (2020). Трансформация структур хозяйства и населения Сибири на постсоветском этапе. *География и природные ресурсы.* № 4. С. 25-36. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-4(25-36)

Bezrukov, L. A. (2020). Transformation of Economic Structures and Population of Siberia in the Post-Soviet Period. *Geography and Natural Resources.* No. 4. Pp. 25-36. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-4(25-36). (In Russ.)

Бикмаева, К. И. (2022). Этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике. *Монголоведение* (Монгол судлал). Т. 14. № 2. С. 232-246. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246. (In Russ.)

Bikmaeva, K. I. (2022). Mongolian People's Republic: Stages of Language Policy Revisited. *Mongolian Studies.* Vol. 14. No. 2. Pp. 232-246. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246. (In Russ.)

Борисенко, А. Ю., Худяков, Ю. С. (2018). Малоизвестные версии о покорении Сибири Ермаком в сочинениях европейцев XVII-XVIII веков в российских публикациях. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* Т. 17. № 5. С. 30-36. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-5-30-36.

Borisenko, A. Yu., Khudyakov, Yu. S. (2018). Little-known Versions of Yermak's Conquest of Siberia in the Writings of Europeans of the 17th-18th centuries in Russian Publications. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology.* Vol. 17. No. 5. Pp. 30-36. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-5-30-36. (In Russ.)

Валлерстайн, И. (1996). Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2010. *Свободная мысль*. № 5. С. 30-42.

Wallerstein, I. (1996). Russia and the Capitalist World-Economy, 1500-2010. *Free Thought*. No. 5. Pp. 30-42. (In Russ.)

Востротин, С. В. (1908). *Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири*. СПб.: Типография Я. Балянского. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/364282> (дата обращения: 10.09.2025).

Vostrotin, S. V. (1908). *The Northern Sea Route and the Chelyabinsk Tariff Turnaround in Connection with the Colonization of Siberia*. St. Petersburg. [Online]. Available at: <https://www.prilib.ru/item/364282> (Accessed: 10.09.2025). (In Russ)

Дамешек, И. Л., Дамешек, Л. М., Зиновьев, В. П., Ремнев, А. В., Суворова, Н. Г., Шахеров, В. П., Шиловский, М. В. (2007). *Сибирь в составе Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение. 368 с.

Dameshek, I. L., Dameshek, L. M., Zinoviev, V. P., Remnev, A. V., Suvorova, N. G., Shakhеров, V. P., Shilovskiy, M. V (2007). *Siberia as part of the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review. 368 p. (In Russ.)

Дружинин, Н. М. (1955). *Генезис капитализма в России*. М. 79 с.

Druzhinin, N. M. (1955). *Genesis of Capitalism in Russia*. Moscow. 79 p. (In Russ.)

Дружинин, Н. М. (1972a). Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США. *Новая и новейшая история*. № 4. С. 14-35.

Druzhinin, N.M. (1972a). Features of the Genesis of Capitalism in Russia in Comparison with the Countries of Western Europe and the USA. *Modern and Contemporary History*. No. 4. Pp. 14-35. (In Russ.)

Дружинин, Н. М. (1972b). Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США. *Новая и новейшая история*. № 5. С. 59-65.

Druzhinin, N.M. (1972b). Features of the Genesis of Capitalism in Russia in Comparison with the Countries of Western Europe and the USA. *Modern and Contemporary History*. No. 5. Pp. 59-65. (In Russ.)

Ергин, Д. (2001). *Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть*. Пер. с англ. М.: Изд-во «ДеНово».

Ergin, D. (2001). *Extraction. The World History of the Struggle for Oil, Money, and Power*. Transl. from English. Moscow. (In Russ.)

Заозерская, Е. И. (1951). К вопросу о сущности и основных этапах «нового периода» в истории России. *Вопросы истории*. № 12. С. 88-117.

Zaozerskaya, E. I. (1951). On the Question of the Essence and Main Stages of the "New Period" in Russian History. *Questions of History*. No. 12. Pp. 88-117. (In Russ.)

Иванов, А. А., Курас, С. Л., Курас, Т. Л. (2023). Сибирская ссылка и ее реформирование в период правления Петра Великого (XVII-XVIII). *Научный диалог*. Т. 12. № 2. С. 318-335. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-318-335.

Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2023). Siberian Exile and Its Reformation during Reign of Peter Great (XVII—XVIII). *Nauchnyi dialog*. No. 12 (2). Pp. 318-335. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-318-335. (In Russ.)

Изгарская, А. А. (2023). Отечественное образование в процессах глобальной интеграции и противостояния миросистеме. *Философия образования*. № 4. С. 33-48. DOI: 10.15372/PHE20230402.

Izgarskaya, A. A. (2023). Domestic Education in the Processes of Global Integration and Confrontation with the World System. *Philosophy of Education*. Vol. 23. No. 4. Pp. 33-48. DOI: DOI: 10.15372/PHE20230402. (In Russ.)

Изгарская, А. А., Гордейчик, Е. А. (2021). Замкнутый круг неравенства в образовании: к проблеме социокультурных трансформаций периферизируемых обществ. *Философия образования*. № 3. С. 103-119. DOI: 10.15372/PHE20210307.

Izgarskaya, A. A., Gordeychik, E. A. (2021). Vicious Circle of Educational Inequality: To the Problem of Sociocultural Transformations of the Peripheralized Societies. *Philosophy of Education*. Vol. 21. No. 3. Pp. 103-119. DOI: 10.15372/PHE20210307. (In Russ.)

Маклашова, Е. Г., Попков, Ю. В. (2024). Этносоциальные процессы в Сибири и на Дальнем Востоке. *Социологические исследования*. № 6. С. 144-147. DOI: 10.31857/S0132162524060136.

Maklashova, E. G., Popkov, Yu. V. (2024). Ethnosocial Processes in Siberia and the Far East. *Sociological Studies*. No. 6. Pp. 144-147. DOI: 10.31857/S0132162524060136. (In Russ.)

Коллинз, Р. (2015). *Макроистория. Очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС; ЛЕНАНД.

Collins, R. (2015). *Macrohistory. Essays on the Sociology of the Long Run*. Moscow. (In Russ.)

Луков, Е. В. (2009). Причины создания Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение». *Вестник Томского государственного университета*. № 328. С. 67-71.

Lukov, E. V. (2009). Reasons for the Creation of the Interregional Association «Siberian Agreement». *Bulletin of Tomsk State University*. No. 328. Pp. 67-71. (In Russ.)

Луков, Е. В. (2015). Тема «сибирского богатства» в диалоге регионов и федерального центра в 1990-е гг. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. № 3. С. 173-180.

Lukov, E. V. (2015). The Theme of "Siberian Wealth" in the Dialogue between Regions and the Federal Center in the 1990s. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*. No. 3. Pp. 173-180. (In Russ.)

Нечкина, М. В. (1963). К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма. *Вопросы истории*. № 12. С. 86-108.

Nechkina, M. V. (1963). On the Results of the Discussion About the «Ascending» and «Descending» Stages of Feudalism. *Questions of History*. No. 12. Pp. 86-108. (In Russ.)

Новый импульс Азиатской России (2022). Под ред. В. А. Крюкова, Н. И. Суслова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН.

Kryukov, V. A., Suslov, N. I. (eds.). (2022). *New Impulse of Asian Russia*. Novosibirsk. (In Russ.)

Панарин, А. С. (2004). *Стратегическая нестабильность в XXI веке*. М.: Алгоритм.

Panarin, A. S. (2004). *Strategic Instability in the 21st century*. Moscow. (In Russ.)

Переход от феодализма к капитализму в России: Всесоюзная дискуссия. (1969). Под ред. В. И. Шункова. М.: Наука.

Shunkov, V. I. (ed.) (1969). *The Transition from Feudalism to Capitalism in Russia: All-Union Discussion*. Moscow. (In Russ.)

Тимошенко, А. И. (2018). Роль Сибири в индустриальной модернизации СССР. *Гуманитарные науки в Сибири*. Т. 25. № 3. С. 32-37. DOI: 10.15372/HSS20180305.

Timoshenko, A. I. (2018). The Role of Siberia in the Industrial Modernization of the USSR. *Humanities in Siberia*. Vol. 25. No. 3. Pp. 32-37. DOI: 10.15372/HSS20180305 (In Russ.)

Тимошенко, А. И. (2021). Решение социальных проблем в районах нового промышленного освоения Сибири в советский период. *Историко-экономические исследования*. Т. 22. № 4. С. 596-617. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(4).596-617.

Timoshenko, A. I. (2021). Solution of Social Problems in the Areas of New Industrial Development of Siberia in the Soviet Period. *Historical and Economic Research*. Vol. 22. No. 4. Pp. 596-617. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(4).596-617. (In Russ.)

Arrighi, G. (1990). The Developmentalist Illusion: A Reconceptualization of the Semiperiphery. In Martin, W. G., Wallerstein, I. (eds.). *Semiperipheral States in the World-economy*. New York. American Sociological Association; Greenwood Press. Pp. 11-44.

Bergesen, A. J., Bata, M. (2002). Global and National Inequality: Are They Connected? *Journal of World-Systems Research*. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 130-142.

Chase-Dunn, C. Hall, T.D. (1993). Comparing World-systems: Concepts and Working Hypotheses. *Social Forces*. Vol. 71. Pp. 851-886.

Collins, R. (2001). Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact. *International Sociology*. Vol 16 (3). Pp. 421-437.

Hopkins, T. K., Wallerstein, I. (1977). Patterns of Development of the Modern World-System. [Online]. *Review*. Vol. 1. No. 2. Pp. 111-145. Available at: <https://www.jstor.org/stable/40240765>. (Accessed: 10 August 2025).

Korhonen, J. (2023). Symbolic Power and Geoculture in the World-System: Ottoman and Russian Perspectives. In Payne, C. R., Korzeniewicz, R.P., Silver, B. J. (eds.). *World-Systems Analysis at a Critical Juncture*. New-York. Routledge. Pp. 42-53.

Wallerstein, I. (1992). *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. Cambridge: University Press.

Wallerstein, I. (2000). Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System. In *The Essential Wallerstein*. New York. The New Press. Pp. 264-288.

Информация об авторах / Information about the author

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Персидская Ольга Алексеевна – научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

Статья поступила в редакцию: 15.08.2025

После доработки: 10.09.2025

Принята к публикации: 22.09.2025

Izgarskaya Anna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Persidskaya Olga – Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

The paper was submitted: 15.08.2025

Received after reworking: 10.09.2025

Accepted for publication: 22.09.2025

УДК 304.5

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК АТТРИБУТ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРОЯВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА МНОГООБРАЗИЯ

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
gsolodova@gmail.com

Аннотация. Выявление тенденций и перспектив развития современного российского общества предполагает охват широкого круга вопросов, связанных с поддержанием в нем стабильности. Среди них формирование гражданской идентичности. В условиях поликультурности она становится основой и инструментом солидаризации и управляемости обществом. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена комплексом внешнеполитических и внутриполитических факторов, связанных с ростом международной напряженности.

В статье рассматриваются факторы формирования и поддержания общегражданской (надэтнической) идентичности и гражданственности. В данном случае оба понятия рассматриваются как синонимичные. Основное внимание уделено роли системы образования и, в частности, школы, как ключевого социального института ее формирования. Несмотря на то, что работа носит междисциплинарный характер, охватывая педагогику и социологию, отдельно хотелось бы выделить ее включенность в контекст политической антропологии.

Ключевые слова: сложносоставные государства, лояльность и сопричастность государству, школа как институт формирования гражданственности.

Для цитирования: Солодова, Г. С. (2025). Гражданская идентичность как атрибут государственности и проявление единства многообразия. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С.115-122. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.115-122.

CIVIL IDENTITY AS AN ATTRIBUTE OF STATEHOOD AND A MANIFESTATION OF THE UNITY OF DIVERSITY

G. S. Solodova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
gsolodova@gmail.com

Abstract. Identification of trends and prospects for the development of modern Russian society, in which representatives of many, many nations traditionally live (today more than a hundred years), involves covering a wide range of issues, territories with the maintenance of stability. Among them, civil identity is preserved. In the context of multiculturalism, it becomes the basis and instrument of solidarity and control over society.

The article analyzes the factors of formation and maintenance of general civil identity and citizenship. In this case, both concepts are considered as synonymous. The main attention is paid to the education system and, in particular, schools as a key institution. Despite the fact that the work is interdisciplinary in nature – pedagogy and sociology, I would like to separately highlight its inclusion in the context of political anthropology.

Keywords: complex states, loyalty and involvement in the state, school as an institution for the formation of citizenship.

For citation: Solodova, G. S. (2025). Civil Identity as an Attribute of Statehood and a Manifestation of the Unity of Diversity. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp.115-122. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.115-122.

Данная статья имеет несколько посылов:

1. В Концепции национальной политики РФ ставится задача выстраивания гражданской нации – единого российского народа, сохраняющего свое многообразие. В «Основах государственной культурной политики» обозначено, что ни конфессиональные, ни культурные различия не разделяют и не должны разделять народы России. Вводится понятие культурного суверенитета как совокупности социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность. Наряду с сохранением и развитием локальной идентичности, необходимо укреплять гражданскую идентичность, единство и сплоченность российского общества в целом. Отмечается, что общероссийская гражданская идентичность выстраивается на основе взаимовлияния и взаимообогащения, взаимного уважения различных культур¹.

Иными словами, наряду с сохранением культурной самобытности народов, необходимо сохранять и поддерживать уникальную общероссийскую идентичность, являющуюся частью более крупной евразийской цивилизации.

2. В условиях культурного многообразия и его объективной асимметрии, т. е. разной распространенности культур, проблематика сопричастности государству приобретает дополнительную актуальность. При этом понятие сопричастности рассматривается не столько как формальное гражданство, но как чувство принадлежности к культуре страны, ее истории и ценностям. Это нацеливает на поиск общеразделяемых ценностей, смыслов и практик, связывающих индивидов, общество и власть. Без них невозможно национальное строительство и формирование общероссийского самосознания. Однако лояльность граждан, чувство солидарности и сопричастности стране не являются априорной данностью. Они формируются и трансформируются, предполагают определенные усилия для их поддержания. Гражданственность, идентичность – динамические конфигурации, которые возникают и изменяются в результате взаимодействий. Заданными, предписанными по факту рождения являются гражданство и подданство.

На разных этапах исторического развития и в разных типах государств значимость данной проблемы не была неизменной. Соответственно, диапазон и содержание подходов и практик, обеспечивающих связь населения и политики, были разными. На основе российского и зарубежного опыта попытаемся выделить основные элементы, входящие в механизм выработки сопричастности в условиях «многонародной государственности».

Существует как минимум два подхода к выработке гражданственности и приверженности государству.

Первый – антропологический, в самом широком смысле антропный (соизмеримый человеку). Согласно ему, человек рассматривается как деятель, субъект, актор. Соответственно, культуры и структуры оказываются неотделимы от человека как социального актора и субъекта. «С этой точки зрения “государство” воспринимается как совокупность проекций членов политики, результат взаимодействия различных общественных групп и заложник “человеческого фактора”, выступающих от его имени» [Герасимов и др., 2006, с. 12]. Идею о том, что социальная реальность создается в процессе

¹ Основы государственной культурной политики (в редакции Указа Президента Российской Федерации № 35 от 25.01.2023). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102364581> (дата обращения: 19.06.2025).

коллективной деятельности, хорошо подчеркивает один из ключевых тезисов социального конструктивизма «общество – человеческий продукт» [Бергер, 1995]. При этом сама государственная система является продуктом проекций и экстернализации наиболее активной части общества.

Мы будем опираться на второй, условно говоря, конструктивистский подход, квинтэссенцией которого является формула «человек – социальный продукт» [Бергер, 1995]. Иначе говоря, идентичность, гражданственность – результат и продукт социального воздействия.

Данная мысль не является достижением современности или чем-то новым. Она давно стала очевидной. Однако в некоторых территориальных и временных локальностях она уходила из публичного и административно-государственного пространства, становилась латентной и даже неприемлемой. Еще Аристотель отмечал, что «вряд ли кто будет сомневаться, в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этот предмет находится в пренебрежении, и самый государственный строй терпит от этого ущерб. Ведь для каждой формы государственного строя соответственное воспитание – предмет первой необходимости ... А так как все государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то, ясно, для всех граждан нужно тождественное воспитание, и забота об этом воспитании должна быть заботою государственною, а не делом частной инициативы» [Аристотель, 1995, с. 34].

После недавнего, но относительно непродолжительного внедрения идеи о неоспоримом доминировании свобод личности и отрицании роли государства (в т. ч. это упразднение границ, потеря экономической и другой независимости, как следствие глобализации), наблюдаются вполне «реверсивные» процессы. Происходит не только реабилитация участия государства в процессе формирования гражданственности, но и видимое и целенаправленное артикулирование его значимости. В принципе, активизация государства как участника процесса социализации наблюдается в политически сложные, переломные моменты. Если рассматривать недавнюю отечественную историю, то наиболее интенсивным проявлением такого процесса стало включение в процесс школьной социализации выраженного идеолого-политического компонента – октябратства, пионерии и комсомола. В современной российской системе образования это находит отражение, к примеру, через специализированный курс «Основы российской государственности». Данная тенденция не является исключительно отечественной. Если обратиться к международной практике, то современным и относительно плодотворным преломлением изучения способов выработки сопричастности государству стали как научные исследования – исследования гражданства (*citizenship studies*), так и их учебно-методическая реализация. К примеру, в 2001 г. для учащихся 11–16 лет в британскую Национальную Образовательную Программу был введен обязательный школьный предмет «Citizenship» (гражданство). Основная цель изучения – воспитание ответственных граждан и достойных членов общества.

Актуальность формирования сопричастности своей стране становится более очевидной в условиях многокультурного общества. Существует некая иллюзия, что многоплеменность, многонародность и полиэтничность – тематика и вызов современности, что в более или менее отдаленном прошлом общества были культурно однородными и не сталкивались с такой проблемой. Однако это утверждение релевантно для территориально и исторически локальных пространств и периодов. Ретроспективный анализ показывает,

что доминирующим типом государственного устройства было имперское. Сквозным и атрибутивным признаком любой империи является ее внутренняя разнородность. Не исключение и наша история. Как пишет Нэнси Коллман, российское государство было «империей различий, в состав которой постоянно входили новые земли, культуры и народы» [Коллман, 2023, с. 7].

В советское время культурные различия сохранялись, велась политика нациестроительства. Как пишет Р. Брубейкер, «вместо того чтобы безжалостно подавлять национальное (nationhood), Советский Союз предпринял беспрецедентные усилия по его институционализации и кодификации. Советская территория делилась на более чем пятьдесят формально автономных “национальных отечеств” (national homelands), каждое из которых было объявлено собственностью определенной этнонациональной группы. Советский режим приписывал каждому гражданину этническую “национальность”, которая определялась при рождении на основании происхождения, регистрировалась в личных идентификационных документах, записывалась в официальном делопроизводстве и использовалась, чтобы контролировать доступ к высшему образованию и рабочим местам. Совершая эти действия, режим не просто признавал или утверждал существующее положение; он заново создавал индивидов и территории как национальные. В этом контексте “сильное” понимание национальной идентичности как глубоко укорененной в докоммунистическом периоде, заснувшей или безжалостно подавленной антинациональным режимом и возродившейся с распадом коммунизма, в лучшем случае можно назвать анахронизмом, а в худшем – научной рационализацией националистической риторики» [Брубейкер, Купер, с. 164-165].

В подобных обстоятельствах логически вытекающей задачей становится обеспечение консолидированности и целостности страны. Данное обстоятельство не потеряло своей значимости и в современных условиях – Российское государство является Федерацией, что предполагает высокую степень полиэтничности и культурной разнородности страны.

Согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного в сентябре 2024 г., 56 % респондентов полагают, что «многонациональность России – это источник ее силы и конкурентоспособности», противоположной позиции «многонациональность России – это источник проблем» придерживается 7 %. При этом к первому утверждению «скорее первое, чем второе» тяготеют еще 19 % опрошенных, ко второму «скорее второе, чем первое» – 6 %. Очевидный перевес в пользу положительного восприятия полиэтничности страны². Вместе с тем этническая диверсификация культуры и потенциальные риски, связанные с этнокультурной фрагментацией и социальной дезинтеграцией, обуславливают поиск инструментов формирования и поддержания гражданского единства. Государство как «предельно формализованная и институционализированная форма группности ... не “снимает” более неофициальные и локальные сообщества солидарности, но вбирает их в себя» [Герасимов, 2006, с. 15]. Иными словами, сохранение баланса между центром и региональной спецификой сохраняет свою значимость.

Среди основных механизмов, способствовавших формированию лояльности и сопричастности власти и государству в целом, выделяют следующие:

1. Административно-государственная и военная служба. Среди универсальных способов интеграции и формирования общегражданской идентичности – государственная и военная служба. Служба в армии интегрировала представителей разных народов.

² Данные линейных распределений. ВЦИОМ-Навигатор. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/aa49141b-6b70-4629-9988-7eab2bea02bc> (дата обращения: 11.06.2025).

Вовлечение в различные военные, в т. ч. вспомогательные, подразделения выполняло роль ресоциализации – вырванные из привычной культурной среды и в силу своей малочисленности, рекруты интегрировались в культуру большинства. Этот принцип использовался и в советское время. Как правило, призывники служили не по месту жительства, а распределялись по всей огромной территории страны. Использование официального государственного языка плюс проведение политзанятий создавали эффективные условия для конструирования советского человека, народа. Помимо этого, военная служба, особенно в немирное время, становилась лифтом личной восходящей социальной мобильности, способом преодоления сословных и классовых барьеров и вхождения в верхние социальные слои общества.

2. Распространение общегосударственного языка. Принятие социальных представлений происходит через процесс повседневного освоения родного языка. «Лингвистический репертуар» выполняет роль хранилища социальных и моральных смыслов. Логично, что для создания поля конвенциональных представлений необходимо общее языковое пространство. Высокая значимость официального государственного языка определяется его прямой функциональностью. Еще в дореволюционное время, наряду с естественным сохранением местных языков, русский язык стал обязательным в армии, на флоте, во всех государственных и общественных установлениях, делопроизводстве. Применение в государственных и общественных установлениях местных языков определялось специальными законами [Основные государственные законы, 1906, ст. 3]. Наличие общегосударственного языка является основой для гражданского, культурного сближения и единства народов. Одновременно это механизм расширения государственного влияния и контроля, достижения «общего течения» государственной жизни. Задача состоит в сохранении баланса между официальным государственным и местными языками, между культурной и административной централизацией и самоуправлением.

3. Использование церковных институтов как основы идентичности и способа создания гражданственности. Данная практика является достаточно распространенной и относится ко всем религиозным верованиям. Если говорить об отечественном опыте, то солидаризирующим и объединяющим фактором выступало православие. Наряду с законодательным закреплением свободы вероисповедания и правом ведения богослужений сообразно принятым в конфессии обрядам и языку богослужения, законодательно и недвусмысленно православие было закреплено в качестве «первенствующей и господствующей» веры.

4. Безусловно, экономические взаимосвязи регионов способствуют укреплению не только экономических, но и межкультурных связей и взаимодействий, развитию чувства принадлежности к большому сообществу.

5. Более подробно остановимся на системе образования. По мере развития общества и распространения массового школьного образования, наряду с частным институтом семьи и традиционно высокой ролью церкви, все большую роль в формировании причастности государству, гражданственности начинает играть система образования. В первую очередь это общеобразовательная школа. Причина проста – это институт массовой, продолжительной и системной социализации, осуществляемой на регулярной и обязательной основе. Процесс школьной социализации – один из наиболее продолжительных и обязательных. Через него проходят все члены общества, причем в самый

восприимчивый период человеческой жизни – детстве и юности. Именно в период первоначального, в широком смысле, обучения у детей формируется или не формируется чувство принадлежности к своей стране, уважения к ее законам, истории и культуре.

Учителя, педагоги, по своей сути, являются профессиональными передатчиками накопленного обществом культурного и социального опыта. Более того, учитель «присутствует» в каждой семье, где есть дети. Изначально ребенок не обладает способностью воспринимать внешний мир в достаточно ясном и согласованном виде. Функция учителя как раз и заключается во введении ребенка в социокультурный контекст общества. Проводя систематическое, регулярное обучение и воспитание – главнейшие формы и условия целенаправленного развития, школа в значительной степени определяет будущее состояние культуры, общества в целом. «Неполноценная социализация, ведущая к неспособности ребенка, а затем и взрослого войти в социум, найти в нем свое место, – одна из причин его дестабилизации и разрушения. В то же время социализация, протекающая в согласии с общепринятыми ценностями, выполняет функцию сплачивания социума ... Несомненно, что управляемой стороной школьной социализации является то, что через учителя – своего оплачиваемого служащего, государство может осуществлять, направлять и корректировать процесс социализации, т. е. учитель помимо культурной преемственности, несет на себе задачу политической, идеологической стабильности. И эта функция педагогической профессии выполняется на протяжении истории в самых разных конкретно-исторических условиях и в обществах разных типов. Показательно в этом отношении высказывание первого министра просвещения Японии Мори Аринори: “Каждый учитель должен помнить, что все, что делается в сфере народного просвещения, делается не ради учеников, а ради государства” (1886) » [Солодова, 2003, с. 11]. С тех пор в Японии изменилось многое, однако и в сегодняшних документах министерства просвещения школьный курс морального воспитания определяется как воспитательная деятельность, направленная на формирование качеств, желательных с точки зрения государства [Детский сад ..., 1987, с. 230-231]. Весьма схоже в этом отношении замечание российского министра народного просвещения графа Д. А. Толстого, сформулированное им в отчете за 1872 г: «Всякая разумно-направляемая школа стремится к воспитанию детей в истинно-патриотическом духе, в духе полнейшей преданности Государю, Отечеству, своему народу, в духе полного уважения к его прошедшему и веры в его будущее, в духе хранения заветов его истории» [Солодова, 2003, с. 11]. Обозначенная позиция созвучна данным опроса ВЦИОМ, проведенного в апреле 2022 г. Так на вопрос «На Ваш взгляд, какие функции должна выполнять современная школа? (закрытый вопрос, любое число ответов)», наряду с базовой функцией «давать знания» – 83 %, респонденты назвали и такую задачу как «воспитывать моральные качества» – 69 % и «воспитывать патриотизм» – 67 %³.

В связи с этим можно говорить, что суть формирования и распространения школьного образования – все большее огосударствление процессов социализации. Соответственно, официальная идеология становится господствующей через систему образования. Историческая закономерность такой тенденции подтверждается постепенным формированием системы массового образования практически во всех современных обществах.

³ Данные линейных распределений. ВЦИОМ-Навигатор. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/aa49141b-6b70-4629-9988-7eab2bea02bc> (дата обращения: 11.06.2025).

Выводы. Формирование некоего символического единства, гражданственности в сложносоставных государствах – более сложный процесс, нежели в культурно гомогенных. В первую очередь это связано с необходимостью непротиворечивого объединения местных культурных идентичностей с принадлежностью к стране в целом. Однако в любом случае это расширение горизонтальных связей, солидарности и взаимной ответственности. Традиционным институциональным механизмом, сглаживающим ценностную и символическую демаркацию представителей разных культур, является система образования, призванная обеспечить принятие санкционированных обществом ценностей и практик. Иными словами, результативность формирования гражданской идентичности в процессе школьного образования, напрямую определяет состояние и тенденции межэтнических взаимодействий в обществе.

В качестве итогового замечания, отметим, что в процессе длительного смешанного или соседского проживания народы даже на бытовом уровне взаимно влияли и влияют друг на друга. Представление о культурной обособленности и тем более изолированности, автономности – скорее миф и фикция, нежели репрезентация реальной ситуации. Данное обстоятельство облегчает развитие горизонтальных связей и общегражданской идентичности, что, разумеется, не подразумевает культурной гомогенизации.

Список литературы/ References

Аристотель. Политика. Книга VIII. (1981). *Хрестоматия по истории зарубежной педагогики*. Сост. А. И. Пискунов. 2 изд. перераб. М. С. 34-38.

Aristotle. Policy. Book VIII. (1981). *Reader on the History of Foreign Pedagogy*. Piskunov, A. I. (comp.). 2nd ed. recycled. Moscow. Pp. 34-38. (In Russ.)

Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум.

Berger, P., Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality. A treatise on the Sociology of Knowledge*. Rutkevich, E. D. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Брубейкер, Р., Купер, Ф. (2010). За пределами «идентичности». *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М.: Новое издательство. С. 132-192.

Brubaker, R., Cooper, F. (2010). Beyond "Identity". *Myths and Misconceptions in the Study of Empire and Nationalism*. Moscow. Pp. 132-192. (In Russ.)

Герасимов, И., Глебов, С., Каплуновский, А., Могильнер, М., Семенов, А. (2006). От редакции. *Ab Imperio*. № 4. С. 11-16.

Gerasimov, I., Glebov, S., Kaplunovsky, A., Mogilner, M., Semenov, A. (2006). From the Editors. *Ab Imperio*. No. 4. Pp. 11-16. (In Russ.)

Детский сад в Японии. (1987). Пер. с яп. Л. Д. Гришелевой; общ. ред. и послесл. канд. ист. наук. В. Т. Нанивской. М.: Прогресс.

Nanivskaya, V. T. (ed.). (1987). *Kindergarten in Japan*. Grishelyova, L. D. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Коллман, Н. (2023). *Россия и ее империя. 1450-1801*. СПб.: Библиороссика.

Kollmann, N. (2023). *The Russian Empire. 1450-1801*. St. Petersburg. (In Russ.)

Основные государственные законы. (1906). *Свод Законов Российской империи*. Т. I. Ч. I. СПб.

Fundamental State Laws. (1906). *Code of Laws of the Russian Empire*. Vol. I. Pt. I. St. Petersburg. (In Russ.)

Солодова, Г. С. (2003). О социальной роли учительства. *Преподавание истории и обществознания в школе*. № 1. С. 11-15.

Solodova, G. S. (2003). On the Social Role of Teaching. *Teaching History and Social Science at School*. No. 1. Pp. 11-15. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: gsolodova@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2025

После доработки: 20.08.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Solodova Galina – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: gsolodova@gmail.com.

The paper was submitted: 02.07.2025

Received after reworking: 20.08.2025

Accepted for publication: 15.09.2025

УДК 316.334

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В. С. Шмаков

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
vsshmakov@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются функциональные особенности влияния социокультурной идентичности на эволюцию локальных сообществ, детерминирующих процессы интеграции и дезинтеграции социокультурного пространства. Основные тенденции модернизации локальных сообществ определяются базовыми социокультурными ценностями, служащими основой формирования идентичности, обуславливая направленность процессов трансформации культуры и социальности. Модифицирующееся социокультурное пространство представляет собой смешение стилей, норм, принципов, отражающих ценности традиции, модерна и архаики, преобразовывая, усложняя основы социокультуры. Социокультурная идентичность представляется уникальной, специфической характеристикой локальностей, выполняющей адаптационно-эвристическую, аксиологически-мотивационную, регулятивно-интеграционную функции, генерирующие процессы жизнедеятельности локальных сообществ, способствующие сохранению социокультурного наследия. Функционально идентичность представляется одним из узловых факторов, обуславливающих социокультурную трансформацию, эволюцию социокультурного пространства локальностей.

Ключевые слова: глобализация, локальное сообщество, социокультурная трансформация, базовые ценности, идентичность, функции.

Для цитирования: Шмаков, В. С. (2025). Социокультурная идентичность: функциональный подход. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С. 123-135. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.123-135.

SOCIO-CULTURAL IDENTITY: A FUNCTIONAL APPROACH

V. S. Shmakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
vsshmakov@gmail.com

Abstract. The article examines the functional features of the influence of socio-cultural identity on the evolution of local communities that determine the processes of integration and disintegration of the socio-cultural space. The main trends in the modernization of local communities are determined by the basic socio-cultural values that serve as the basis for the formation of identity, determining the direction of the processes of transformation of culture and sociality. The changing socio-cultural space is a mixture of styles, norms, and principles reflecting the values of tradition, modernity, and archaism, transforming and complicating the foundations of socioculture. Socio-cultural identity is a unique, specific characteristic of localities that performs adaptive-heuristic, axiological-motivational, regulatory-integration functions that generate vital processes of local communities that contribute to the preservation of socio-cultural heritage. Functionally, identity appears to be one of the key factors contributing to socio-cultural transformation, the evolution of the socio-cultural space of localities.

Keywords: globalization, local community, socio-cultural transformation, basic values, identity, functions.

For citation: Shmakov, V. S. (2025). Socio-Cultural Identity: A Functional Approach. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp.123-135. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.123-135.

Глобализация, ориентированная на амбициозную модернизацию западной цивилизации, активизирует процессы геополитического, экономического, технологического и социокультурного развития, порождая локальные конфликты, провоцируя явления кризиса развития социокультуры, активизируя взаимодействие и взаимовлияние традиций, новаций, архаики. Как отмечает Сара Карран, (Sara Curran), глобализация отображает, очерчивает грани модернизации, включая «социокультурный аспект» [Curran, 2020]. Тенденции конструирования многополюсности и многофакторности мирового развития актуализируют проблемы возрастания противоречий, образующихся в процессе коммуникации глобальности и локальности.

Наличие рассогласованности, несбалансированности мирового сообщества и локальной детерминированности и неустойчивости социокультурной среды становится фактором, закладывающим основы возникновения рисков глобального уровня, прогрессирующей потерей контроля и координирования управления развитием цивилизации, включая и социокультурную динамику. В процессе трансформации локальностей наблюдается ослабление влияния традиционных ценностей и социокультурных практик, являющихся скрепами локального сообщества. Усложнение внутренних взаимосвязей и взаимозависимостей способствует порождению внутренних конфликтов, кризисных ситуаций глобальности и локальности. В свое время Э. Гидденс отметил, что кризисные явления содержат системное противоречие между глобализацией и тенденцией локализации [Giddens, 2003]. Основой конфликтов выступает не только борьба за ресурсы и рынки сбыта, но и необходимость сохранения своей культуры и социальности, самобытности, в конечном счете идентичности. На ключевые позиции идентификации социокультурного пространства, сохранения идентичности выходят концепты, рефлектирующие локальные контексты традиционных социокультурных практик, ценностей, норм и правил жизнедеятельности, детерминирующих развитие жизненного пространства локального сообщества. Локальность становится системообразующим источником, формирующим, очерчивающим функциональные особенности социокультурной идентичности, концентрируя и отождествляя системные, смысловые, ценностные приоритеты и ориентации. Локальное сообщество исполняет функции основополагающего структурообразующего детерминанта, выступающего обладателем, выразителем социокультурных практик и традиций, исторически сформировавшихся в масштабах «местожительства» в процессе жизнедеятельности.

Активизацию взаимодействия и взаимовлияния глобальности и локальности порождают обстоятельства, тенденции изменчивости, неустойчивости, обуславливая нелинейность развития культуры и социальности, провоцируя конфликтное состояние внутри социокультурной среды. Базовыми конституирующими социокультурными композициями эволюционирующего локального сообщества выкристаллизовывается симбиоз традиционных ценностей, новационных представлений и архаических форм, оказывая системообразующее влияние на трансформацию социокультурной идентичности локального сообщества. В. А. Попов, например, замечает, что возрождение или конструирование этнокультурных и религиозных традиций и в целом архаики становится составной и неотъемлемой частью социально-экономического и политического дискурса [Попов, 2019, с. 8]. В 1995 г. Р. Робертсон написал, что не имеет смысла определять глобальное так, как будто оно исключает локальное, подчеркивая, «локальное нужно рассматривать как аспект глобального». Глобализация означает стягивание, столкновение

локальных культур, которые должны получить новое определение в этом столкновении локальностей [Robertson, 1995, с. 56-58]. Более того, в процессе эволюции на стадии адаптации в локальных сообществах генерируется драйвер определения аутентичности: с одной стороны – программа, подверженная влиянию привносимых социокультурных значений, с другой стороны, прослеживается стремление к сохранению традиционных ценностей и обращение к прошлому. Отметим, что в масштабах социума наблюдается усиление интереса к пониманию и принятию содержания и смыслов субкультур. В процессе эволюции социокультурной идентичности в локальных сообществах форматируется олицетворение «самости», включение в сообщество, принадлежащее к установленному, заданному типу социокультуры, традиционной, самобытной ментальности как основы понимания личностной идентификации. Следствие увеличения социокультурных взаимодействий отражается в становлении гибридных социокультурных форм, вносящих вклад в разрушение социокультурных основ идентификации. Дивергентная глобализация, гиперактивные миграционные процессы, изменяющиеся традиционные социокультурные уклады жизни локальных сообществ обуславливают обострение социокультурных противоречий и конфликтов. В целом отметим, что проблема социокультурной трансформации в процессе модернизации производственно-экономической деятельности запускает модификацию культуры и социальности локальных сообществ, инициирует тему интеграции и дезинтеграции локальностей, обостряя максимум сохранения социокультурной идентичности.

Актуальность исследований локальных сообществ, процессов трансформации социокультурной идентичности детерминирована модификацией традиционного социокультурного уклада под влиянием глобализации, активизирующей процессы взаимосвязей, миграции, индивидуализации, информационной вариативности. Повседневная реальность, жизненная разбалансированность, размывание ценностных установок и принципов обуславливает социокультурные противоречия и кризисные явления процессов идентификации. Как отмечают Т. В. Бугайчук и Т. Г. Доссэ, формирование идентичности в условиях социокультурной среды происходит во взаимосвязи с самосознанием, самоопределением, самоактуализацией, персонализацией и др. [Бугайчук, Доссэ, 2013, с. 214]. Исследования функциональных особенностей влияния идентичности на эволюцию социокультурного пространства локальностей позволяет обозначить тенденции и перспективы социокультурного развития локальных сообществ, акцентировать проблему сохранения социокультурной идентичности в рамках «мы» и «они», «свои» и «чужие». Базовые социокультурные ценности, включающие традиционные установки, приоритеты, нормы и принципы, являющиеся основой формирования социокультурной идентичности, определяют функциональную направленность процессов идентификации локальных сообществ, обуславливая производственно-экономические, институциональные и социокультурные изменения, задавая тенденции и перспективы развития. Методологией исследования является функциональный анализ влияния социокультурной идентичности на трансформацию социокультурного пространства локальных сообществ.

Глобализация как направляющий тренд развития мира, устанавливающий и диктующий интеграцию экономики, политики, социокультуры, порождает вызовы локальностям, традиционным социокультурным ценностям. Традиционные локальные социокультурные практики становятся объектом унификации, ассимиляции, впадают

в состояние нестабильности. Социокультурный контекст глобализации отражает попытку оказать противодействие процедурам подавления локальных социокультур и инкорпорирования различных аспектов чужой культуры и социальности в локальное пространство, усложняя, разрушая утвердившуюся программу социокультурного взаимодействия субкультур. Из механизмов адаптации, поддерживающих взаимовлияние социокультур, исключаются основы диалога, смысловые нарративы вместе с историчностью, «месторазвитием», социокультурной ментальностью как определенные общепринятые содержательные качества жизни, которые служат необходимой основой для любого диалога, как комплекс знаковых, гео-социокультурных ценностей и нарративов.

Социокультурное пространство локальностей складывается как совокупность культуры и социальности социума, производственно-экономический, институциональный и социокультурный комплекс, сформировавшийся в локальных гео-природных условиях. В этом смысле «социокультурное пространство характеризуется переходностью позиций, что обуславливает необходимость выявления связей, социокультурных взаимодействий общецивилизационных представлений и локальной специфики. Ключевой тенденцией социокультурного развития становится унификация социокультурной среды, снижение влияния традиционной культуры и социальности» [Шмаков, 2023, с. 157]. В масштабах социокультурного пространства детерминанты социокультурной идентичности служат фундаментом развития локальностей. Глобализация усложняет взаимодействие социокультурных компонентов и элементов мировой цивилизации, оборачивает традиции, идеалы и ценности различных социокультур в паттерны, обозначая их функциональное значение для локального сообщества. В этом концепте ряд авторов отмечают, что, собственно, заблуждение относительно понимания процесса глобализации заключается в том, что ее понимание, как правило, не включает в себя феномена локализации, в то время как «Нельзя даже подумать о глобализации, не обратившись при этом к вполне конкретным территориям и местам. Одно из важнейших следствий идеи глобализации заключается в возвращении к понятию места» [Бек, 2003, с. 31]. Идентификация с «месторазвитием» объединяет локальное сообщество в историческом, символическом, эмоциональном, целевом, смысловом плане, связывает с прошлым опытом и ожиданиями будущего, «выступая как хранилище памяти, знаний, опыта, эмоций локального сообщества» [Chen et al., 2014].

Нестабильное состояние развития локальных сообществ формирует механизмы, регулирующие, регламентирующие функциональные особенности эволюции социокультуры, конструирующие способы адаптации к меняющимся условиям жизнедеятельности социума, в локальностях разворачиваются противоречия и конфликты разнонаправленных, иногда прямо взаимоисключающих рациональностей и контroversиальных жизненных образов. В процессе адаптации возникает двойственная жизненная позиция: принимать социально-экономические и политические условия и обустриваться в «новом мире», либо следовать традиционным обычаям и нормам, сохранять существующий образ жизни, связанный с сохранением социокультурной идентичности. В обозначаемой ситуации возникает дилемма – либо просто следовать течению жизни, либо готовиться к реальной переориентации, изменению жизненных оснований, приближению и принятию экзистенциальных смыслов другой культуры и социальности.

Расширяющиеся границы глобализации стимулируют экономические, экологические, демографические, социокультурные риски и угрозы, меняют принципы взаимодействия и структуру взаимоотношений внутри локального сообщества, модулируя основополагающие условия жизни, осуществляя внутреннее деление локальных сообществ.

Усиливающиеся процессы индивидуализации деформируют жизненные уклады, смешивая локальные и глобальные процессы взаимодействия социокультур, модифицируют социокультурную среду, подвергая переосмыслению традиции, ценности, идеалы, правила и нормы поведения локальных сообществ, разрушая исторически сформировавшуюся социокультурную парадигму. Тем не менее, в постсоветской России в политической, экономической, социокультурной сферах весьма устойчивыми оказались многие неформальные нормы и практики, унаследованные от прежнего общественного уклада. В этом ракурсе социокультурная среда исполняет миссию своеобразного системного критерия, способствующего отбору, принятию и закреплению ценностей субкультур, выполняя функцию хранителя социокультурной идентичности. Идентичность, формируя и сохраняя базовые ценности локальных сообществ, выполняет функции воспроизводства общественной жизни, поддержания устоявшихся общественных отношений и взаимосвязей, стабилизируя структуру жизнедеятельности и социокультурную среду [Кара-Мурза, 2007; Ерофеева, 2009; Hitlin, 2011; Гончаров, Попова, 2015; Korstanje, 2015; Фомичева, Катаева, 2019].

Динамика модернизационных процессов переходного периода в жизни локальностей затрагивает основные позиции культуры и социальности, составляющие основу ценностно-смыслового содержания идентичности социума, стабилизации самобытности и самоидентификации, сохранения сложившихся традиционных социокультурных практик, ценностно-смысловых комплексов, обеспечивающих процессы идентификации социума. Как отмечает В. А. Тишков, подчеркивает, развитие, закрепление локальной, региональной идентичности в контексте движения глобализации, обладает конструктивным началом, обеспечивающим стабилизацию, формирование национального единства в рамках понимания «единства в многообразии» [см.: Тишков, 2021]. Идентичность характеризует локальное сообщество как социокультурную общность, обладающую определенными свойствами, качествами, набором традиционных базовых социокультурных ценностей и жизненных стереотипов, отличающуюся самостью, цельностью и самодостаточностью [Тхагапсоев и др., 2016]. Идентичность выступает краеугольным камнем, основой локального сообщества, аккумулирует традиционные ценности, сгенерированные в процессе исторического социокультурного опыта, накопленные как эксклюзивные, отличительные модели жизнедеятельности, характеризующие локальное сообщество как социокультурный феномен. Возникающие по ходу модернизации инварианты образа жизни, противостоящие устоявшимся, традиционным способам жизнедеятельности, трансформируют жизненный уклад локального сообщества, модифицируют функциональные квинтэссенции ценностно-смыслового единства социума.

Ф. Фукуяма, рассматривая проблему идентичности в функциональном плане, выделяет несколько утилитарных значений идентичности, строящихся на «либеральных и демократических ценностях и общем опыте, формирующем “прочную основу” (выделено нами – В. Ш.), на которой могут процветать различные сообщества», выделяет проблемы: соблюдение «физической безопасности», «управление», «содействие экономическому

развитию», «расширение круга доверия», «поддержание эффективных систем социальной защиты» [Фукуяма, 2019, с. 118-122]. Отметим, что, с точки зрения Ф. Фукуямы, все функции национальной идентичности фокусируются вокруг межгосударственных политических, экономических, правовых проблем, отражая непременно либерально-демократические ценности. С нашей точки зрения, основная функция социокультурной идентичности заключается именно в сохранении и воспроизводстве общественной жизни локального сообщества в традиционной гео-социокультурной реальности.

Выделим основные особенности процесса социокультурной динамики, определяющие функциональные характеристики социокультурной идентичности.

Социокультурное пространство как интегративный феномен обладает мультифакторностью и многофункциональностью, идентифицирующими практиками, нормами и правилами, регламентирующими жизнедеятельность локального сообщества, представляется характеристикой общества с точки зрения культурных и социальных аспектов, развивается в конкретных пространственно-временных рамках.

Эволюция социокультурного пространства представляется результатом глобальных и локальных производственно-экономических, общественно-политических и институциональных трансформаций, отображается как сложный многоуровневый деятельностный процесс. Динамика культуры и социальности проявляется как векторное, поликонфессиональное, полиэтническое, транскультурное явление, реализующееся на разных позициях и в различных вариантах, включая смысловой и поведенческий. Социокультурное пространство характеризуется переходностью позиций, что обуславливает необходимость выявления связей, социокультурных взаимодействий общецивилизационных представлений и локальной специфики. Структура и свойства социокультурного пространства складываются из стабильной системы взаимоотношений и определяют правила, формирующие социокультурную среду локальных сообществ, устанавливая и уточняя, что представляют собой собственно культура и социальность, затрагивая методологические проблемы объяснения и понимания эволюции социокультуры. Трансформация социокультурного пространства диктует необходимость осмысления тенденций, указывающих направления развития локального сообщества, меняющих акценты эволюции, фиксируя самобытность идентификации локальностей.

Содержательно функции идентичности отражают сложившиеся направления и стороны жизнедеятельности локальностей, социокультурных институтов, личностей. Функции отражают общественные потребности каждого конкретно-исторического этапа развития локального сообщества, обладают определенным уровнем объективности и рассматриваются как своеобразный критерий социокультурной динамики. Функционально социокультурная идентичность выполняет, прежде всего, роль медиатора адаптации локального сообщества к процессам модернизации, в контексте сохранения устойчивого развития социума. Функции отражают особенности эволюции социокультурного пространства, фиксируют механизмы и средства реализации моделей трансформации исходя из потребностей локального сообщества.

Функции социокультурной идентичности по своей направленности имеют сложно организованный характер адресности и нацеленности: адаптационно-эвристическая, аксиологически-мотивационная, регулятивно-интеграционная.

Адаптационно-эвристическая функция. В современную эпоху социокультура превратилась в важный интегрирующий фактор, который пронизывает все виды человеческой жизнедеятельности. Во-первых, на фоне расширения влияния глобализации на мировое цивилизационное развитие проблема адаптации локальных сообществ к меняющимся условиям жизнедеятельности становятся весьма актуальной. Модификация локальностей обуславливается модернизацией производственно-экономических, институциональных и социокультурных направлений жизнедеятельности. Во-вторых, последовательно процесс адаптации заключается преимущественно в поддержании и сохранении социокультурных ценностей, укреплении стабильности и устойчивости традиционных социокультурных практик. Функционально в рамках социокультурной идентичности осуществляется сбережение атрибутов и характеристик социокультурного наследия, очерчивающих, конституирующих эксклюзивность, самобытность традиционных инструментов обеспечения сохранения и регулирования социокультурной среды, включая нормы, правила, обычаи и т. д. В-третьих, контексты адаптации обладают спецификой и своеобразием, зависящими от исторических, традиционных, социокультурных отношений, ценностных ориентаций, смыслов и побуждений, устанавливающих и поддерживающих самовоспроизводство и регулирование социума. Институциональные и личностные механизмы социокультурной адаптации, включающие социализацию, стандартизацию, аккультурацию локального сообщества к меняющимся условиям бытия, определяют функциональные подходы к объяснению и пониманию социокультурной реальности, конституированию тенденций и перспектив эволюции социокультурного пространства в целях сохранения устойчивости социокультурной среды. В-четвертых, происходящий процесс усвоения новых жизненных правил и отношений, обретение чужого социокультурного опыта, интегрирование ценностей, норм, принципов осуществляется в контексте традиционной социокультурной матрицы [Шмаков, 2025]. В этом ракурсе идентичность выступает маркером, обозначающим и регулирующим систему социокультурных отношений, порядок заимствования условий и правил субкультур. В масштабах традиционной социокультурной идентичности в гео-социокультурном пространстве происходит интеграция традиции, модерна и архаики, информационно-коммуникационное взаимодействие и взаимовлияние социокультурных практик локальности и глобальности. Тенденции глобализации социокультурного пространства локальностей детерминируют проблему социокультурного многообразия, многовекторности основ культуры и социальности локальностей.

Аксиологически-мотивационная функция. Интеграционная стратегия глобализации порождает переходные периоды развития культуры и социальности, трансформирует институциональные социокультурные нормы жизнедеятельности локальных сообществ, переформатируя традиционные, локальные, коммуникативные правила и регламенты социокультурных взаимодействий, выражающих ценностные отношения и мотивы жизнедеятельности социума. Функционально возникает необходимость объяснения, понимания и оценки социокультурных явлений и процессов, обозначающихся в социокультурных практиках в процессе эволюции, в аспекте восприятия дилеммы «свое-чужое», определение пути развития, принятия чужих ценностей и отказа от традиций. Практически это выбор опции, ведущей к потере социокультурной идентичности и принятию чужих социокультурных практик и отношений.

Одна из основных проблем и особенностей эволюции социокультурного развития в переходный период состоит в том, что глобализация в буквальном смысле требует унификации в сфере социокультуры, подавления, подрыва базовых ценностей, расщепления менталитета, разрушения социокультурной матрицы локального сообщества. У локальностей возникает проблема выбора коммуникационной процедуры в интеграционном ключе глобальности и локальности в условиях усложняющейся и расширяющейся локальности как целостной системы взаимодействия, в условиях, когда «глобальные и региональные оптимумы отчетливо расходятся» [Луман, 2006, с. 227-230].

Аксиологически идентичность выступает как механизм позиционирования, акцентирования субъектов локальных сообществ в масштабах норм и принципов жизнедеятельности социума, выполняет роль мотиватора, навигатора. Функционально мотивация имеет коммуникативную природу, формирующую поведение человека в социуме, идентичность выступает в качестве оснований, причин, правил поведения, обуславливающих все стороны жизнедеятельности социума. Процесс адаптации способствует корректировке, оптимизации социокультурной среды, в условиях дефицита информации в то же время позволяет «проецировать свои установки, убеждения, ценности и личностные качества на других» [Ross et al., 1977].

Обратим внимание на подход Н. Лумана к объяснению проблемы ценностей. «Абсолютные ценности в связи с таким положением вещей принимают своеобразную форму: это ценности с оторефлектированным соперничеством. Так как приверженцы таких ценностей уже знают, кто будет их противниками, они не видят повода для уступчивости. Для них существуют только победы и поражения – тем более что они могут быть уверены, что ценность, которую они представляют, не может оспариваться в качестве ценности» [Луман, 2006, с. 218]. Подчеркнем, сохранение духовно-нравственных ценностей обеспечивает стабильные взаимоотношения в рамках социума, но проблема «абсолютных ценностей» имеет двойственное содержание. Акцентируя внимание на роли угроз в межгрупповых отношениях, при наличии ценностных, моральных, религиозных различий, предрассудков, способствующих проявлению внутригрупповых эмоций, отметим, что обострение социокультурных различий между группами локальностей может быть причиной, в том числе, и «возникновения ощущения символической угрозы» [Stephan, Renfro, 2002].

Отмеченные подходы к верификации проблемы ценностей для анализа идентичности, положительные и отрицательные тенденции сохранения идентичности в социокультурной динамике оказывают влияние на мотивационный эффект в жизнедеятельности локальных сообществ, фиксируя тему аномии и дезорганизации социума. Аномия, сопровождающая ее деструкция локальностей, разрушает механизмы социокультурной консолидации, ослабляя внутренние связи, систему взаимодействия, разрушая социокультурные нормы и образцы поведения, способствует утрате смысла жизни, потере желания, с одной стороны, принадлежать к какому-либо сообществу, с другой стороны, реализовать потребность в проявлении собственного Я [Brigevich, 2012, pp. 205-207].

В социокультурной динамике возникает состояние, при котором идентичность не способна выполнять функцию социокультурного регулятора, корректировщика интеграции и консолидации локального сообщества, в социокультурной среде которого акцентируется парадигма инкорпорирования в социокультуру исторически и когнитивно

чужеродных экзистенциальных концепций, нравственных, духовных принципов и императивов. Влияние кондиционности социокультурной идентичности на функциональное воздействие как интегратора и навигатора локальных сообществ в социокультурном пространстве, мотиватора сохранения традиционной социокультурной среды, можно оценивать как переходное, без ярко выраженной идентификационной карты.

Регулятивно-интеграционная функция. Под давлением глобализации в пространственно-временных рамках в локальных сообществах проявляется сопротивление новационным образцам социокультуры, возрастает тенденция, регистрирующая состояние идентичности как «свой-чужой», осуществляется реставрация архаичных форм социокультурной интеграции. В постсоветской России в политической, экономической, социокультурной сферах весьма устойчивыми оказались многие неформальные нормы и практики, унаследованные от прежнего общественного уклада.

В процессе адаптации возникает проблема, отражающая противоречие между необходимостью сохранения традиционной культуры и социальности и актуальностью, неизбежностью принятия новаций, привносимых в процессе глобализации, актуализируя важность сохранения социокультурной среды, поддержания фундаментальных регулятивно-интегративных функций социокультурной идентичности. В этом случае социокультурная идентичность выполняет регулятивную функцию, основываясь на традиционных ценностях, нормах, правилах жизнедеятельности, детерминированных системой взаимосвязей и взаимоотношений, представленных в социокультурной среде и отражающих сущность идентичности социума. Институционализация социокультурного пространства, функционально последовательно закрепляет положение социокультуры в локальном сообществе, акцентируя регулятивную функцию социокультурной идентичности, процедурно формирует цели, социокультурные нормы и принципы, определяет механизмы и практики, статусы и роли.

Основные функциональные задачи социокультурной регуляции:

1. В социокультурной среде локальностей складывается самобытная социокультурная среда, характеризующаяся своеобразием и спецификой жизнедеятельности, функционально указывая на необходимость формирования и согласования общих целей, задач, принципов и технологий производственно-экономической и социокультурной деятельности.

2. Социокультура, оказываясь сложноорганизованной интегральной целостной действительностью, демонстрирует, отражает свое смысловое, информационное наполнение через структуру базовых ценностей, представляющих основу социокультурной идентичности локальных сообществ. Функционально возникает необходимость определения показателей, стандартов жизнедеятельности, индикаторов и оценочных критериев оптимальности и эффективности полученных результатов.

3. Эволюция культуры и социальности определяет проблему сохранения устойчивого социокультурного развития сообщества, целостности и единства. Идентичность выступает организующим, консолидирующим мотиватором, детерминантом социокультурной эволюции, обеспечивающим равновесное состояние, без противоречий и напряжений в условиях трансформаций. Социокультурная идентичность способствует сохранению, поддержанию, мотивации и регламентированию процессов сбережения и использования социокультурного наследия.

4. Конструкция, процедура, механизмы социокультурной регуляции закреплены в ценностных приоритетах, социокультурных традициях, обычаях, технологических практиках, отображающих своеобразие и самобытность социокультурного развития, уровень, значимость социокультурной интегрированности.

В целях регламентации и регулирования взаимодействия и коммуникаций внутри локального сообщества определяется система санкций для поддержания и сохранения норм и правил, институционально оформляющаяся в рамках соответствующих структур.

Процедура социокультурного регулирования отражает способность локального сообщества к активной жизнедеятельности, компетенции соотносить и использовать традиционность, привносимые новации, проявляющиеся архаичные формы, выражающие ценности культуры и социальности, мотивирующие жизнедеятельность локального сообщества в масштабах интересов и потребностей, активирующие процессы институционализации результатов социокультурной деятельности.

Если рассматривать социокультурную идентичность как нечто уникальное, своеобразное, отличающее одну социокультуру от другой, утрата которой эквивалентна исчезновению локального сообщества, то суть регулятивной функции заключается в сохранении социокультурной парадигмы, идентифицирующей и объясняющей традиционные ценности и смыслы, рекомендуемые, конституирующие стандарты и модели жизнедеятельности, процедуры поддержания и регулирования процесса. По большому счету локальное сообщество, направляя определенные усилия для сохранения своей идентичности, стремится к стабилизации традиционности, самобытности, обеспечению устойчивого развития. В этом значении социокультурная идентичность выступает организатором, мотиватором и регулятором процессов жизнедеятельности локальностей. Заметим, что обозначающиеся прагматические тенденции в развитии социокультуры не заменяют комплекс традиционной социокультурной конструкции.

В целом социокультурная идентичность представляется уникальной, специфической характеристикой локальностей, выполняющей адаптационно-эвристическую, аксиологически-мотивационную, регулятивно-интеграционную функции, способствующие сбережению, поддержанию, развитию и регуляции социокультурного пространства, совершенствованию социокультурной среды локальных сообществ.

С нашей точки зрения, социокультурная идентичность определяется, выстраивается в некотором пространстве, «месторазвитии», служащим важным фактором становления культуры и социальности. Социокультурная идентичность выступает интегрирующим условием развития локальностей. Функционально социокультура представляется одной из фундаментальных конструкций жизнедеятельности локальных сообществ и опорным механизмом управления, испытывает необходимость в стимулировании и воспроизводстве функциональных норм, ценностей и смыслов, детерминирующих жизнедеятельность локальностей. Функции идентичности тесно взаимосвязаны и получают объективацию в морали, религии, в художественной культуре, науке и праве.

Заключение. Алгоритмы глобализации концептуально определяют практику взаимосвязей и взаимоотношений глобализации и локальной социокультуры как основополагающий критерий развития локальных сообществ, что в условиях переходного периода провоцирует дезорганизацию социокультурных институтов и кризисные явления в культуре и социальности. В масштабах глобализационных пристрастий к инклюзии,

универсализму, единообразию интеграционные тенденции оказывают нивелирующее воздействие на сохранение традиционных ценностей локальных сообществ, с заменой на принципы социокультурного единообразия западного образца. В этом смысле интеграционные процессы глобализации расшатывают сбалансированное состояние локальностей, провоцируя дезинтегративные тенденции в локальных социокультурах, обуславливая дихотомическое состояние и аномию локальностей.

Социокультурная интеграция в рамках адаптивно-ценностного императива определяет интегральную задачу, заключающуюся в урегулировании конфликтогенных ситуаций в условиях социально-экономической поляризации и социокультурного неравенства.

Нависающие вызовы ценностного столкновения локальностей и глобалистического объяснения перспектив будущего мировой цивилизации ставит вопрос об определении места локальных сообществ, локальных социокультур в мировом социокультурном пространстве, задавая модель выживания локальных социокультурных идентичностей.

Список литературы / References

Бек, У. (2003). Космополитическое общество и его враги. *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 6. № 1. С. 24-53.

Beck, U. (2003). The Cosmopolitan Society and its Enemies. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 6. No. 1. Pp. 24-53. (In Russ.)

Бугайчук, Т. В., Доссэ, Т. Г. (2013). Идентичность как объект исследования социальных наук. *Ярославский педагогический вестник*. Т. 2. № 3. С. 212-217.

Bugaichuk, T. V., Dosse, T. G. (2013). Identity as an Object of Social Sciences Research. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. Vol. 2. No. 3. Pp. 212-217. (In Russ.)

Гончаров, В. Н., Попова, Н. А. (2015). Духовно-нравственные ценности в системе общественных отношений. *Фундаментальные исследования*. № 2-7. С. 1566-1569.

Goncharov, V. N., Popova, N. A. (2015). Spiritual and Moral Values in the System of Public Relations. *Fundamental Research*. No. 2-7. Pp. 1566-1569. (In Russ.)

Ерофеева, И. В. (2009). Аксиология медиатекста в российской культуре: репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 340 с.

Erofeeva, I. V. (2009). *The Axiology of Media text in Russian Culture: The Representation of Values in Journalism at the Beginning of the 21st Century*. Novosibirsk. 340 p. (In Russ.)

Кара-Мурза, С. Г. (2007). *Демонтаж народа*. М.: Алгоритм. 704 с.

Kara-Murza, S. G. (2007). *Dismantling of the People*. Moscow. 704 p. (In Russ.)

Луман, Н. (2006). *Дифференциация*. М.: Логос. 320 с.

Luhmann, N. (2006). *Differentiation*. Moscow. 320 p. (In Russ.)

Попов, В. А. (2019). Введение: неотрадиционализм и архаический синдром. *Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации*. Ред. В. В. Бочаров, В. А. Попов. СПб.: Центр информатизации образования «КИО». С. 6-11.

Popov, V. A. (2019). Introduction: Neotraditionalism and the Archaic Syndrome. In Bocharov, V. V., Popov, V. A. (eds.). *Neotraditionalism: An Archaic Syndrome and the Construction of a New Sociality in the Context of Globalization Processes*. St. Petersburg. Pp. 6-11. (In Russ.)

Тишков, В. А. (2021). *Национальная идея России*. М.: АСТ. 416 с.

Tishkov, V. A. (2021). *The National Idea of Russia*. Moscow. 416 p. (In Russ.)

Тхагапсоев, Х. Г., Мосолова, Л. М., Леонов, И. В., Соловьева, В. Л. (2016). *Идентичность как навигатор сознания*. СПб.: Астерион. 170 с.

Tkhagapsoev, H. G., Mosolova, L. M., Leonov, I. V., Solovyova, V. L. (2016). *Identity as a Navigator of Consciousness*. St. Petersburg. 170 p. (In Russ.)

Фомичева, Т. В., Катаева, В. И. (2019). Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики. *Уровень жизни населения регионов России*. № 2. С. 80-84.

Fomicheva, T. V., Kataeva, V. I. (2019). The Values of Russians in the Context of the Digitalization of the Russian Economy. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. No. 2. Pp. 80-84. (In Russ.)

Фукуяма, Ф. (2019). *Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия*. М. 256 с.

Fukuyama, F. (2019). *Identity. The Desire for Recognition and the Policy of Rejection*. Moscow. 256 p. (In Russ.)

Шмаков, В. С. (2023). Тенденции трансформации социокультурного пространства Евразии. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С. 149-161. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.149-161.

Shmakov, V. S. (2023). Trends in the Transformation of the Socio-Cultural Space of Eurasia. *Respublica Literaria*. Vol. 4. No. 3. Pp. 149-161. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.149-161. (In Russ.)

Шмаков, В. С. (2025). Матрица социокультурной идентичности локальных сообществ. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 2. С. 170-182. DOI: 10.47850/RL.2025.6.2.170-182.

Shmakov, V. S. (2025). The Matrix of Socio-Cultural Identity of Local Communities. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 2. Pp. 170-182. DOI: 10.47850/RL.2025.6.2.170-182. (In Russ.)

Brigevich, A. (2012). Peeling Back the Layers: Territorial Identity and EU Supporting Spain. *Regional & Federal Studies* Vol. 22. No. 2. Pp. 205-230.

Chen, N., Dwyer, L., Firth, T. (2014). Conceptualization and Measurement of Dimensionality of Place Attachment. *Tourism Analysis*. Vol. 19. No. 3. Pp. 323-338. DOI: <http://dx.doi.org/10.3727/108354214X14029467968529>.

Curran, S. R. (2020). Global Perspectives on Social Institutions, Organizations, and Relations: Beyond Universalisms and Internationalisms. *Global Perspectives*. Vol. 1. No. 1. Pp. 13410. DOI: <https://doi.org/10.1525/gp.2020.13410>.

Giddens, A. (2003). *Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives*. New York. Routledge. 292 p.

Hitlin, S. (2011). Values, Personal Identity, and the Moral Self. In Schwartz, S. J., Luyckx, K, Vignoles, V. L. (eds.). *Handbook of Identity. Theory and Research*. New York, NY, US. Springer Science + Business Media. Pp. 515-529. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_20

Korstanje, M. E. (2015). *A Difficult World: Examining the Roots of Capitalism*. New York. Nova Science Publishers. 72 p.

Robertson, R. (1995). Globalization. In Featherstone, M., Lash, S., Robertson, R. (eds.). *Global Modernities*. London. SAGE Publications Ltd. 292 p.

Ross, L., Greene, D., House, P. (1977). The False Consensus Effect: An Egocentric Bias in Social Perception and Attribution Processes. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 13. No. 3. Pp. 279-301.

Stephan, W. G., Renfro, C. L. (2002). The Role of Threats in Intergroup Relations. In Mackie, D. M., Smith, E. R. (eds.). *From Prejudice to Intergroup Emotions: Differentiated Reactions to Social Groups*. New York. Psychology Press. Pp. 191-208.

Сведения об авторе / Information about the author

Шмаков Владимир Сергеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vsshmakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>.

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025

После доработки: 20.08.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Shmakov Vladimir – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: vsshmakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>.

The paper was submitted: 27.06.2025

Received after reworking: 20.08.2025

Accepted for publication: 15.09.2025

ПРАВО

УДК 347.78

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ОХРАНЯЕМЫХ АВТОРСКИМ ПРАВОМ, ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ДОКТРИНЫ ДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

А. Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
artemova-an-1991@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу знакового определения Окружного суда США (Северный округ Калифорнии) по делу Bartz et al. v. Anthropic PBC (2025), ставшего первым прецедентом всесторонней оценки применения доктрины добросовестного использования (fair use) в отношении практики обучения больших языковых моделей на материалах, охраняемых авторским правом. На основе детального разбора аргументации суда автор демонстрирует, где проходит граница правомерности использования данных: использование объектов авторского права для обучения искусственного интеллекта и создание цифровой библиотеки путем оцифровки легально приобретенных книг было признано добросовестным использованием, в то время как использование пиратских копий для создания такой библиотеки – недобросовестным использованием. Целью данной статьи является анализ ключевых правовых позиций, сформулированных судом в данном определении, их значения для понимания эволюции доктрины добросовестного использования в цифровую эпоху и практических последствий для разработчиков искусственного интеллекта и авторов произведений.

Ключевые слова: доктрина добросовестного использования, авторское право, искусственный интеллект, большие языковые модели, машинное обучение, преобразующий характер.

Для цитирования: Артемова, А. Н. (2025). Использование произведений, охраняемых авторским правом, для обучения искусственного интеллекта: новый этап развития доктрины добросовестного использования. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С. 136-143. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.136-143.

USING COPYRIGHTED WORKS TO TRAIN ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF THE FAIR USE DOCTRINE

A. N. Artemova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
artemova-an-1991@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the landmark order of the US District Court (Northern District of California) in the case of Bartz et al. v. Anthropic PBC (2025), which became the first precedent for a comprehensive assessment of the application of the fair use doctrine in relation to the practice of training large language models on copyrighted materials. Based on a detailed analysis of the court's reasoning, the author demonstrates where the line of legality for using data lies: using copyrighted objects to train artificial intelligence and to create a digital library by digitizing legally acquired books was recognized as fair use, while using pirated copies to create such a library was considered unfair use. The purpose of this article is to analyze the key legal positions formulated by the court in this order, their significance for understanding the evolution of the fair use doctrine in the digital age and the practical consequences for artificial intelligence developers and authors of works.

Keywords: fair use doctrine, copyright, artificial intelligence, large language models, machine learning, transformative nature.

For citation: Artemova, A. N. (2025). Using Copyrighted Works to Train Artificial Intelligence: A New Stage in the Development of the Fair use Doctrine. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 136-143. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.136-143.

Стремительное развитие генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ) требует обучения больших языковых моделей (LLM) на колоссальных массивах текстовых данных. Лучшими источниками таких данных признаны книги [Артемова, 2024, с. 185]. Однако авторско-правовая охрана литературных произведений накладывает определенные ограничения на их использование без согласия правообладателей. Это ставит перед правом фундаментальный вопрос: при каких условиях использование охраняемых авторским правом произведений для обучения ИИ является законным?

Для ответа на это вопрос в США используется доктрина добросовестного использования (fair use), впервые сформулированная в 1841 г. в деле *Folsom v. Marsh*¹. В упрощенном виде доктрина предусматривает возможность свободного использования объектов авторского права, если такое использование является разумным, что позволяет быстро адаптироваться к развитию технологий, появлению новых способов использования произведений, потребностям общества и т. д. [Калятин, 2013, с. 137]. Первоначально доктрина существовала в рамках «общего права» (common law), позднее получила закрепление в законе [Луткова, 2016, с. 187].

Каждый случай предполагаемого добросовестного использования анализируется судом индивидуально на основе четырех факторов, перечисленных в статье 107 Закона США об авторском праве 1976 г.²:

- 1) цель и характер использования (является ли использование коммерческим или некоммерческим; является ли использование «преобразующим»);
- 2) природа охраняемого произведения (насколько высок уровень творчества в использованном произведении);
- 3) объем и существенность использованной части (было ли использовано небольшое количество материала по отношению ко всему произведению; была ли использована существенная часть – самая важная, узнаваемая или ценная часть произведения);
- 4) влияние использования на потенциальный рынок или стоимость произведения (наносит ли использование ущерб текущему или потенциальному рынку оригинального произведения, заменяет ли покупку оригинала; может ли такое использование подорвать новые рынки для правообладателя).

Таким образом, fair use – это гибкая доктрина, позволяющая судам на основе анализа четырех факторов разрешать ограниченное, социально полезное использование чужого авторского контента без разрешения, когда это служит целям свободы слова, образования, критики, инноваций и прогресса, не нанося при этом неоправданного ущерба интересам правообладателя.

¹ *Folsom v. Marsh*, 9 F. Cas. 342. (1841). [Online]. Available at: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/massachusetts/madce/9fcas342/4104271/220/no-4.html> (Accessed: 05 August 2025).

² U. S. Code Title 17 – Copyrights. Legal Information Institute. Cornell Law School. [Online]. Available at: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/> (Accessed: 05 August 2025).

Основой, «сердцем» доктрины добросовестного использования выступает идея преобразующего использования, добавляющего новую ценность к оригиналу. Преобразующим признается такое использование, которое добавляет новое значение, сообщение, функцию или выражение к исходному произведению (например, пародия, критика, комментарий, создание мема, цитирование в научной работе), обладает свойством «трансформации». «Свойство трансформации подтверждается в том случае, если будет установлено, что использование копируемого произведения соответствует цели Закона 1976 г. – стимулированию творческого обогащения общества» [Луткова, 2016, с. 187]. Чем более преобразующим является использование, тем больше вероятность признания его добросовестным. Если использование преобразует оригинал, придавая ему новое значение, это сильно склоняет чашу весов в пользу признания его добросовестным, даже если другие факторы (например, коммерческий характер) говорят против [Ворожевич, 2019, с. 45].

Как справедливо отмечает В. О. Калятин, «законодательство об авторском праве находится в начале нового этапа своего развития – этапа глобального использования произведений в цифровой форме» [Калятин, 2013, с. 137]. Как следствие, доктрина добросовестного использования должна адаптироваться к новым потребностям общества – потребностям в развитии технологии ИИ.

23 июня 2025 г. Окружной суд США (Северного округа Калифорнии) вынес определение в порядке упрощенного производства по делу Bartz et al. v. Anthropic PBC, ставшее первым судебным решением, в котором дан ответ на вопрос о том, является ли добросовестным использование произведений, охраняемых авторским правом, для обучения искусственного интеллекта.

Фабула дела Bartz et al. v. Anthropic PBC была такова. Ответчик – компания Anthropic, основанная в январе 2021 г. бывшими сотрудниками OpenAI, разрабатывает программное обеспечение на основе искусственного интеллекта. Ключевой продукт компании – ИИ-сервис Claude, анализирующий текстовые запросы пользователей и генерирующий ответы, имитирующие человеческое общение. Первая публичная версия Claude была представлена в марте 2023 г., за ней последовало шесть обновлений. Хотя базовое использование Claude бесплатно, компания получает основной доход от платных подписок.

Возможности Claude обеспечиваются крупными языковыми моделями, обученными на обширной корпоративной цифровой библиотеке текстовых данных. С целью создания такой библиотеки Anthropic в период с 2021 по 2022 гг. осуществила массовую загрузку нескольких миллионов охраняемых авторским правом книг в цифровом формате с пиратских интернет-ресурсов (Books3, LibGen, PiLiMi). Впоследствии (в 2024 г.) Anthropic стала приобретать печатные книги (включая б/у), с которых снимала переплеты, сканировала каждую страницу и сохраняла полученные цифровые копии в формате, доступном для полнотекстового поиска. После чего оригинальные печатные экземпляры уничтожались.

Именно из этой сформированной цифровой библиотеки компания впоследствии отбирала различные наборы оцифрованных книг для обучения разрабатываемых ею крупных языковых моделей, которые являются основой ИИ-сервиса Claude. Среди использованных без разрешения правообладателей произведений оказались книги истцов. Авторы, подавшие иск о нарушении авторских прав: Андреа Бартц, Чарльз Гребер и Кирк Уоллес Джонсон.

В рамках упрощенного судебного производства ключевой вопрос заключался в следующем: подпадает ли любое из способов использования спорных произведений компанией под критерии добросовестного использования (fair use) в соответствии со статьей 107 Закона об авторском праве США. Для анализа суд выделил следующие способы использования, которые рассмотрел в отдельности:

- 1) использование произведений для обучения ИИ;
- 2) создание цифровой библиотеки путем оцифровки легально приобретенных книг;
- 3) создание цифровой библиотеки на основе пиратских копий.

Суд установил, что цель и характер *использования произведений для обучения ИИ* носят в высшей степени преобразующий характер. Цель обучения – выявление статистических закономерностей и паттернов для генерации оригинального текста – носит принципиально иной характер по сравнению с выразительной целью оригинальных произведений.

Что касается характера произведения, тот факт, что ответчик использовал художественную литературу, содержащую элементы выразительности и охраняемую авторским правом в максимальной степени, свидетельствует не в пользу добросовестного использования. Однако данный фактор не является ключевым и не перевешивает трансформативную природу использования.

Анализ объема и существенности использованной части показал, что для обучения использовались произведения истцов целиком. Однако копирование полных текстов книг было признано судом необходимым для достижения заявленной трансформативной цели – эффективного обучения больших языковых моделей, требующего огромных объемов данных для выявления лингвистических паттернов. Произведения истцов не использовались как обычные книги, а результаты Claude, получаемые на выходе, не воспроизводят оригиналы.

Наконец, анализируя четвертый фактор (влияние на потенциальный рынок/ценность произведения), суд не обнаружил доказательств того, что выводы, генерируемые Claude, прямо конкурируют с оригинальными произведениями истцов или замещают их на рынке. Поскольку фильтры Anthropic предотвращают генерацию точных копий или производных работ, Claude не воспроизводит охраняемые элементы конкретных произведений. Копии произведений, использованные для обучения конкретных LLM, не вытесняли и, согласно имеющимся данным, не будут вытеснять спрос на оригинальные произведения истцов. Усвоение общих принципов (грамматика, композиция) из тысяч текстов – закономерно точно так же, как и человеческое обучение. Требовать лицензий за использование книги в процессе обучения (как человеком, так и ИИ) абсурдно: это подорвало бы саму идею образования и творчества.

Основной же аргумент истцов о том, что обучение LLM якобы спровоцирует «взрывной рост» работ, конкурирующих с их произведениями, например, путем генерации альтернативных кратких изложений реальных событий или альтернативных образцов прозы о вымышленных событиях, был отклонен судом. Суд подчеркнул, что подобная жалоба по своей сути аналогична возражению против обучения школьников грамотному письму из опасений, что это увеличит число потенциальных конкурентов-авторов. Такого рода опасения не относятся к сфере интересов, охраняемых Законом об авторском праве. Цель закона – стимулировать создание оригинальных авторских работ, а не защищать отдельных авторов от конкуренции как таковой.

Представляет интерес аргумент истцов о том, что Anthropic лишила их возможности лицензировать свои произведения для узкоспециальной цели обучения систем ИИ. Anthropic, в свою очередь, возражает, что транзакционные издержки таких лицензионных соглашений превысили бы любую потенциальную выгоду для компании, что могло бы вынудить ее либо отказаться от работы с правообладателями, либо вовсе прекратить разработку технологии. Хотя негативное воздействие на рынок лицензий, когда использование произведения дестимулирует заинтересованных лиц к получению лицензии у правообладателя, относится к факторам, препятствующим признанию такого использования добросовестным [Ворожевич, 2019, с. 47], в данном случае суд встал на сторону ответчика. Суд указал, что, хотя потенциально такой рынок действительно мог бы развиваться, Закон об авторском праве не предоставляет авторам исключительного права контролировать такого рода «мета-использование» (использование произведений в качестве «сырья» для развития технологий, а не для их традиционного потребления).

Таким образом, суд пришел к выводу, что использование охраняемых авторским правом книг для непосредственного обучения больших языковых моделей на легально приобретенных копиях подпадает под доктрину добросовестного использования.

Далее предметом исследования выступило *создание цифровой библиотеки путем оцифровки легально приобретенных книг*. В результате анализа первого фактора суд пришел к выводу о том, что цель и характер использования произведения были преобразующими. Замена формата (из печатного в цифровой) для удобства хранения и поиска внутри корпоративной библиотеки признана трансформативной. Суд опирался на доктрину первой продажи, дающую владельцу законной копии право распоряжаться ею. Так как Anthropic приобрела свои печатные экземпляры легально, с момента покупки она получила право распоряжаться каждой копией по своему усмотрению. Каждая купленная печатная копия была скопирована для экономии места и обеспечения возможности поиска в цифровом формате, а печатный оригинал был уничтожен. В деле также отсутствовали данные о том, что Anthropic распространяла цифровые копии за пределами своей компании. В данном случае имела место замена формата (физической формы выражения произведения) без изменения содержания произведения. Таким образом, изменение формата Anthropic с печатных библиотечных копий на цифровые являлось преобразовательным в соответствии с первым фактором добросовестного использования.

При этом суд отверг аргумент Anthropic о том, что оцифровка для создания цифровой библиотеки была неотъемлемой частью использования произведений для обучения LLM и, следовательно, преобразующим использованием. Вместо этого суд указал, что само по себе преобразование печатной книги в цифровой файл для экономии места и обеспечения возможности поиска было преобразующим уже по этой причине. Следовательно, к цифровой копии следует относиться так же, как если бы купленная печатная копия была размещена в библиотеке.

Второй фактор, как и в случае с использованием для обучения, не свидетельствует в пользу добросовестного использования, но не является решающим сам по себе.

В отношении третьего фактора суд признал копирование полного текста необходимым для достижения заявленной функциональной цели – создания полноценной цифровой замены физического экземпляра.

Анализ четвертого фактора показал отсутствие ущерба для истцов в результате оцифровки печатных книг, поскольку оригинальные печатные копии уничтожались после оцифровки, а цифровые копии использовались исключительно внутри компании без распространения третьим лицам или создания общедоступной базы. В результате оцифровка печатных книг с произведениями истцов не привела к созданию дополнительных общедоступных экземпляров, способных заместить оригиналы на рынке.

Таким образом, оцифровка легально приобретенных печатных книг для внутренних корпоративных целей (архивация, поиск) при соблюдении условий уничтожения оригиналов и отсутствия внешнего распространения защищена доктриной добросовестного использования как функциональное преобразование формата (format shifting).

Напротив, попытка Anthropic обосновать *создание цифровой библиотеки из пиратских копий* книг как добросовестное использование только на том основании, что некоторые из них в конечном итоге будут использованы для обучения больших языковых моделей, была отклонена судом по следующим причинам.

Исследуя первый фактор, суд установил, что создание пиратской библиотеки без оплаты является прямой коммерческой заменой легальному рынку книг и лицензий. Цель создания самой библиотеки (накопление контента) не была признана трансформативной.

Как и в двух предыдущих случаях второй фактор говорит против признания использования добросовестным: использованные произведения (книги) являются творческими и опубликованными, что усиливает их авторско-правовую охрану.

Что касается третьего фактора, практика массового копирования миллионов книг целиком, без законных оснований, была признана чрезмерной и не соответствующей принципам добросовестного использования.

Наконец, анализ влияния на рынок показал, что создание и использование такой библиотеки наносит значительный ущерб правообладателям, лишая их доходов от продаж книг и заключения лицензионных соглашений, ведь каждая украденная копия напрямую замещает легальную покупку. Если бы такая практика стала нормой, это разрушило бы издательский рынок.

Принципиально важное значение имеет позиция суда о том, что скачивание исходных копий с пиратских сайтов не может быть оправдано последующим добросовестным использованием. Fair use не оправдывает первоначальную кражу контента, даже если позже он используется в трансформативных целях (обучение ИИ). Не в пользу Anthropic сыграло также и то, что компания отказалась раскрыть информацию о составе наборов данных для обучения ИИ и продолжала хранить неиспользуемые копии произведений «на всякий случай».

По результатам оценки четырех факторов суд установил, что создание и хранение пиратской цифровой библиотеки не является добросовестным использованием независимо от того, в каких целях использовались нелегальные копии произведений из такой библиотеки³.

Определение по делу Bartz et al. v. Anthropic PBC знаменует собой новый этап в развитии доктрины добросовестного использования, представляя собой адаптацию к вызовам эпохи искусственного интеллекта, и имеет важное значение для развития отрасли

³ Bartz et al. v. Anthropic PBC. United States District Court. Northern District of California. Order on Fair Use (2025). [Online]. Available at: https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cand.434709/gov.uscourts.cand.434709.231.0_4.pdf (Accessed: 05 August 2025).

ИИ. Судом предложен сбалансированный подход, признающий инновационный и трансформативный характер непосредственно обучения LLM на авторских материалах, но устанавливающий четкие правовые границы на этапе сбора и первоначального хранения данных. Ключевой вывод определения суда можно сформулировать следующим образом: технологический прогресс (ИИ) не отменяет необходимость уважать права авторов произведений на этапе сбора данных.

Выводы, сформулированные в определении, можно считать своего рода инструкцией для индустрии ИИ: обучение ИИ на произведениях соответствует критериям доктрины добросовестного использования при условии законности полученного доступа к ним. Участники отрасли должны четко понимать, что использование пиратского контента недопустимо и влечет серьезную ответственность, независимо от трансформативности конечной цели. Создание цифровых библиотек для обеспечения ИИ обучающими наборами данных является добросовестным использованием при соблюдении следующих условий: законность приобретения экземпляров произведений, уничтожение печатного оригинала после оцифровки, отсутствие последующего распространения цифровых копий.

Несмотря на то, что доктрина добросовестного использования применяется только в США, в странах романо-германской правовой семьи существует ее аналог – перечневый подход к определению случаев, когда произведения могут быть свободно использованы без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения. Оба подхода схожи по своей сути: «... как доктрина добросовестного использования, так и конкретный перечень случаев свободного использования устанавливают содержательные границы исключительного права – способы использования объекта авторского права, на которые не распространяется господство правообладателя» [Ворожевич, 2019, с. 44].

В России перечень случаев свободного использования установлен в статьях 1273-1279 Гражданского кодекса РФ. Однако ни один из случаев свободного использования произведений, установленных законом, не предусматривает возможности использования произведений для обучения ИИ. При этом устранение необоснованных нормативно-правовых ограничений для разработки отечественных больших генеративных моделей (в том числе создание возможностей для обучения больших генеративных моделей на больших массивах информации) является одним из основных направлений создания комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, и обеспечения безопасности применения таких технологий в РФ⁴.

В этой связи принципиально важным является дополнение случаев свободного использования произведений, охраняемых авторским правом, таким способом использования, как интеллектуальный анализ, в целях обучения искусственного интеллекта. Данная новелла будет соответствовать как общемировым тенденциям развития авторского права, так и особенностям национальной правовой системы; отвечать потребностям развития технологии искусственного интеллекта и национальным интересам Российской Федерации.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124). П. 175. [Электронный ресурс]. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/2> (дата обращения: 18.07.2024).

Список литературы / References

Артемова, А. Н. (2024). Использование объектов авторского права в машинном обучении: в поисках баланса интересов правообладателей и общества. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 3. С. 184-194.

Artemova, A. N. (2024). Use of Copyright Works in Machine Learning: Search for a Balance of Interests of Copyright Holders and Society. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 3. Pp. 184-194. (In Russ.)

Ворожевич, А. С. (2019). Доктрина добросовестного использования в сфере авторского права. *Хозяйство и право*. № 10. С. 41-61.

Vorozhevich, A. S. (2019). The Doctrine of Fair Use in the Sphere of Copyright. *Business and Law*. No. 10. Pp. 41-61. (In Russ.)

Калятин, В. О. (2013). О некоторых тенденциях в развитии концепции «добросовестного использования» в современном авторском праве стран «общего права». *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 3. С. 136-150.

Kalyatin, V. O. (2013). On Some Trends in the Development of the Concept of Fair Use in Modern Copyright Law of Common Law Countries. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 3. Pp. 136-150. (In Russ.)

Луткова, О. В. (2016). Доктрина добросовестного использования произведений в современном авторском праве США. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 186-199.

Lutkova, O. V. (2016). The Fair use Doctrine in Modern US Copyright Law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 2. Pp. 186-199. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Артемова Анастасия Николаевна – кандидат юридических наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: artemova-an-1991@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 15.08.2025

После доработки: 08.09.2025

Принята к публикации: 20.09.2025

Artemova Anastasiia – Candidate of Juridical Sciences, Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: artemova-an-1991@yandex.ru.

The paper was submitted: 15.08.2025

Received after reworking: 08.09.2025

Accepted for publication: 20.09.2025

УДК 130.2

**РИМСКОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.**

С. В. ЗыковИнститут философии и права СО РАН,
Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
ZykovSV@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье рассматривается отношение к римскому частному праву в общественно-философской мысли конца XVIII – начала XX вв. Анализируются как первоисточники, так и современная специальная литература. Выявлено, что реальность сложнее гипотезы, которую можно было дедуктивно выдвинуть о безусловно положительном отношении к римскому праву у «западников» и безусловно отрицательном у «славянофилов». Исключительно негативно оно воспринималось в рассматриваемый период только марксистскими и анархистскими мыслителями.

Ключевые слова: римское право, русская философия, славянофилы, западники, марксизм.

Для цитирования: Зыков, С. В. (2025). Римское частное право в отечественной общественно-философской мысли конца XVIII – начала XX вв. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 3. С. 144-153. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.144-153.

**ROMAN PRIVATE LAW IN DOMESTIC SOCIAL-PHILOSOPHICAL THOUGHT
OF THE LATE 18TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES**

S. V. ZykovInstitute of Philosophy and Law SB RAS,
Novosibirsk national research state University (Novosibirsk)
ZykovSV@yandex.ru

Abstract. The article examines the attitude to Roman private law in the socio-philosophical thought of the late 18th – early 20th centuries. Both primary sources and modern specialized literature are analyzed. It is revealed that reality is more complex than the hypothesis that could be deductively put forward about the unconditionally positive attitude to Roman law among the “Westerners” and the unconditionally negative attitude among the “Slavophiles”. It was perceived exclusively negatively, in the period under consideration, only by Marxist and anarchist thinkers.

Keywords: Roman law, Russian philosophy, Slavophiles, Westerners, Marxism.

For citation: Zykov, S. V. (2025). Roman Private Law in Domestic Social-Philosophical Thought of the late 18th – beginning of the 20th centuries. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 3. Pp. 144-153. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.144-153.

Частное римское право является одним из основополагающих элементов современной европейской цивилизации, к которой, пусть с некоторыми оговорками, относится и Россия. С другой стороны, для нашей страны XIX в. является (не претендуя на точное использование

понятия Карла Ясперса) «осевым»: он сформировал смыслообразующие парадигмы, в которых мы продолжаем находиться. Разумеется, любая периодизация условна, в данном случае к указанному веку примыкает и конец предшествующего, и начало следующего.

Справочно обрисуем ситуацию с римским правом в отечественной системе права и образования.

В доимперский период положения римского права, выраженные в Своде Юстиниана, реципировались в нашу систему права через посредство византийских правовых источников, прежде всего Эклоги и Прохирона, которые были переведены на русский и входили в состав кормчих книг под наименованиями «Леона царя премудрого и Константина главизны» и «Закон градский» соответственно. Отдельные положения находили закрепление в собственно российских правовых актах, особенно наглядно это просматривается в Уложении 1649 г. Проблема осмысления классического римского права в контексте новых реалий: освобождение от архаичных норм и институтов, адаптация к христианству (прежде всего семейного права) была актуальной для византийских юристов и законодателей, но не стояла перед отечественным правом, которое получало уже готовый результат. Единственная научная работа, переведенная на русско-славянский язык допетровского периода, “*Iuris Graeco-Romani*” Леунклавия (1653 г.), как предполагается, в связи с появлением печатного издания Кормчей книги [Энгельман, 1857, с. 27], посвящена не классическому римскому праву, а праву византийскому, вероятно, в связи с невозможностью непосредственного обращения к нему после падения Византии (Ромейской империи).

Как известно, при Петре I произошел радикальный культурный разворот в сторону западноевропейской культурной парадигмы. Классическое римское право стало включаться в программу образования, так его изучение было предусмотрено при учреждении Московского университета (1755 г.), в XIX в. оно изучалось во всех университетах (или как самостоятельный предмет, или составляя преобладающую часть таких курсов, как гражданское право древнейших народов, энциклопедии права и т. п.) и было закреплено в рамках унификации университетского преподавания 1835 г., введившей отдельный обязательный курс [Неволин, 1857а, с. 633-639]. Более того, изучение римского права фактически входило в систему среднего неспециализированного образования [Неволин, 1857b, с. 34]. Таким образом, классическое римское право, выйдя за пределы собственно юридического образования, стало частью культурного кода эпохи.

В рассматриваемый период римское право изучалось не только самостоятельно, его положения включались непосредственно в курсы российского права. Первым трудом этого рода является работа А. А. Артемьева (1777 г.), которую следует считать первым учебным пособием по российскому частному праву, рассматриваемому в сравнении с правом римским. В частности, характеризуя договорное регулирование (например, ссуды), автор дает его определение по римскому праву, затем обозначает особенности его регулирования по российским законам [Артемьев, 1777, с. 86-87]; по аналогичной схеме характеризуются другие договоры. Такую же модель мы можем проследить у авторов последующих учебных пособий по гражданскому праву уже XIX в.: Д. И. Мейера, К. П. Победоносцева, К. Н. Анненкова и др. Фактически эмансипация российского гражданского права от римского произошла лишь начиная с момента издания в 1917–1918 гг. учебника В. И. Синайского, поскольку к этому времени сформировалась собственно российская судебная практика и доктрина гражданского права.

Пожалуй, первым в России (1768 г.) писал о римском праве последователь Д. Юма С. Е. Десницкий, отмечавший, что натуральная юриспруденция состоит из двух частей: «казуистической» и «почти полностью выработанной из римских прав», последние следует преподавать, поскольку «кроме системы римских законов другой столь подробной и полной еще нигде не обретается» [Десницкий, 1990, с. 38-39]. С другой стороны, С. Е. Десницкий отмечал, что если в одних государствах (германских) римское право является действующим, то в других (приводя в пример Англию) – его «столько возненавидели, что оной и учиться неоднократно запрещено было». Причину последнего он видел в реакции на внедрение его католической церковью для монополизации ею правоприменения [Десницкий, 1768, с. 23]; очевидно, на взглядах сказалась официальная позиция властей Великобритании, в университете которой он обучался.

С точки зрения последующего XIX в. С. Е. Десницкого отнесли бы к «западникам». Такие установки естественным образом формировались заимствованной системой образования и преобладали, в частности, среди юристов.

В своей речи «Значение римского права для русских юристов» Н. Л. Дювернуа, обращаясь к опыту Германии, отмечал, что формирование в ней науки права стало возможным только в результате прохождения «школы римской юриспруденции», и указывал, что в отрицании последнего «отразились слабые стороны исторической школы», впоследствии ею преодоленные [Дювернуа, 1872, с. 13-14.]. Сам Н. Л. Дювернуа явно разделял взгляды основоположника «юриспруденции интересов» Рудольфа фон Иеринга, для которого римское право имело безусловно универсальное значение. Именно в римском праве «полнейшим образом исторически реализовалась отвлеченная идея права», в результате чего «сама наука права становится в теснейшую связь с изучением римского права» [Там же, с. 20-21]. Идеальный посыл автора очевиден: в целях развития российского права целесообразно повторение германского пути изучения и восприятия римского права.

Известный правовед А. М. Гуляев в самом конце XIX в. также отмечал, что высокий уровень развития французской и немецкой цивилистики обусловлены тем, что они прошли «единственную цивилистическую школу – школу римского права», с другой стороны, в отечественном праве нельзя не увидеть следов римского права и в дальнейшем это влияние только возрастает [Гуляев, 1894, с. 4-6]. Следует отметить, что «европоцентризм» А. М. Гуляева оказывается существенно сглаженным пониманием значения развития римского права в византийской форме. В целом подход исследователя достаточно сбалансирован: «... нашим лозунгом при изучении русского права должна быть полная самостоятельность, с усвоением только тех методов, которые завещаны культурным народам римским правом, которое ныне не составляет достояния какого-либо одного народа» [Там же, с. 15-16].

Таким образом, в среде специалистов римское право получило, в конечном итоге, вполне сбалансированную оценку, но как оно воспринималось в целом в общественном сознании?

К классикам западничества принято относить историка-медиевиста Т. Н. Грановского. У него обнаруживается лишь беглое упоминание о римском праве как о противостоящем феодальному началу во Франции (помогающему «убить феодальную неправду») и «местным и своенравным обычаям», а также об аналогичности ситуации в других средневековых западноевропейских государствах [Грановский, 1900, с. 273-275, 395].

Т. Н. Грановский уделял минимальное внимание праву в отличие от его ученика Б. Н. Чичерина. В своих построениях философии права последний неоднократно опирался на общие теоретические положения римских юристов, в частности, касающиеся связи права и справедливости, идей равенства [Чичерин, 1900, с. 94-95, 96, 101], а также на решение ими частных вопросов, производных от общих начал, например, определение судьбы плодов в зависимости от добросовестности владельца (несобственника), выводимое из принципа о справедливости [Чичерин, 1900, с. 127]. Римское право (в контексте «торжества» собственности) оценено исследователем как «результат всей древней истории»; свободная собственность, установленная римским правом «есть идеал гражданского порядка» [Там же, с. 137-138].

У более позднего западника – историка права и правоведа К. Д. Кавелина – просматривается определенный скептицизм по отношению к римскому праву, которое применительно к Западной Европе он обозначает как одно из «стародавних преданий ..., давно потерявших всякий смысл» [Кавелин, 1878, с. 20]. Выстраивая свою систему гражданского права (заметим, в последующем не получившую признания), он критикует римское деление права на частное и публичное, как не соответствующее современным реалиям [Кавелин, 2013, с. 543], да и в остальном российскому законодателю, «расставшись с ложным убеждением, будто нет и не может быть других начал гражданского права, кроме римских или европейских», следует обратиться к практике общинного землевладения, а также к народным обычаям совершения и исполнения сделок [Там же, с. 676, 904]. На основании личного опыта найма прислуги, которая проявила необязательность, К. Д. Кавелин делает вывод, что работники «о римском праве не имеют ни малейшего понятия» и «святость контракта ... не существует даже по имени» [Там же, с. 676, 900]. Заметим, что систематические исследования обычного права этого вывода не подтверждали. Так, в работе С. В. Пахмана отмечаются основания прекращения договора найма истечением срока его действия, выполнением предусмотренных услуг, болезнью работника, нарушением одной из сторон, которое влечет взыскания [Пахман, 1877, с. 218-220].

При характеристике рассматриваемой эпохи нельзя не сказать о славянофильстве. Согласно оценке И. Д. Осипова, «Хомяков пишет об отсутствии в России начал римского права и о том, что западная контрактная система права порождена конфликтом ..., по его мнению, римское право противопоставило свободу и единство» [Осипов, 2006, с. 195]. Непосредственно в цитируемой работе «О старом и новом» указания на римское право отсутствуют, однако понятно происхождение вывода автора: для А. С. Хомякова право является вторичным, оно «составляет только часть из его общей системы философской или религиозной», при этом «идея о праве не может разумно соединиться с идеею общества, основанного единственно на личной пользе, огражденной договором» [Хомяков, 1988, с. 92]. Признавая факт негативных коннотаций, применительно к римскому праву у рассматриваемого представителя славянофильства следует отметить и то, что частное право явно находилось на крайней периферии его построений.

Другой классик славянофильства И. В. Киреевский в своей основной работе внимание уделял преимущественно религиозному, богословскому и философскому развитию, имея в виду его односторонне рационалистический характер на Западе, в меньшей степени общественно-государственному устройству как результату борьбы различных групп («частных партий», «классов», «сословий»), выразившемуся в формально-договорном характере социальных отношений. Заметим, что в последнем он не обвиняет римское право –

оно лишь оказалось в благоприятных общественных условиях [Киреевский, 1852, с. 27]. Собственно, частно-правовых вопросов он касается применительно к основанному на частной собственности землевладению (в противовес общинному) и когда говорит о западной семье, выстроенной на индивидуалистических началах [Киреевский, 1852, с. 50-52, 54-56, 62].

Едва ли не единственное положительное упоминание о западном праве у мыслителя именно про «римские законы, где стройность внутренней формальности доведена до столь изумительного логического совершенства» [Киреевский, 1852, с. 20]. С другой стороны, для И. В. Киреевского, как и для А. С. Хомякова, право не должно быть самодостаточным, оно должно быть пронизано нравственным началом. Высказывания И. В. Киреевского о римском праве столь абрисны, что, например, по поводу вышеприведенного возникают сомнения в атрибуции; современный исследователь Н. Ю. Андреев, заочно полемизируя с А. К. Судаковым, считает, что речь идет не только о римском гражданском, но и о публичном праве [Андреев, 2013, с. 158; Судаков, 2012, с. 281].

Позиция И. В. Киреевского не лишена внутренних противоречий: так, в одном месте утверждается, что в Византии частные науки (из контекста – включая юриспруденцию) со временем «покорились христианству» [Киреевский, 1852, с. 15], в другом месте (подчеркивая основанность на обычае российского допетровского права в целом) он указывает как на негативное явление восприятие «частных юридических постановлений Византии» [Там же, с. 65], имея в виду постановления византийских императоров.

Современный исследователь А. С. Карцов посвятил серию статей отношению отечественной консервативной мысли (понимаемой им чрезвычайно широко: от охранителей начала XIX в. до эмигрантских профашистских движений 20-х гг. века XX) к римскому праву. Предположительно рабочей гипотезой автора было, что указанное отношение было сугубо отрицательным: «Русский консерватизм трудно причислить к идеологиям, благоприятствующим принципам, заложенным в основу римского частного права» [Карцов, 2001, с. 100]. Однако, добросовестно исследуя исходный материал, исследователь обнаруживает лишь обвинения недостаточности преподавания российского законодательства, изучения российских правовых памятников, призывы к изучению обычного права [Там же, с. 104-106, 108], при этом «не редкостью являлись и комплементарные отзывы о римском праве, также принадлежавшие консерваторам» [Карцов, 2002, с. 174]. Делается общий вывод, что объектом критики русского консерватизма «выступало не столько классическое римское право, сколько римское право современное консерваторам» и «протест консерваторов против римского права был не безусловен за скобками тех значений, которые римское право приобрело в переломный для России период ее истории, они отдавали должное как юридико-техническому материалу римского частного права, так и месту, занимаемому им в сокровищнице человеческой цивилизации» [Там же, с. 201-202]. Действительно, попытка отказа от наследия римского права пришла с совсем другой стороны. В центре внимания славянофилов был постпетровский культурный отрыв как от предшествующей традиции, так и от его носителя в лице большинства населения страны.

При принятии по вопросу о римском праве как элементе современной европейской цивилизации оппозиции «западники-славянофилы» как тезис и антитезис, пожалуй, синтезом было бы развитие доимперской правовой традиции, в которой римское право реципировалось в византийской обработке.

Еще Н. М. Карамзин требовал при подготовке Свода гражданских законов вместо внедрения кодекса Наполеона кодификации старых указов и уложений, указывая, что последние разработаны на основе римско-византийских норм [Цит. по: Карцов, 2001, с. 101]. Конечно же необходимо упомянуть апологета «византизма» К. Н. Леонтьева, концепция которого предполагала опору на «право... римское, видоизмененное христианством» [Леонтьев, 2010, с. 1069]. Современное ему отечественное законодательство «есть право *европейское*, слегка окрашенное византизмом там, где государственность соприкасается с религией» [Там же, с. 1070]. Независимо от точности данных оценок и степени влияния идей К. Н. Леонтьева, следует признать наличие в общекультурном пространстве самой постановки вопроса о византийском влиянии на отечественное право.

Переходя к марксистской мысли, заметим, что ссылки на римское частное право с трудом обнаруживаются в работах Г. В. Плеханова, но найденные носят очевидно негативные коннотации: так, указывается на его подчинение религии, что в конечном итоге «в огромной степени затрудняло выработку истинных взглядов на происхождение правовых учреждений» [Плеханов, 1941, с. 17]; упоминая «односторонних романистов», указывает на их заслуги вопреки тому, что они считали римское право «писанным разумом» [Там же, с. 5].

Анализ взглядов на значение частного римского права собственно К. Маркса и Ф. Энгельса объективно проведен современным исследователем А. В. Шавровым. Он отмечает, что, с одной стороны, «основоположники марксизма высказали вполне адекватные, обоснованные соображения по поводу существования римского права как права частной собственности», с другой стороны, автор видит «ущербность» их концепции формационного подхода, который не позволял «сформулировать тезис об универсальном, вневременном характере основных идей и принципов» рассматриваемого права [Шавров, 2011, с. 45]. Во втором случае речь идет о том, что, по мнению классиков, феодальный способ производства якобы исключал частную собственность, поэтому в средние века римское право «умерло», «не применялось» [Там же, с. 51-52]. Не надо и говорить, что такой вывод не соответствует исторической действительности.

При высокой оценке классиками марксизма римского права как регулятора отношений частной собственности (А. В. Шавров цитирует Ф. Энгельса, что «все последующие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений» [Шавров, 2011, с. 55]) из формационного подхода следует дедуктивный вывод, что отказ от частной собственности должен повлечь отказ и от права, его регулирующего.

Этот логический вывод находит подтверждение в последующем – в первые годы попыток построить новое общество. В феврале 1922 г. В. И. Ленин сформулирует: «... мы ничего «частного» не признаем, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное. <...> Отсюда – расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения; <...> применять не *corpus juris romani* к «гражданским правоотношениям», а *наше революционное правосознание*» [Ленин, 1970, с. 398]. Этот подход, столкнувшись с реальностью, претерпел изменения, но вопрос отношения к римскому праву в советский период выходит за рамки настоящей работы.

Разумеется, сугубо отрицательное отношение к римскому праву наблюдалось в анархизме, в принципе отвергавшем право. В работе 1896 г. П. А. Кропоткин пишет, что римское право развратило умы изначально строивших жизнь на началах федерации

европейцев, подавило дух свободы [Кропоткин, 1907, с. 100-101]. При этом справедливо указывалось, что речь идет, скорее, о византийском праве [Там же, с. 114]. «Через всю историю нашей цивилизации проходят два течения, две враждебные тенденции: римская и народная <...> традиция власти и традиция свободы» [Там же, с. 128] – в этой дуалистической картине римское право является онтологическим злом, от которого надо решительно и бескомпромиссно отказаться.

Подытоживая, следует отметить следующее. Римское право в рассматриваемый период представляло собой значимый элемент культурного пространства России. Представители и «западничества» и «славянофильства» не демонстрировали ни резко отрицательного, ни безусловно положительного отношения к нему, в целом формируя в обществе умеренно критическое отношение. Абсолютное отвержение римского права проявилось лишь на крайне левом фланге политико-идеологической мысли, попытка реализации которого имела место в последующем.

Список литературы / References

Андреев, Н. Ю. (2013). О теоретико-правовых взглядах И. В. Киреевского. *Современное право*. № 4. С. 156-160.

Andreev, N. Y. (2013). On the Theoretical and Legal Views of I. V. Kireevsky. *Modern Law*. No. 4. Pp. 156-160. (In Russ.)

Артемьев, А. А. (1777). *Краткое начертание римских и российских прав: с показанием купно обоих равномерно как и чиновположения оных историй*. М.: Тип. Императорского университета. 190 с.

Artemyev, A. A. (1777). *A Brief Outline of Roman and Russian Rights: With the Testimony of Both, as Well as the Positions of These Stories*. Moscow. 190 p. (In Russ.)

Грановский, Т. Н. (1900). *Сочинения*. М. 659 с.

Granovsky, T. N. (1900). *Works*. Moscow. 659 p. (In Russ.)

Гуляев, А. М. (1894). *Об отношении русского гражданского права к римскому* (Вступ. лекция, чит. 16 сент. 1894 г.). Киев: Тип. Императорского университета св. Владимира В. И. Завадского. 16 с.

Gulyaev, A. M. (1894). *On the Relation of Russian Civil Law to Roman Law* (Introductory Lecture, chit. September 16, 1894). Kiev. 16 p. (In Russ.)

Десницкий, С. Е. (1768). *Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции*. М.: Московский Императорский университет. 51 с.

Desnitsky, S. E. (1768). *A Word about the Direct and Closest way to Learning Jurisprudence*. Moscow. 51 p. (In Russ.)

Десницкий, С. Е. (1990). Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. *Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия*. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. С.34-49.

Desnitskiy, S. E. (1990). A Word about the Direct and Closest Way to Learning Jurisprudence. In *Russian Philosophy of the second half of the XVIII century. The textbook*. Sverdlovsk. Pp. 34-49. (In Russ.)

Дювернуа, Н. Л. (1872). *Значение римского права для русских юристов*. Ярославль: Тип. Г. Фальк. 25 с.

Duvernois, N. L. (1872). *The Importance of Roman law for Russian Lawyers*. Yaroslavl. 25 p. (In Russ.)

Кавелин, К. Д. (1878). *Политические призраки: верховная власть и административный произвол: один из современных русских вопросов*. Berlin. 125 с. (In Russ.)

Kavelin, K. D. (1878). *Political Ghosts: Supreme Power and Administrative Arbitrariness: one of the Modern Russian Issues*. Berlin. 125 p. (In Russ.)

Кавелин, К. Д. (2013). *Государство и община*. М.: Институт русской цивилизации. 1296 с.

Kavelin, K. D. (2013). *The state and the Community*. Moscow. 1296 p. (In Russ.)

Карцов, А. С. (2001). Римское частное право в зеркале идеологии русского консерватизма. *Древнее право*. № 1 (8). С. 100-122.

Kartsov, A. S. (2001). Roman Private Law in the Mirror of the Ideology of Russian Conservatism. *Ancient Law*. No. 1 (8). Pp. 100-122. (In Russ.)

Карцов, А. С. (2002). Пандектное право сквозь призму идеологии русского консерватизма. *Древнее право*. № 2 (10). С. 174-202.

Kartsov, A. S. (2002). The Pundit Law through the Prism of the Ideology of Russian Conservatism. *Ancient Law*. No. 2 (10). Pp. 174-202. (In Russ.)

Киреевский, И. В. (1852). *О характере просвещения Европы и его отношения к просвещению России (Письмо к Е. Е. Комаровскому)*. М.: Тип. Александра Семена. 68 с.

Kireevsky, I. V. (1852). *On the Nature of the European Enlightenment and its Relation to the Enlightenment of Russia (Letter to E. E. Komarovsky)*. Moscow. 68 p. (In Russ.)

Кропоткин, П. (1907). Государство и его роль в истории. *Анархизм: Сб. 1. Эволюция и революция*. СПб.: Земля. С.65-130.

Kropotkin P. (1907) The State and its Role in History. In *Anarchism: Collection 1. Evolution and Revolution*. St. Petersburg. Pp.65-130. (In Russ.)

Ленин, В. И. (1970). *Полное собрание сочинений*. Т. 44. М. 725 с.

Lenin, V. I. (1970). *Complete Works*. Vol. 44. Moscow. 725 p. (In Russ.)

Леонтьев, К. Н. (2010). *Славянофильство и грядущие судьбы России*. М.: Институт русской цивилизации. 1232 с.

Leontiev, K. N. (2010). *Slavophilism and the Future Destinies of Russia*. Moscow. 1232 p. (In Russ.)

Неволин, К. А. (1857а). *Полное собрание сочинений. Энциклопедия законовения: Вторая половина особенной части*. Т. 2. СПб.: Тип. Э. Праца. 525 с.

Nevolin, K. A. (1857a) *Complete Works. Encyclopedia of Jurisprudence: The second half of the special part*. Vol. 2. St. Petersburg. 525 p. (In Russ.)

Неволин, К. А. (1857б). *Полное собрание сочинений К. А. Неволина. Т. 3: История российских гражданских законов. Кн. 1: О союзах семейственных*. СПб.: Тип. Э. Праца. 444 с.

Nevolin, K. A. (1857b). *The Complete works of K. A. Nevolin. Vol. 3. The History of Russian Civil Laws. Book 1. On Family Unions*. St. Petersburg. 444 p. (In Russ.)

Осипов, И. Д. (2006). А. С. Хомяков и философия права славянофильства. *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. Т. 171. С. 195-206.

Osipov, I. D. (2006). A. S. Khomyakov and the Philosophy of Slavophilism Law. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*. Vol. 171. Pp. 195-206. (In Russ.)

Пахман, С. В. (1877). *Обычное гражданское право в России: Собственность, обязательства и средства судебного охранения. Юридические очерки*. Т. 1. СПб.: Тип. 2 отделения собственной его императорского величества канцелярии. 447 с.

Pakhman, S. V. (1877). *Customary Civil Law in Russia: Property, Obligations and Means of Judicial Protection. Legal Essays*. Vol. 1. St. Petersburg. 447 p. (In Russ.)

Плеханов, Г. В. (1941). *О материалистическом понимании истории*. М.: Политиздат. 40 с.

Plekhanov, G. V. (1941). *On the Materialist Understanding of History*. Moscow. 40 p. (In Russ.)

Судаков, А. К. (2012). *Философия цельной жизни. Мирозерцание И. В. Киреевского*. М. 464 с.

Sudakov, A. K. (2012). *The Philosophy of a Whole Life. The Worldview of I. V. Kireevsky*. Moscow. 464 p. (In Russ.)

Хомяков, А. С. (1988). *О старом и новом*. М.: Современник. 461 с.

Homayakov, A. S. (1988). *About the old and the new*. Moscow. 461 p. (In Russ.)

Чичерин, Б. Н. (1900). *Философия права*. М.: Т-во И. Н. Кушнерев и К. 336 с.

Chicherin, B. N. (1900). *Philosophy of Law*. Moscow. 336 p. (In Russ.)

Шавров, А. В. (2011). К вопросу о марксистской концепции исторического значения римского частного права. *Юриспруденция*. № 3. С. 45-58.

Shavrov, A. V. (2011). On the Issue of the Marxist Concept of the Historical Significance of Roman Private Law. *Jurisprudence*. No. 3. Pp. 45-58. (In Russ.)

Энгельман, А. (1857). *Об ученой обработке греко-римского права, с обозрением новейшей его литературы: Опыт введения в изучение византийской юридической истории*. СПб.: Тип. Императорской Академии наук. VII. 189 с.

Engelman, A. (1857). *On the Scientific Treatment of Greco-Roman Law, With a Review of its Latest Literature: An Experience of Introduction to the Study of Byzantine Legal History*. St. Petersburg. VII. 189 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Зыков Сергей Викторович – научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; старший преподаватель Новосибирского национального исследовательского университета, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2. e-mail: ZykovSV@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5090-1814>

Статья поступила в редакцию: 25.04.2025

После доработки: 30.08.2025

Принята к публикации: 15.09.2025

Sergey V. Zykov – Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8; Senior tutor of Novosibirsk State University, Novosibirsk, 2 Pirogova Str., 2, e-mail: ZykovSV@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5090-1814>

The paper was submitted: 25.04.2025

Received after reworking: 30.08.2025

Accepted for publication: 15.09.2025